ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советская КУЛЬТУРА

№ 39 (6763)

29 сентября 1990 года

Основана в ноябре 1929 г. Еженедельная газета Центрального Комитета КПСС Цена 15 коп.

«СК» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!

Дебаты о согласии

НО РЕЛИГИЯ БОРЬБЫ В НАС ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЕТ

3 страница

«Отношение друг к другу — это и отношение людей к природе. К миру в целом». Преувеличение? Нисколько — в этом убеждает выступление писателя Сергея Залыгина.

4 страница

Первого октября отмечается Международный день музыки. Первого октября зажгутся огни концертных залов, тысячи людей устремятся на встречу с прекрасным...

Примерно так еще недавно мы начинали свои репортажи, посвященные этому дню. Но сегодня не время для парадных статей. Музыкальное искусство переживает не просто кризис, но находится на опасной грани. Поэтому мы не будем говорить о волшебном. Поговорим о земном.

10 страница

«ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ, ОДИН СО ВСЕМИ» —

о творчестве Чингиза Айтматова размышляет критик Генрих Митин.

11 страница

Номер подписан по графику в 14.00 28 сентября.

НА ПОЛЕ ВСЕХСВЯТСКОМ

В четверг, 27 сентября, в день праздника Русской православной церкви — Воздвижения Креста Господня — в Москве, у церкви «Всех Святых», что позади станции метро «Сокол», состоялось торжественное поминовение российских воинов, погибших на полях сражений первой мировой войны. Некогда здесь простиралось обширное воинское братское кладбище, где хоронили павших в боях георгиевских кавалеров, авиаторов, моряков, сестер милосердия, солдат и офицеров, умерших от ран в московских госпиталях. Время и беспамятство сделали свое дело — на костях героев брусиловского прорыва встали жилые кварталы, но там, где от территории кладбища сохранился небольшой сквер, положен и освящен закладной камень будущего памятника-часовни в честь воинов, отдавших жизнь за Отечество. Памятник будет представлять собой небольшое сооружение в стиле классической русской архитектуры — ротонду с нишами для скульптур, увенчанную куполом, интерьер часовни украсят мозаики. Предстоит детальная разработка проекта.

Восстановление памяти и чести Всехсвятского воинского кладбища тем более обращено к нашему патриотическому достоинству и знаменательно для Москвы, что оно связано с двумя славными именами художественного мира России — архитектора А. В. Щусева, создателя Мавзолея на Красной площади и Казанского вокзала, и скульптора И. Д. Шадра, ставшего одним из крупнейших зиждителей советского времени. По проекту Щусева в 1916 году был воздвигнут на кладбище храм во имя павших героев, уничтоженный в тридцатые годы, а Шадр планировал создать на этом поле скорби ансамбль-некрополь «Памятник мировому страданию», хоть и оставшийся неосуществленным, но вошедший в историю русской художественной культуры высоким взлетом творческой мысли.

В. ОЛЬШЕВСКИЙ.

«НОВЫЕ ИМЕНА»

Вновь под сводами старинного московского особняка на Гоголевском бульваре звучали чарующие звуки музыки и детские голоса. 26 сентября здесь прошла ставшая уже традиционной презентация стипендиатов международной благотворительной программы Советского фонда культуры и Советского фонда мира «Новые имена». Она предусматривает поддержку молодых талантов во всех областях искусства, гуманитарных и точных наук.

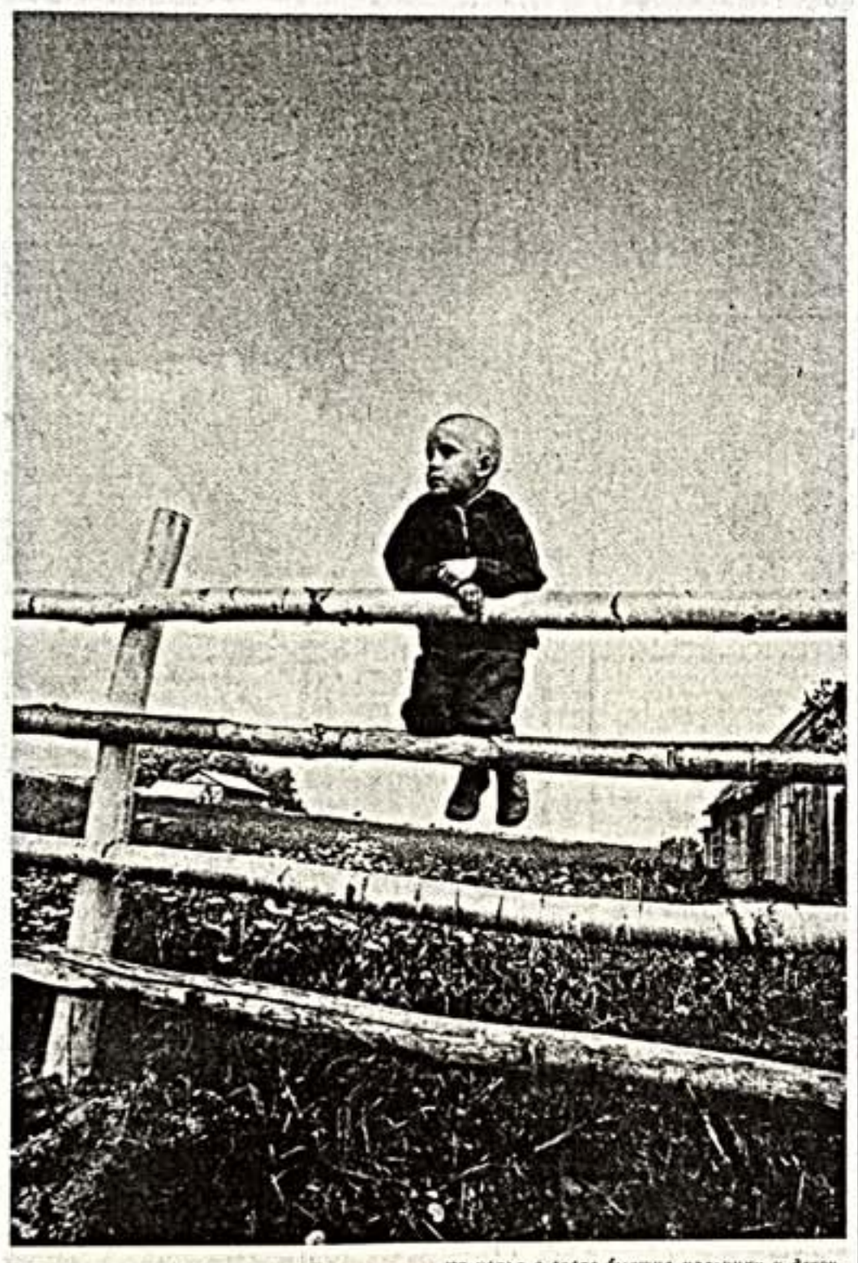
— Под свои знамена «Новые имена» собирают людей, желающих отдать частичку своей души талантливым детям, внести свой вклад в воспитание нового поколения творческой интеллигенции страны,— говорит член попечительского совета, профессор Московской консерватории Евгений Малинин. — Наконец-то от слов мы перешли к делу: помогаем юным музыкантам приобретать дорогостоящие музыкальные инструменты, финансируем их участие в престижных музыкальных конкурсах, выплачиваем стипендии...

...Чистый и звонкий, как весенний ручей, голос Сергея Казаневича — ученика рижской музыкальной школы-интерната — звенел и переливался под расписным потолком Готического зала. А затем на авансцену вышли лауреат Всесоюзного конкурса имени Б. Дварионаса юный пианист и композитор из Еревана Ваган Мартиросян, студентка Челябинского музыкального училища Валерия Авербах, московская школьница Вика Ветрова, ставшая лауреатом Всесоюзного поэтического конкурса «Озарение».

Свое мастерство показали и баянисты Женя Лопатин и Олег Бычков — участники первого Всероссийского фестиваля исполнителей на народных инструментах. На вечере им были вручены тульские баяны. Такой же подарок получил и ученик московской средней музыкальной школы имени Гнесиных Володя Гушлевский. Овациями встретили и выступление юных музыкантов из Челябинска — братьев Дениса и Вадима Гольдфельдов. Через несколько дней Денис — стипендиат Советского фонда культуры — отправится на учебу в ФРГ.

Е. ШПИКАЛОВА. (Корр. ТАСС).

МОСКВА.



Сидел мальчик на заборе...

Когда-то и я сидел на заборе.

Быть может, в той сибирской деревне, с которой связано детство, заборы были иными, но не сидеть и не смотреть куда-то вдаль?..

Если бы тогда какой-нибудь щалый фотограф запечатлел меня и предложил снимок газете, он наверняка бы назывался — «Им жить при коммунизме!»

Так оно и было: сидя на хилых заборах, мы смотрели в коммунизм. Потом двадцать лет, отпущенных на вхождение в светлое завтра, прошли, затем пробежали еще десять...

А что видится тебе, мальчик?

Ты смотришь вдаль и пока еще мало что знаешь про наше трудное сегодня. Тебе невдомек, что в какой-нибудь тысяче верст от твоего забора, за кремлевской стеной, домаются копья в споре бывшие мальчики и девочки, многим из которых, для того чтобы сделать выбор, не хватает дерзкого ощущения детства. Речь идет не о глупой бесшабашности, а о том, чтобы понять — моя жизнь, мой звездный час совпали с переломом судьбы моей Родины. И от того, насколько я буду смел, решителен и честен, зависит жизнь и нынешних, и грядущих мальчиков.

Мне хочется, чтобы этим чувством будущего стали жить не только те, кто заседает за кремлевским «забором», но и те, кто выступает в парламенте России, кто решает судьбу Москвы, Ленинграда, Свердловска...— всего Отечества.

Прекратите пустые распри, амбициозные дискуссии. Посмотрите на мальчика и вспомните себя в его годы.

Сделайте так, чтобы он, чтобы все они стали хотя бы чуть-чуть счастливее нас.

Ю. СОЛОМОНОВ.

Фото В. Ершова.

Есть мнение!

О «перевертышах»

В. Волков, Минск:

— Есть такие люди, которые, если им понадобится, и цитату Ленина так перевернут, что она на них работать будет... Они, когда им партия была нужна, обдуманно произносили ей здравицу, пробиваясь к высоким постам. А теперь, когда партийным быть непрестижно, бегут с тонущего корабля. Я беспартийный, но мне крайне отвратительна такая позиция вчерашних «ленинцев»!

Об «устрашающей» терминологии

М. Цветков, Смоленск:

— Как известно, субъектами надзора являются надзиратели, что ассоциируется с тюремными порядками. Тогда непонятно, почему страшное слово «надзор» полюбилось политикам и юристам? Ради бога, уважаемые законодатели, не втискивайте его в новую Конституцию. Создавайте Комитет конституционного контроля, но только не «надзора». А то ведь даже Государственный арбитраж не желает расставаться с надзирательством: жалобы на решения арбитража именуются не просто жалобами, а обязательно — на порядке надзора». Или слово «зона», спутниками которого являются зеки, заборы и колючая проволока. Так почему нельзя найти приемлемую альтернативу словосочетаниям «зона отдыха», «нечерноземная зона»?

О принадлежности газеты к ЦК КПСС

Р. Вахрамеева, педагог, Киев:

— «СК» в № 36 в заметке «Регистрация состоялась» сообщила, что единственная общесоюзная газета, целиком посвященная культуре, искусству, зарегистрирована как издание ЦК КПСС. Почему? Я считаю, что ваша газета должна быть массовым изданием, независимым от политических партий, массовых движений, общественных организаций и частных лиц. Придется отказаться от «Советской культуры», которую выписывала более 35 лет.

Почти уверена, что мнение мое вы не опубликуете, ведь ваши издатели по-прежнему держат вас на поводке.

О рынке

Б. Михайлов, Куйбышев.

— Мне кажется, участникам споров о будущем страны не следует упускать два очень важных момента. Во-первых, наверно, что рынку нет альтернативы. Подъем экономики может обеспечить и военный коммунизм — трудовая повинность, «классовое чутье» вместо закона, карточная система и т. п. Во-вторых, не надо идеализировать рыночную экономику: это очень плохая система. Только вот ничего лучшего человечество пока не придумало. Так что давайте не надеяться на «край на земле», давайте, если мы считаем себя умными людьми, постараемся из всех зол выбрать меньшее.

О гуманизации культуры

А. Болотник, Москва:

— Если в музеях изобразительного искусства можно увидеть большое количество посетителей, то литературные очевидно пустуют. К сожалению, и литературная классика занимает все меньше времени в чтении старшеклассников. А если учесть, что уменьшается и число подготовленных учителей-литераторов, то можно увидеть причину медленной демократизации нашего общества: она в слишком низкой гуманитаризации образования.

АДРЕСА МИЛОСЕРДИЯ

У доброты нет границ

Идут и идут эти письма в редакцию. Письма читателей, которые близко к сердцу приняли благотворительную акцию нашей газеты. Мы решили познакомить с некоторыми из них.

«Глубокая благодарность «Советской культуре» за учреждение Всесоюзного фонда помощи семьям погибших сотрудников милиции, органов пожарной охраны и военнослужащих внутренних войск МВД СССР. В моей памяти навсегда остался Человек в милицейской форме, спасший меня (десятилетнюю девочку) в один из тяжелых дней 1942 года в блокадном Ленинграде.

Низкий поклон тем, кто, рискуя своей жизнью, защищает нас от злых дел преступников...»

Это строки из письма москвички В. Королевой. К письму приложила она квитанцию почтового отправления на 25 рублей.

В унисон и письмо научного сотрудника ИАЭ им. И. В. Курчатова Станислава Георгиевича Тимофеева.

«Приветствую и материально поддерживаю создание фонда. Что может быть благороднее в наши дни, нежели возрождение в людях милосердия, незаслуженно забытого нами. Многие годы я отчислял два процента со всех видов дохода на различные благотворительные цели. С первого июля этого года всю эту сумму я решил перечислять на счет фонда «Подвиг». Хотелось, чтобы «Советская культура» на своих страницах рассказывала о героических поступках сотрудников органов внутренних дел. И в первую очередь о тех, кто отдал жизнь ради жизни других».

«Прошу зачислить на счет фонда наш вклад в 560 рублей...» Это пишет из Ленинграда полковник Б. Хадонов, командир подразделения Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

Борис Харитонович также сообщает о трагической судьбе бывшего слушателя училища старшего лейтенанта милиции Виктора Новикова, убитого при исполнении служебного долга.

У Виктора остались мать, жена и две девочки. Когда слушатели училища узнали о мизерной пенсии за погибшего сына, мужа, отца, то товарищи решили помочь этой семье. И не разовыми сборами, а так, чтобы она не знала нужды. Так родился документ, утвержденный на общих собраниях всеслушательских подразделений факультета, где учился В. Новиков: ежемесячно каждый слушатель будет вносить по одному рублю. До 2004 года — до исполнения младшей дочери Виктора 18 лет — ежемесячно в адрес его семьи будут поступать переводы в 560 рублей.

Два раза в год (в зимние и летние каникулы) на родину Новикова выезжают слушатели и руководство факультета для оказания практической помощи семье по хозяйству.

(Окончание на 5-й стр.)

Наша газета на ВДНХ

День города, хотя погода и не радовала в минувшую субботу москвичей и гостей столицы, удался. В него органически вписался фестиваль газеты «Московская правда», а в рамках праздника на ВДНХ СССР состоялся День газеты ЦК КПСС «Советская культура».

В павильоне «Советская культура» была развернута выставка нашей газеты и ее приложений — «Экран и сцена» и «Архитектура», состоялась встреча членов редколлегии, журналистов с читателями и авторами «Советской культуры».

На День «Советской культуры» приехали и друзья газеты — популярные артисты эстрады и цирка. Сердечно благодарим участников концерта, выступления которых создали праздничный настрой, подарили участникам встречи радость общения с прекрасным искусством.

И есть еще один участник Дня «СК» на ВДНХ. Он привел с собой целую группу молчаливых персонажей, украсивших своим присутствием павильон. Речь идет о скульпторе народном художнике РСФСР Юрии Чернове. Он подарил Дню газеты экспозицию, над героями которой трудился последние годы. Это выдающиеся путешественники нашего века. Выставку открывает космический первопроходец Юрий Гагарин. Рядом с ним легендарный Тур Хейердал, члены его экипажа наш соотечественник Ю. Сенкевич и итальянец Карло Маури, американский полярник Пол Шурке. Среди представленных Ю. Черновым скульптурных портретов и Федор Конюхов, совершивший этой весной под эгидой нашей газеты поход на лыжах к Северному полюсу.

Гр. ГОГОБЕРИДЗЕ.

● *Клара Новикова.* ● *Вячеслав Борисенко и Ирина Бурдецкая.* ● *Юрий Петерсон.* ● *Работы скульптора Юрия Чернова.*

Ф. СП-1

Министерство связи СССР «Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету Советская КУЛЬТУРА 50126 (индекс издания)

Количество комплектов 1

на 1991 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА на газету 50126 (индекс издания)

пв место дн-тер

Советская КУЛЬТУРА

Стоимость подписки — руб. — коп. перерасчета — руб. — коп. Количество комплектов 1

на 1991 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

СТРАСТИ ВОКРУГ ВЛАСТИ

ЧТО ЗА ВИХРИ ВЕЮТ НАД НАМИ

Тревожными на минувшей неделе были многие сообщения Украинского радио и телевидения, республиканских газет. Поводом послужили действия определенных деструктивных сил, которые меньше всего интересуют политические и экономические трудности, волнующие сегодня тружеников Украины.

Говоря о них в своем выступлении по Украинскому телевидению, Председатель Совета Министров УССР В. Масол подчеркнул, что такие действия, как призыв, например, «Ассоциации демократических Советов и демократических блоков в Советах» провести 27 сентября «общереспубликанскую забастовку», а 1 октября «общенациональную манифестацию» в Киеве, могут нарушить нормальный ритм труда, серьезно обострить ситуацию в республике.

Предпринимаемые попытки бросить вызов законно избранным Советам, спровоцировать серьезный политический кризис решительно осуждаются большинством трудовых коллективов республики. Об этом свидетельствуют, например, прозвучавшие по республиканскому радио заявления представителей Киевского мотоциклетного завода и объединения имени О. К. Антонова.

Крупную подборку материалов под заголовком «Интересы народа требуют единства» — таково мнение большинства жителей Украины опубликовала газета «Правда Украины». В ней, в частности, говорится о политической провокации западных «демократов», пожаловавших недавно на Черниговщину. Работники госавтоинспекции и селяне на подъезде к областному центру остановили три автобуса с вожаками из Львова, Луцка и других регионов Западной Украины и призвали незваных гостей к благоразумию. Группа депутатов Черниговского городского Совета ознакомила приехавших руководителей делегаций Украинской республиканской партии и Руха с решением президиума Черниговского областного Совета о недопустимости действий политизированных организаций и группировок, в том числе из других регионов страны, по дестабилизации внутренней политической обстановки и правопорядка в области. Более пяти часов длились переговоры. Однако по команде народного депутата УССР А. Гудымы люди вышли из автобусов и перекрыли трассу. В течение часа на напряженнейшей автомагистрали образовалась многокилометровая пробка...

Ветеран войны, член КПСС с 1941 года А. Жолудь прямо призывает со страниц газеты: «Пожалуйста, дорогие мои сопартийцы из ЦК Компартии Украины, сделайте что-нибудь. Экстремистские силы активно выступают против компартии. Нужно немедленно менять формы работы, сплачивая вокруг себя здоровые силы».

Что ж, верно — отпор провокациям надо давать без промедления. Политический экстремизм не должен отравлять жизнь настоящим труженикам. Кому, как не нам, остудить «горячие головы» — вот лейтмотив большинства публикаций, которые в последнюю неделю напечатаны в прессе Украины.

О. ГУСЕВ.
(Наш соб. корр.).

КИЕВ.

В минувшее воскресенье после богослужения в Успенском соборе Кремля состоялся крестный ход по улицам Москвы до церкви Большого Вознесения у Никитских ворот. Впереди с иконами и хоругвями шло высшее духовенство православной церкви. Шли они, чтобы совершить благое дело — вновь освятить храм, принадлежащий отныне детской воскресной школе.

На фотографии же этих — «примкнувшие» к благому шествию. Они несут портреты Николая II. Что ж, после того, что мы узнали об убийстве последнего русского царя и его семьи, непросто спорить с теми, кто хотел бы причислить его к святым мученикам...

Только почему под портретами царя все чаще собираются поклонники зла и хаоса, преследователи иноверцев? Не потому ли, что идущие впереди не всегда обращают внимание на происходящее в хвосте!

ЗА КУЛИСАМИ

ЗАСТОЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТА МАРКА ЗАХАРОВА

— Надо чаще посылать наших режиссеров в Лондон подышать тамошним воздухом,— сказал Марк Захаров на первом заседании временного Совета недавно учрежденной Всесоюзной ассоциации режиссеров театра (АРТ).

Нужно бы понять, что худрук «Ленкома», он же президент АРТ (Марк Анатольевич специально оговорил, что новая его общественная должность пишется с маленькой буквы!), имел в виду не только необходимые для всякого творческого человека ознакомительные поездки к зарубежным коллегам-мастерам. Думается, весь смысл создания новой ассоциации именно в том, чтобы больше воздуха — свободы, всевозможных гарантий — было у человека, проходящего по жизни театральным режиссером-постановщиком.

А для этого членам временного Совета (здесь-то большая буква!) пришлось основательно заняться... бумаготворчеством.

В большом, но уютном кабинете худрука «Ленкома» представители регионов, республик познавали практику парламентской работы «в комиссиях и комитетах». Несколько типовых проектов трудовых соглашений, положение об АРТ, штатное расписание и, так сказать, финансовые «инвенсценьки»... — все это требует серьезного застольного периода, ибо полная юридическая неразбериха, сопровождающая сегодня деятельность режиссера-постановщика, и лишает его того самого творческого воздуха, без которого профессия — это не профессия.

В скором времени соберется расширенный Совет и все эти документы утвердит. (Кстати, с вопросами на этот счет можно обратиться по московскому телефону: 209-54-86). А потом, видимо, следует нам, зрителям, ожидать хороших спектаклей и за пределами здания, в котором заседал Совет...

В. ПОТАПОВ.

ПРЕССА БЕЗ ПРЕССА...

«ГУДОК» ПРОТИВ «КОЛОКОЛЬЧИКОВ»

В течение долгих недель один из старейших рабочих газет — «Гудок» сражался за право самостоятельно распоряжаться своими страницами, избавиться от навязчивой опеки МПС и ЦК отраслевого профсоюза. Свершилось! XXV съезд теперь уже Независимого профсоюза железнодорожников и транспортных строителей единодушно признал редакцию «Гудка» соучредителем газеты.

А борьба была напряженной. МПС и ЦК старого профсоюза сопротивлялись отчаянно. Навязывали своего главного редактора, не признавали В. Широкова, избранного на эту должность коллективом. Нужно заметить, что именно в этот период гудковцы действовали предельно откровенно: своими публикациями, характером информационных материалов они давали однозначно понять, что прежним монопольным хозяевам есть за что бороться, точнее, против чего бороться — против резкого отхода газеты от узковедомственных интересов, юбилейных «колокольчиков» и ласкающих слух интонаций. Позиция «Гудка» (признаемся, было не так давно время, когда его было едва слышно) резко переменилась. Сегодняшние отраслевые проблемы он изучает и анализирует исключительно на фоне всего происходящего в стране. Потянулись читатели. Дорогого стоят письма, опубликованные «Гудком» в разгар выяснений отношений с былыми наставниками.

...А ведь есть, согласитесь, что-то символическое в том, что долгожданное решение по «Гудку» фактически совпало во времени с открытием мемориальной доски на доме «302-бис», что по Садовой улице Москвы. То есть разделил праздник с газетой замечательный гудковец Михаил Афанасьевич Булгаков!

«— Да, свершилось,— ответил Мастер и, успокоившись, поглядел в лицо Воланду прямо и смело...»

В. ФЕДОРОВ.

Фото В. Киселева.

...И ПОД ПРЕССОМ

С КУКИШЕМ В КАРМАНЕ

Газета «Молодежь Молдавии», издаваемая на русском языке, приказала долго жить. Газету перед смертью штормило. Вчера ее заносило вправо, сегодня — на левый борт.

В одном номере газета ударялась в богоискательство, в другом звала беса. Возможно, все это можно и назвать плюрализмом мнений, проявлением гласности, но я бы, старший по возрасту и опыту, назвал бы такое прежде всего некоторым дефицитом профессионализма.

Конец «молодежки» можно сравнить с землетрясением... Фотокор «Молодежи Молдавии», так сказать, заловил премьер-министра ССР Молдовы в момент, когда он, выступая перед народом, вскинул руку. Редколлегия не посчитала, что такая публикация просто оскорбительна не только для должностного лица. Фотографии увидела свет — через пару часов в молодежную редакцию ворвалась толпа, весьма сведущая для людей с улицы в вопросах печати. Она потребовала от редактора извинений в эфире, ухода с поста вон и закрытия газеты до особых распоряжений. Местное агентство «Молдова-прес» наутро сообщило: «...В Доме печати состоялась встреча группы читателей с представителями редакции газеты «Молодежь Молдавии»...» Прямо-таки идиллия с чаепитием за редакторским столом. С последующим закрытием газеты.

Умения говорить взвешенно нет не только у моих молодых коллег. Листаю издания всяческих направлений, и их общий одно — в них публикуются, так сказать, журналисты. В русском дайджесте издания Совета Молдовы «Молдова суверана» («Суверенная Молдова») в материале о конфронтации двух берегов Днестра спотыкаюсь о строчку «...нож достал до кости». Газета народного фронта «Царан» требует высылки из Молдовы большой группы инакомыслящих «шефов», как в республике стали звать поэтов русское население. Высылки — куда? Высылки — сколько? Высылки — за что? «Днестровская правда», издаваемая в Тирасполе, тоже не выбирает выражений в обличении, так сказать, шовинистов. Идет на разговор публицистов, в безобразный, будоражащий население, кухонный ор.

И вот тут-то бы руководству республики обозначить, кто есть кто, вникнуть в Закон о печати, совсем не предлагающий брань оплачивать гонораром. Тому закону, ведущему к демократической печати, не нужны цензоры с улицы и реставраторы с ломами. И тех же молодежных журналистов, закомплексовавших в инфантильности, можно было бы поучить, а не проучить, как и прочих тоже. И не идти на друг друга с фигой в кармане. Пока что «непослушное дитя молдавской перестройки» газета «Молодежь Молдавии» и подписчикам не поступает. И от этого спокойнее в Молдове, увы, не стало...

В. ЛЕТОВ.
(Наш соб. корр.).

ССР Молдова.

КОНТАКТЫ

ПУСТЬ ХОТЬ ДЕТИ ПОЮТ

В Баку чрезвычайное положение. Это сказывается на городе, на настроении граждан. Вот почему в этот безоблачный солнечный день, когда по центральным улицам прошла праздничная колонна детей, на них сразу обратили внимание. С этого яркого марша начался фестиваль детского творчества «Музыкальный сентябрь», организованный Министерством культуры, Союзом музыкальных исполнителей республики и другими организациями. Наш корреспондент вопросы министра культуры республики Полада Бюль-Бюль Оглы коротко рассказать о нем.

— В каждом мероприятии, даже в этом марше детей,— начал министр,— нашего фестиваля высвечивалась одна главная идея — дружба, единство народов нашей страны. Откровенно говоря, находились, так сказать, «благожелатели», которые советовали отложить фестиваль до лучших времен. Разве может идти речь о сближении наших народов, о дружбе, когда с каждым днем усиливаются центробежные силы, растет отчуждение. И чем больше приводились подобные аргументы, тем для нас становилось яснее необходимость проведения именно таких мероприятий в наши дни.

— Несколько слов о коллективах...

— По моим наблюдениям, и со мной согласны специалисты, уровень детских музыкальных коллективов вырос, бакинцы с удовольствием слушали народный хор учащихся рижской музыкальной школы-интерната «Вайда-Лотта», вызывали на «бис» юных танцоров ансамбля таджикского Центра по эстетическому воспитанию, хорошее впечатление произвел вокально-инструментальный коллектив «Гунчи» Дворца пионеров и школьников из Узбекистана.

— А как выглядели хозяева!

— Как всегда, были на высоте малыши из прославленного «Джуджалярини («Мои цыплята») Дворца пионеров и школьников Баку. Понравился струнный камерный ансамбль бакинской музыкальной десятилетки.

— Послушаешь тебя, все прошло отлично, и никаких проблем.

— Конечно, были и проблемы. Мы хотели, чтобы к нам приехали дети всех республик. Заранее оседомнили всех. Но вместо детей из Минска, например, пришла вот такая телеграмма: «Приношу свои извинения. Хор «Алые паруса» приехать не может из-за отказа родителей». Выходит, боятся. Поработала наша пропаганда. Дети окажутся мудрее старших, разъедутся по домам, расскажут о нашем солнечном крае, о замечательных его людях.

Ф. МУСТАФАЕВ.
(Наш соб. корр.).

БАКУ.

ПИРАМИДА — В НАГРАДУ

В Канре закончился первый Международный кинофестиваль фильмов для детей.

Радостным, незабываемым зрелищем стал для всех юных зрителей праздник открытия фестиваля в канрском кинотеатре «Тахрир». Под звуки знаменитого марша из «Аиды» у входа зрителей встречали огромные расписные чудо-звери.

На фестивале были представлены два советских фильма — «Раз, два, горе не беда» (режиссер Михаил Юзовский, Киностудия имени М. Горького) и «Сын». Эта последняя картина туркменского режиссера Хальмамеда Канабаева, очень скромная лента, повествующая о днях войны и о судьбе мальчика из аула, который ждет отца с фронта, неожиданно для многих и стала победителем — получила первый приз первого фестиваля, «Золотую пирамиду».

В ближайших номерах читайте в нашей газете подробный рассказ о том, как проходил этот фестиваль.

В. ИВАНОВА.

КАИР.

В СОВЕТСКОМ ФОНДЕ КУЛЬТУРЫ

Председатель правления СФК академик Д. Лихачев предложил президиуму рассмотреть новую концепцию деятельности фонда, суть которой можно представить вкратце так — меньше бюрократизма, а больше компетентности.

Предложено строить фонд по принципу разумного государства: с разделением законодательной, исполнительной и, если можно так сказать, судебной власти. Последняя — это независимые эксперты, которые будут давать оценку всем поступающим в фонд проектам и предложениям по расходованию средств. На основании их заключений общественный президиум будет выносить решения, которые должен будет выполнять аппарат правления. Предложенная схема, по всей видимости, потребует структурных и качественных изменений в штатном расписании.

Подобно союзным государственным органам, СФК в условиях нарастающего стремления к суверенитету придется определять свои отношения с фондами на местах. По общему мнению представителей республиканских и областных фондов, это потребует изменений в Уставе СФК, составленном еще по канонам монолитного государства. В данном случае центральное правление фонда выступило одним из инициаторов нового «союзного договора».

В довольно горячих дебатах о будущем не были обойдены и текущие вопросы. Решено начать закупку и сбор работ для Музея современного искусства в Москве, выделить миллион рублей на создание культурного центра в доме Марины Цветаевой, а также предоставить помощь школьным и народным музеям А. С. Пушкина. Обсуждался также вопрос о финансовом участии фонда в восстановлении памятников Валаама.

Двухдневное заседание закончилось на довольно оптимистической ноте. Стипендиаты Международной благотворительной программы «Новые имена» из разных городов страны дали небольшой концерт. Эти молодые таланты, сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев, позволяют нам с уверенностью смотреть в будущее: если жив дух народа, все трудности — лишь временное явление.

(Наш корр.).

ШТРАФ ЗА «НЕУД»

Сегодня 92 процента студентов Воронежского сельхозинститута не посещают лекции, крайне низкая успеваемость. В вуз приходят много случайных людей. И нынешний ректор, чувствуя ответственность перед временем и чтобы хоть как-то расшевелить студента, принимает решение: установить плату за пересдачу экзаменов. Первая пересдача — 25 рублей, вторая — 50.

Отреагировали не только двоечники. Перед учебным корпусом студенты собрались на митинг с плакатами: «Ректор, одолжи четвертной!», «Долой плату за экзамены!».

Владимир Ефимович Шевчик не вышел к митингующим на переговоры, объяснил ситуацию, просил подсказать выход. Большинство решило отчислять бездельников, позорящих вуз, после первой же двойки, но приказ о плате за перезкзаменовку отменить. На том и сошлись. Интересно, что будет дальше?

Э. ЕФРЕМОВ.
(Наш соб. корр.).

ВОРОНЕЖ.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

«Советская культура» рассказывает о духовной жизни общества. Подписавшись на нашу газету, вы будете прекрасно ориентированы в мире искусства, политики, международной культурной жизни. Это — ваша газета!

Подписная цена на год — 15 руб. 60 коп. Выписать «СК» можно и на полгода, и на квартал... В киоски газета будет поступать в ограниченном количестве.

НАША ГАЗЕТА НА ВДНХ

● *Участники концерта на ВДНХ: Валерий Струков, Михаил Бремин, Алла Баянова.*
Фото Н. Самойлова.

ОТУТЮЖИЛИ!

Только что поступил в продажу рекламно-информационный каталог Международного центра юмора «УТЮГ». Смотришь в каталог, и сразу становится ясно, что далеко не все рисунки, присланные на конкурс «Ура, культура!», опубликованы в нашей газете. Есть еще над чем посмеяться. Так что покупайте «УТЮГ»! За немецкие утюгов.

СТРАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, БЕССМЫСЛЕННОГО И БЕСПОЩАДНОГО БУНТА СТАЛ СЕГОДНЯ ПОИСТИНЕ НАВЯЗЧИВОЙ ИДЕЕЙ, МАНИЕЙ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ. ОПРАВДАН ЛИ ОН?

Фото Владимира Соколова.

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ:

ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ!

Нет сегодня, пожалуй, такой политической партии и группы, которая бы не пользовалась в своих целях разговорами о «гражданской войне» (много реже о революции), а то и откровенно бы не спекулировала на них. В самом деле — пробежимся по политической шкале, скажем, справа налево.

ПРАВЫЕ ЭКСТРЕМИСТЫ, ШОВИНИСТЫ. У них вообще, кроме разговоров о гражданской войне, кажется, тем не осталось. Грядет (или уже настал?) хаос. В чем же он? Мафия коррупция, паралич власти, а за спиной всего этого — заговор темных сил, левых радикалов, дестабилизирующих обстановку, ведущих к кровопролитию, к гражданской войне в своей отчаянной борьбе за власть и за погубление России. Альтернатива? Сплачивайтесь вокруг сил национального возрождения, которые не допустят гражданской войны, противопоставят их силам свои силы. «Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия»,— хором повторяют они вслед за известным писателем слова, который в свою очередь повторил их вслед за известным политиком начала века.

ПРАВЫЙ «ЦЕНТР», консервативные силы аппарата. Здесь достаточно вспомнить речи наиболее агрессивно настроенных делегатов съезда Российской Компартии. Все те же сюжеты, в той же последовательности, в той же аранжировке, с некоторыми нюансами.

ЛИБЕРАЛЫ. Ну, тут и говорить нечего. Собственно, интеллигенция первой и начала еще пару лет назад пророчествовать насчет гражданской войны. Понятно — ведь в такой ситуации первые, кто идет под нож, естественно, интеллигенты. Так повелось еще с очень давних времен. Естественно, либеральная интеллигенция (Мигранян, Кляжкин) первой и предложила в качестве противовеса гражданской войне институт президентства.

Конечно, либералы видят гражданскую войну несколько иначе. Опасность идет не только (и не столько) слева, сколько справа, от правых экстремистов, которые утверждают, что они против «великих потрясений»... Далее, для либералов опасной кажется не столько даже сама гражданская война, сколько военный переворот, который могут совершить неведомые «генералы» под предлогом «предотвращения» гражданской войны. Наконец, опаснее всего просто бесцельный и беспощадный бунт «черни», полууголовной шпаны.

Итак — революция и гражданская война опасны. Их предотвращение путем военной «революции» справа тоже опасно. Наконец, опасно растущее недовольство народа. Выход? Просвещенная и сильная власть, установленная в законном порядке.

Наконец, **ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЫ.** Их аргументы сильно похожи на аргументы правых, похожи, как зеркальное отражение. Да, власть в параличе. Да, мафия, коррупция, заговор темных сил. Только все это — на правом фланге. Это они — шовинисты, аппаратчики, провоцируют, нагнетают, ведут дело к военному перевороту или даже к гражданской войне. Цель? Сохранить свою власть. Им можно противопоставить только одно: выдержку, силу, сплочение всех организованных левых сил. Примерно это я много раз слышал на митингах в защиту демократии. И с полным правом они могли бы повторить лозунг своих противников: «Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия» (великая, понятно, не мощным военным кулаком).

Итак, все говорят о гражданской войне. Но раз говорят — значит говорить об этом им нужно, выгодно. Почему?

Я не знаю, многие ли из говорящих сами верят в то, о чем говорят. Но одно очевидно: страх перед надвигающимся общим врагом — лучшее средство сплотить своих сторонников. Рецепт этот подтвердила вся история человечества.

Я глубочайше убежден — нет сегодня такой политической партии и группы, которая бы хотела для достижения своих целей произвести насильственную (румынский вариант), революцию, военный путч, тем более — начать гражданскую войну. Действительно — пройдемся опять по политической шкале, теперь слева направо.

ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЫ. К счастью, у нас в России сегодня левых экстремистов нет и не предвидится. Русская традиция кинжалов и револьверов, от Каракозова — Желябова — Ульянова до Каляева — Савинкова, похоже, не возродится. Члены самой «крайней» левой партии — Демсоюза — говорят: к нам приходят какие-то личности с криками: коммунистов надо убивать! А мы им отвечаем: зачем? Что их — есть, что ли? Те же, кого у нас величают левыми радикалами (межрегиональная группа «Демократическая Россия»), и вовсе представляют собой корректную парламентскую оппозицию. Они добиваются недурных успехов в честной предвыборной борьбе, и в любом случае подготовка «заговоров» и революций для них — такой же опасный бред, как подготовка к полету на Солнце.— не долетишь, сгоришь...

ЛИБЕРАЛЫ. Обсуждать подготовку либералами гражданской войны можно только на страницах юмористического журнала.

ПРАВЫЙ ЦЕНТР, АППАРАТ. Казалось бы, здесь резонов побольше, да и народ пожестче. Но ни о каком перевороте и гражданской войне и тут речи быть не может. Причина даже не в том, что у нормального чиновника есть три прекрасных выхода: ухитриться, несмотря ни на какую перестройку, сохранить свое место; или уйти в государственный концерн, типа того же АНТ; или, наконец, уйти на заслуженный отдых — и все они куда приятнее войны. Дело в более общей причине.

Да, надо наводить порядок, поднимать экономику державы. Но поднимать можно только рыночную, нормальную экономику. Поднять социалистическую экономику, экономику без рынка сегодня невозможно — это понимают все. Посадить пару левых журналистов, заткнуть рот остальным и восстановить «порядок» ничего не стоит. Дальше — что? Строить социализм, как на Кубе или в Корее? Не пойдет, страна много больше, и второй (вернее, третий) раз людей повернуть уже не удастся. Выбрать путь «советского Пиночета»: развивать рыночную экономику, подавив свободу? Теоретически возможно, но — и это тоже все понимают — в условиях, когда старая система управления с ее миллионами чиновников все еще оплела страну железной паутиной, это не получится. Тут опять: или притеснять и гнать чиновников, то есть свою главную опору, или поддерживать чиновников, и тогда прощай, рынок.

Таким образом, «аппаратчикам» пришлось бы совершить переворот не только против левых, но, увы, и против самих себя. Что же касается чисто военного переворота, то и он сомнителен, особенно если улучшат, наконец, материальное и социальное положение офицеров — хотя бы за счет сокращения расходов на военную технику.

Остаются правые популисты, шовинисты вплоть до откровенно фашистских групп. Конечно, эта публика, наяву ловящая масонов, ведьм и других «злоумышленников», способна на многое: напаскудить в Доме литераторов, орать дурными голосами «Сионизм не пройдет!» или «Мы идем!», но на большее их не хватит. Да и зачем им? То, что они делают сегодня, и дешево, и сердито. Риска — никакого, славы полны карманы. Чего им еще? Брать власть?! Даже если допустить, что Гитлер был не умнее их (а это, кстати, не так), то он по крайней мере знал, что делать — вооружать Германию, идти к мировому господству. Знал он и на кого опираться — на стальных королей, на неразрушенную, в общем-то, капиталистическую экономику и шовинистические традиции Германии. А что стали бы делать у власти наши «патриоты»? Добивать последних «жидов», исследовать паспорта, восстанавливать храмы, сжигать комплекты «Огонька» и стричь длинные волосы у хиппи? Негусто... И опираться — на кого? И зажечь народ — какой идеей? Мирового господства — не пойдет, идеей социализма — было, обогащения — так они сами против этого...

Итак, гражданской войны не будет. Глупо делать прогноз на десятки лет. Но в обозримом будущем ее не будет, ибо ясно, кому она не нужна (всем!), и неясно, кому она нужна. И стоит избавляться и от синдрома страха перед ней.

Этот миф о подстерегающей гражданской войне надо искоренять. И надо разделять норму и патологию.

Уголовная преступность, к сожалению, норма. Можно говорить о ее уровне — высоком или низком, она была, есть и будет, и не только у нас, но нечего объявлять ей «войну». Надо просто ловить профессионально и оперативно воров и убийц. Убийцы убивают, сыщики ловят, адвокаты защищают, прокуроры осуждают, судьи судят.

Политические митинги — норма. И безответственность многих лозунгов стала обычной, как, впрочем, и брань в адрес правительства. А вот разгон собравшихся на митинг людей — это уже не норма. Ничего трагичного, понятно, и в этом нет, но разгонять политические митинги — просто глупо, это дополнительно взвинчивает людей.

И уж тем более норма — критика любого лица в государстве. Парламентская критика и должна быть резкой. У нас часто пишут о культуре дискуссий и, как всегда, кивают на Запад. Так вот, в «матери всех парламентов», в английском парламенте, произносят такие речи, какие и не снились нашим депутатам. И обструкции, бывает, устраивают.

Надо сказать, что демократия — на редкость прочная, прочнейшая из известных форма правления. Диктатура — штука хрупкая. Тут — или на троне или у стенки. А демократия не боится почти ничего. Не боится критики, не боится забастовок, не боится парламентских кризисов и падений кабинетов. Диктатора скинули — конец диктатуре. Премьеры и президенты уходят — демократия остается. Сила же демократии в ее пластичности, в том, что ее избирает сам народ. Сам избрал — сам переизбрал.

Поэтому если мы боимся гражданской войны — какую выбрать линию поведения? Сжиматься, «годить» с демократическими свободами, «только б не было войны»? Совсем наоборот. Чем более мы раскованны, чем больше у нас свобод, чем более спокойно и открыто выражаем свои взгляды,— тем прочнее демократия, тем меньше шансов на диктатуру, а, значит, и на гражданскую войну.

Владимир ПАНКОВ:

НО РЕЛИГИЯ БОРЬБЫ В НАС ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЕТ

Ключевое слово у Пушкина — любовь. Но напрасно искать эту путеводную нить национального гения в нашем сегодняшнем политическом словаре. Безраздельно, самодержавно там властвует слово совершенно иного нравственного заряда — БОРЬБА.

Здесь нет чисто российского приоритета — вся прошедшая мировая история пропитана борьбой государства и личностей, интересов, когда новые классы перекраивали основы жизнеустройства, а целые нации заявляли претензию на превосходство. Этим обольщались даже лучшие европейские умы — агрессия идеи и воли объявлялась естественным и очевидным исходом всякого противоречия, пружиной прогресса.

Единство противоположностей условно, борьба абсолютна. Этот краеугольный догмат марксизма обрекал мир и дальше истощаться в диалектическом разрушении. Но, вырастая из первобытности, усваивая уроки нового гуманизма, многие народы давно начали осознавать борьбу как зло, подлежащее цивилизованному преодолению, и укреплялись в мысли, что она есть моральный атавизм, еще неизбежный в настоящем, но решительно негодный уже в близком будущем, убеждаясь на практике, что борьба, допущенная лишь до философской передней, неизбежно становится каиновым проклятием, мрачным разрушителем культуры и самой жизни.

Мы же сделали борьбу своим кумиром, поставили в ряд добродетелей, дали ей моральное оправдание. Жизнь есть борьба! Сколь упоительна была эта фраза, облюбованная буревестниками революции!

Отчего же нам так полюбилась борьба? Почему так неотразимо она овладела не только воспаленными умами политических безумцев, но и всем нашим национальным сознанием, так укоренилась на вчерашней родине тихих подвижников духа, непротивленцев, проповедников ненасильственных идей Востока?

Философия всемирной борьбы «до окончательной и полной победы» стала философией Апокалипсиса — предел такой войне всех против всех могло положить только окончательное и невосстановимое разрушение. Но боязнь скорого конца нас не отрезвила. Мы не только преуспели в тотальной борьбе «против», но и стали пионерами в неведомой остальному миру борьбе «за» — пудовые урожаи, чистоту улиц, промтоварное изобилие. Так углублялось наше трагическое расхождение со здравым смыслом. Продолжается оно и ныне.

«В революции побеждает тот, кто другому череп проломит». Кажется, что эти зловеще-вещие слова Н. Бухарина звучат так исторически далеко от нас, так средневековно. Но стоит вслушаться в разноголосицу современных Дантонов и Варле, как нетрудно уловить до боли знакомые мотивы: «Сегодня успокоительный метод лукавого обещания («все образуется и перемелется») должен быть опрокинут методом противоположным — сверхэнергией борения и противоборства» (Ю. Бондарев, писатель); «Русская интеллигенция обязана вести с идеей национализма беспощадную моральную борьбу» (М. Салье, лидер Ленинградского народного фронта); «В соперничестве и заключается наше сотрудничество, так как партии обычно крепнут и закаляются в горниле идейной борьбы» (А. Чуев, член оргкомитета Христианско-демократической партии России). При несходстве основополагающих целей, какое генетическое единство в средствах! Намеренно раздуваемая война идей легко переходит в то самое «проламывание черепов», о котором так буднично писал Бухарин. Мы ведь еще не вышли из той кромешной полосы духовного одичания, когда орудием убийства могут стать самые безобидные вещи — благие идеи, например. От слов, заряженных «беспощадной моральной борьбой», до ледоруба, нацеленного в голову оппоненту,— один шаг.

Отрава борьбы, которую мы так воодушевительно принимаем, рождает старую тягу к партийному монополизму, победному господству лишь своей «правды». И хотя, как писал еще В. Соловьев, партийная борьба «не может быть правдивою, ибо она заставляет видеть все в белом цвете на своей стороне и все в черном на стороне враждебной, а такого равномерного распределения цветов на самом деле не бывает и не будет по крайней мере до страшного суда» — это мало кого смущает. Мы расточаем силы на противостояние идеям и лицам, в чужих партийных программах ищем не сходство, а отличие, которое и делаем мишенью для стрелковых упражнений. Вместо того чтобы миром утверждать свою правоту, мы боремся с правдой соседа, будто она застит свет, будто, окажись она ложью, не умрет своей смертью, потеряв всякое наше доверие и интерес.

И в то же время в нас растет нравственная усталость. Это не утомление от труда, который не угнетает, если осмыслен и подчинен благородной цели. Мы устали от борьбы, которая есть разрушение в себе и вокруг себя.

Каков же выход? Конфликтов нам и в будущем не избежать, но разрешать их можно принципиально иначе — не изнуряющей борьбой противоположностей, а их сотрудничеством. Поразительно, но мы даже не заметили этого удивительного открытия нового времени! Общественный прогресс — это воистину движение к устранению отрицания. А ведь еще в умах наших духовных отцов зрел христианский идеал, всеобщей солидарности и свободного развития всех сил человечества. «Мы честолюбиво пренебрегли им...

Сотрудничество предполагает сверхэнергию доброй воли, устраняет всякую претензию «на окончательную правду», всякое моральное высокомерие. Да, это путь великого терпения и культуры — ныне почти ископаемых качеств.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНОНИМЫ

Подозрительность — едва ли не характернейшая черта нашего политического мышления. В воздухе висит плотный туман не то близкого заговора, не то национального обмана и духовной оккупации. Одно за другим следуют обличения в измене народным интересам, тайной распродаже Отечества, парламентском лобизме. В нелояльности к перестройке обвиняются партии, лидеры, газеты, даже нации, у которых «на роду написана неблагонадежность». Но при столь высокой боеготовности и бдительной зоркости лицо политических злоумышленников остается неясным. Два-три имени да навязчивые намеки на нечистую силу перестройки — «некие темные силы» — решительно ничего не проясняют.

Что это: намеренное возбуждение страстей, природная подозрительность — следствие дурного воспитания и ограниченного культурного кругозора или откровенная политическая трусость? И первое, и второе, и третье. Но, думается, есть и четвертое объяснение. Наши общественные движения и партии при обилии деклараций в большинстве своем — политические анонимы. За ними стоят загадочные силы — «слои населения», а их партийные программы напоминают скорее философские максимы, одобрять которые могут люди самого разного круга.

Такова уж особенность российского политического менталитета — у нас преобладают партии идей, а не интересов. Отсюда эта затемненность движущих сил, которая нередко выглядит как намеренная маскировка. Силы неясны, интересы противоречивы и потому так легко наделяются злонамеренной волей.

Нелепо требовать от партии кооператоров, например, забвения собственных интересов. Тем более никому и в голову не придет обвинять ее в чрезмерной симпатии к самой себе. Зато какой простор для самых дремучих спекуляций, когда какой-нибудь сторонний социал-реформатор задумает публично посочувствовать кооперативному движению!

Говорят, что многопартийность с ее прагматическим обособлением интересов — вчерашний день мировой политической ойкумены. Бесспорно, будущее не за ней. Но, поскольку мы по-прежнему верны давней российской традиции повторять чужие зады, скоротечный этот этап многопартийного юношества должен быть пройден нами со всем возможным искусством. Партийные идеи не должны висеть в воздухе, и каждому политическому лицу следует поскорее придать большую определенность. Тогда и популярные сейчас вопросы «Кому это выгодно? Кто за этим стоит?» перестанут, наконец, иметь совершенно зловещий смысл...

ПОБЕЖДАЮЩАЯ ЧЕРТА

Известный революционер Н. Валентинов вспоминал, как однажды рассказал Ленину о своей работе в уфимской ссылке простым рабочим. Ленина это крайне заинтересовало.

— Вы поступили работать в мастерские с целью пропаганды?

— Я стал работать,— ответил Валентинов,— чтобы иметь хоть какой-нибудь заработок на жизнь.

Глаза Ленина немедленно потухли...

Жискар Д'Эстен рассказал, как однажды по пути в Кремль Брежнев, поплотнее укутавшись в серое пальто, совершенно неожиданно так начал беседу: «Вы, наверное, помните, что я страдал из-за своей челюсти. Это было мучительно. Меня очень хорошо лечили, и с этим теперь покончено. Теперь меня облучают. Это здесь, в спине... Но я непременно поправлюсь. Я крепкий малый!»...

Лидера одного из сегодняшних общественно-политических движений я всегда вижу с резиновым бубликом в руках. Это эспандер, и он мнет его, не переставая.

— Зачем вам эспандер? — спрашиваю я его.

— Время сейчас такое — надо быть в форме. И уметь хорошо работать руками...

В политику приходят в известной мере в силу определенных свойств характера. Но бывает главная, побеждающая черта, которая окрашивает каждый шаг, каждое решение. Влияние идей, обстоятельств, случайностей огромно. Но политики — это всегда характер, тип личности, и от этого никуда не уйти...

КРИЗИС ЛЮБВИ

На одном из митингов, которыми так богато наше время, в степном городке Михайловка на пути к микрофону навзничь упал первый секретарь горкома. Нервный шок — такой диагноз поставили позже медики. Очевидцы рассказывали, как на глазах у многотысячной толпы человек беспомощно пытался подняться, но никто не протянул ему руки...

За несколько часов до внезапной кончины стоявшему на съездовской трибуне одиноко-беззащитному Андрею Дмитриевичу Сахарову зал недовольно кричал: «Долой!» Зал не слышал обращенных к нему аргументов...

Таковы нынче наши политические нравы...

Один общественный деятель метко заметил: без эмоций политика пресна, но всякое дело следует непременно вносить долю страсти. Возможно, это так. Но у нас пока чаще иначе: в мере страсти вносится капля политического смысла. Оттого, наверное, многие наши политические изрежения по форме бесчеловечны, по сути иррациональны. Один в знак протеста разбирают железнодорожные пути, по которым для разбирающих должны прибыть вагоны со всем необходимым. Другие, словно аборигены с далеких островов, принявшие лакхинанними насылать на врагов порчу, публично сжигают портреты политических оппонентов.

«Это вызовет непредсказуемые последствия» — сентенция ныне расхожая. Мы не знаем, какой отзвук даст упавшее в народ слово, а между тем потоку обвинений, проклятий, приговоров нет конца. Наше общественное сознание страдает от избытка чувств, и почему-то именно эти самые поверхностные страсти мы гордо именуем политической жизнью. Но она еще не вышла из тумана идеологических предрассудков. Идеология — это еще не политика, которая нуждается не в феномене веры, а хоть в каком-нибудь логическом обосновании. Именно идеологии с ее мифами и политизированными клише, а вовсе не политика, как пытаются нам доказать,— вот поле для страстей.

Сегодня партии наперебой зазывают священнослужителей. Но, заметьте, не спешат звать к себе христианское милосердие и разум, способные охладить разбуженные страсти, чтобы задать наконец генеральный вопрос: во имя чего?

Кризис веры? Конечно. Но и кризис любви. К тому самому ближнему, о котором все так шумно пекутся.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Так жить нельзя! — убежденно говорили мы вчера.

Как жить? — вопрошаем сегодня и, бывает, не находим ответа.

У первых христиан было два самых сильных чувства — пессимизм и надежды. Сегодня эти же чувства в равной мере владеют и нами — в большинстве своем безбожным населением огромной страны. Распутье — метафора точная, но отражает она не только тяжелое похмелье недавно еще очарованного утопиями ума, но и глубокую смятенность души. Отсюда всеобщее ощущение потерянности и пустоты, эта неожиданная в своей социальной неизменяемости народная любовь к митингам и массовым действам. Здесь люди ищут спасения от политического и морального одиночества, надеясь обрести опору, когда все рушится вокруг и становится зыбким.

Бесславно уходящая, камнями побиваемая Система имела одно спасительное свойство — была предсказуема. Она заключала в себе мир ценностей и цен, где каждому отведено свое место. Была ясность жизни, пусть на песке, на мнимых величинах построенное оптимистическое самочувствие, опьянение классовым превосходством, самовнушение избранности. Картина мира казалась завершенной, и небеса послушно вращались вокруг одной шестой части суши. Еще вчера мы были людьми этого советского средневековья.

Мы долго твердили о новом человеке, кропотливо составляли программы классовых селекций. Но надзиратели — плохие садовники. Идеальным человек не вырос, а только искривился. Давайте обойдемся без утопических регламентаций. По политическим пустякам или ради чьего-то тщеславия не будем отвлекать человека от нравственного сосредоточения. Поможем ему самому поверить в логику нового выбора, ответить наконец на этот трагически важный вопрос: как дальше жить?

В августе в Москве состоялся VII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Видные ученые, преподаватели-русисты, литераторы и общественные деятели из 100 стран мира собрались в столице, чтобы обменяться опытом работы, обсудить дальнейшие перспективы своей деятельности, сверить цели и задачи МАПРЯЛ в свете повседневно меняющейся практики.

В день открытия Конгресса его участники познакомились с приветствием Президента нашей страны М. Горбачева, направленным в адрес форума русистов. В приветствии, в частности, говорится: «Русский язык и русская литература издавна являются носителями гуманистических идеалов и общечеловеческих ценностей. Расширение их роли в интернациональном культурном процессе, чему вы посвятили свои таланты и труд, сейчас особенно важно для глубокого и устойчивого понимания исторических преобразований в Советском Союзе, имеющих общемировое значение».

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей выступление писателя С. Залыгина на VII конгрессе МАПРЯЛ. Текст публикуется с незначительными сокращениями.

Сергей Залыгин:

Приютить природу в своем доме

Литература всегда самой близкой стороной жизни считала страдание людей, трагедию их существования на Земле. На мой взгляд, и культура-то возникла именно тогда, когда людьми была осознана их собственная трагедия.

Источником трагедии всегда являлись отношения между людьми, личностные, столь сильно выраженные Шекспиром, а в русской литературе Достоевским; общественные, тут, может быть, несколько неожиданно я назвал бы Платонова. Но вот в конце XX века выявилась совершенно другая сфера трагедии — в отношениях между человеком и природой. Новизна и неожиданность этой трагедии застала литературу врасплох.

Еще великий мыслитель Солон предупреждал, что человек может погибнуть, превращая цветущие нивы в пустыни, но за четыре тысячи лет, прошедших с тех пор, мы так и не вняли этому предупреждению.

Гомера — да, мы почитаем, но Солон нам нипочем. А когда апокалипсическое мышление присвоила себе религия, литература вздохнула свободно и радостно. Ей приятнее было быть не только светской, но и земной, но и эта радость в конце концов обернулась совсем другой стороной.

Время же делало свое дело. Оно шло и расставляло все наши деяния в порядке за и против, за и против жизни, придавала им то значение, которое мы называем актуальностью, истинный смысл которой состоит в проблеме: быть или не быть?

Вот я, инженер-мелиоратор в прошлом, тоже полагал, что делаю землю прекраснее и еще более полезной людям. Но в течение своей долгой жизни я несколько раз был в Горном Алтае и каждый раз в 29-м, 38-м и 61-м годах я видел уже совершенно другой Горный Алтай, обезображенный и все более убогий.

Когда-то я думал, вглядываясь в пейзаж, вот я умру, а эта река, эти горы, эти небеса останутся после меня, они не что иное, как воплощение вечности на земле. Но не сразу, а все-таки я убеждался в другом, моя жизнь оказалась продолжительнее, чем тот срок, в который природа способна сохранить свой облик, а значит, и свое подлинное существование.

Теперь в Горном Алтае на одной из красивейших рек мира, Катуни, строится никому, кроме министерских чиновников, не нужная ГЭС, и Алтай окончательно перестанет быть самим собой и станет условной средой обитания человека. А все потому, что человек, чья жизнь мгновенна, поработил ту вечность, которая есть природа. Не будучи царем самого себя, и «без царя в голове», он захотел стать царем природы. Всегда так было: владыка, который не умел владеть самим собой, приводил к разрухе свои владения.

И тут надо вспомнить, что литература, если она является участницей подобной жизни, значит, и она тоже прошла этот путь отчуждения от природы. Какие мы находим тому доказательства? Начнем со словаря. Мне лично всегда казалось, что в словаре любого языка можно различить слова природные и надприродные. Слова природные обозначают предметы, их качества, а также и те действия, которые мы можем ощущать непосредственно с помощью тех пяти чувств, которые даны природой. Это слова осязаемые — рука, красивый, писать. Эти слова, кроме того, что они зримы и осязаемы, имеют историю, общую с историей народа.

Известно ведь, что в исландском языке, в исконном языке рыбаков, ветры — западный, восточный, слабый, сильный или штормовой — каждый имеет свое собственное название, всего 27 названий. А на Филиппинах слово «носить» имеет более 50 обозначений, в зависимости от того, как носить — на голове, на плечах, на спине, на руках.

Слова надприродные, ну, скажем, лазер, радиоволны, творят и наука, и техника, и делают это помимо пяти наших чувств.

Судьба тех и других слов различна, количество слов надприродных возрастает в геометрической прогрессии, они легко порождают друг друга, все больше места занимают они в нашем сознании. Количество слов природных и увеличивается, и сокращается. Увеличивается, главным образом, за счет появления все новых и новых предметов быта, таких, как телевизор, телекс или компьютер. Мы, в Советском Союзе, такого рода предметы почти не производим, к сожалению, а значит, и русский язык не производит соответствующих слов.

В то же время на земле исчезают многие виды фауны, флоры, породы рыб, птиц, насекомых. Значит, исчезают из обихода многие слова. В Москве дети уже забывают слово воробей. Ну а кто лучше помнит такие слова, как луб или чека? Разве только по соотношению с Лубянкой и ЧК.

Но дело даже не в абсолютном количестве тех и других слов, а в том, что вся предметная природа нашей земли нынче уже сочтена и обозначена, нам только казалось, будто она бесконечна. Она конечна.

60 лет тому назад я слушал ботанику у Виктора Ивановича Верещагина. Путешествуя по Горному Алтаю, он открыл 15 не известных для него растений, к названиям которых затем была сделана приставка «Верещагинус». Разве это возможно теперь?

Итак, на мой взгляд, с лексиконом процесс отчуждения литературы от природы только начинается, за лексиконом же следует стиль.

Как бы я ответил на вопрос, что такое стиль, что он отражает? Прежде всего он отражает тот или иной образ жизни людей. А раз образ жизни, значит, и характер.

Что такое жизнь Толстого? Это образ жизни обитателя дворянской усадьбы прошлого века.

Стиль Достоевского — стиль значения среды.

Стиль Чехова отражает его собственный образ жизни и жизни той среды, к которой он относился,— русской интеллигенции, но не потомственной, а первого поколения.

Не буду утверждать это категорически, но мне представляется, что стиль, будучи производным от образа жизни людей, отражает еще и отношение их к природе.

Посмотрите, какое различное это отношение у Толстого, или у Гоголя, у Чехова, у Тургенева! Пейзаж — это исключительная особенность русской классики, но никто из классиков не описался за природу, за дальнейшее ее существование. Умение любоваться ею — вот их призвание.

Но когда я их читаю, мне хочется сказать: нам бы ваши заботы!

Лично для меня голубая мечта — любоваться пейзажами и передавать свою любовь, свое настроение читателям. Не очень-то помечтаешь, если мои читатели живут в районе Чернобыля или на бывших берегах бывшего Аральского моря!

Именно парадоксальность существования общества вне законов природы и породила парадоксальность Андрея Платонова.

Мне думается, что самое существование платоновской парадоксальности — это невероятное насилие человека над природой вещей и над природой как таковой.

Перечитывая «Котлован», тем более «Чевенгур», еще и еще раз убеждаешься в этом.

Ведь мастер, истинно трудовой человек, всегда знает и чувствует, что его труд ограничен. Он, естественно, различает труд полезный от труда бесполезного и губительного. Но вот делатель такие различия провести не может.

Природа гармонична. Это бесспорно. Благодаря своей гармоничности она и существует. Но мы не хотим взять в толк, что гармоничность — это еще и искусство ограничений, искусство отбрасывать все лишнее, все, что невпопад, все, что препятствует или будет препятствовать продолжению жизни на земле.

Не хотим мы понять, что живем не безгранично. Человек — это недолговечно. Когда мы с упреком и даже с презрением говорим: ограниченный человек, мы не подозреваем, что говорим сущую правду, поскольку ограничены мы все, и литература совершенно напрасно все еще надеется сделать открытия нового характера.

Ренессанс искусства не случайно, мне кажется, совпал с великими географическими открытиями. Человек, по-видимому, мог открывать себя одновременно с открытием мира: закончились одни, закончились и другие. Повторяю — закончились, но литература не хочет этому верить, особенно применительно к самой себе, особенно литература советская, в значительной степени соцреалистическая. А поверить надо.

В самом деле, какие новые качества открыты литературой и наукой в человеке за последнее тысячелетие? Да никаких. Добро и зло, честность и коварство, трусость и смелость, слабость и сила, способность любить и ненавидеть — все это было известно давным-давно, все это было ясно и талантливо выражено древними художниками в образе мифа.

Далее из мифов возникли близкие образы и в характере творчества Шекспира, а в России это тем же откликнулось сперва в «Житие святых», а затем, я думаю, в творчестве Гоголя. Гоголь почти завершил создание таблиц характеров, подобных таблицам Достоевского. Разве «Мертвые души» нельзя приравнять к такой таблице? И даже его Акакий Акакиевич и тот мифологизирован, как мне кажется, а Достоевский — тот окончательно завершил труд Гоголя.

Вообще характер в России для литературы имел наиболее общее типологическое значение. И Чехов выражал в своем творчестве все главные черты той группы характеров, к которым принадлежал сам и к которым принадлежали его герои. Чеховых времен Чехова в России было много, но выдающимся художником слова — только он. Да ведь и в окружении Пушкина было много Пушкиных, заметных в истории нашей литературы, но значительно уступавших ему в таланте.

Характеры и характерные группы и создавали то общество, в котором они взаимодействовали, познавали друг друга, обогащались при этом духовно и создавали элиту.

При отсутствии таких типологических групп общество перестает быть обществом, а становится массой, которая очень легко воспринимает примитивные идеи, и только. А общество и масса — это далеко не одно и то же. Общество — это результат эволюции, можно даже сказать, культурной эволюции, и если оно преображается в массу, так только революционным путем.

Ну а что же все-таки творит, открывает современный писатель, если эпоха мифов минула и даже эпоха характеров тоже? Теперь писатели комбинируют все более своего героя качествами давным-давно известных характеров: столько-то в герое будет зла и столько-то добра; столько-то от Тараса Бульбы и столько-то от Печорина. Новых качеств такому герою не пришьешь. Разве тот или иной вид психологической неполноценности и извращенности можно выдать за характер. Это своего рода литературный пасьянс, все еще искусство, но, повторяю, уже не открытие.

Прекрасные прозаики прославляли строительство КамАЗов, которые нанесли природе непоправимый ущерб. Но они только писали, а кто-то планировал, осуществлял, преобразовывал родные нам места Лермонтова, Тургенева, Толстого, Бунина, Пришвина в зону, в Нечерноземную зону, в пустыню, расположенную в самом сердце России.

Итак, то, что мы называем сегодня «общественной психологией», это еще и психология экологическая. Мы знаем, что анархизм день ото дня ширится в нашей стране. И вот в чем дело: отношение друг к другу — это и отношение людей к природе. К миру в целом.

Если мы сосредоточимся на проблемах чернобыльской аварии, на последствиях разбоя в бассейнах Арала и Нижней Волги, люди стали бы в большей степени гражданами, в большей степени стали бы понимать друг друга. Примиряющая роль природы не может сравниться ни с чем другим. Но любые разногласия между людьми, любые ошибки обязательно скажутся на природе, на ее судьбе. Разве война сама по себе, политика военного противостояния не имеют причины той экологической обстановки, в которой мы нынче оказались?

В этом смысле особое место занимает роман Виктора Астафьева «Царь-рыба», едва ли не единственный известный мне роман на тему психологии и экологии, вместе взятых. Экология из года в год все больше становится наукой универсальной. До сих пор стимулом развития человечества являлось беспредельное развитие его потребностей, но неизбежно возникала необходимость ограничительной деятельности, всеобщих ограничений, без которых дальнейшее существование человека невозможно.

И разве не дело литературы обо всем этом говорить, изыскивая новые и новые художественные средства? Да, открытие характеров для литературы — резерв в значительной мере исчерпанный. Но что же у нее остается? У нее остается событие. Событиям повседневным и событиям историческим нет и не будет конца. Это резерв неисчерпаемый. Но это накладывает на литературу и обязательства — она должна приблизиться к публицистике и документализму. Да ведь оно так и есть. Чем крупнее события, тем больше, по крайней мере на первое время, они теснят беллетристику в пользу публицистики.

После войны через публицистику прошли и Тендряков, и Абрамов, и Солоухин, и Бакланов, и многие другие.

Три главных процесса нашего века: урбанизация, войны и самоуничтожение людей — мы пережили и все еще переживаем. Урбанизация и не скрывает своего антиэкологического существа, а отчуждение земледельца от земли — это самый большой шаг на пути отчуждения человека от земли. Этот процесс прошел и все еще происходит мучительно, в агониях, трагедия земледельца имеет место во всем мире, оказалась на редкость неинтересной человечеству. Может быть, потому, что по времени совпала с другими событиями, такими, как войны, революции, как передел мира.

Исключение составила наша литература. И в тому есть причины. Будучи страной земледельческой, Россия породила и специфическую земледельческую, иначе говоря, народническую литературу. И это естественно. И классики наши — Толстой и Тургенев, да и Пушкин тоже, были близки к земледелию и земледельцу. И это обстоятельство, безусловно, сказалось в их творчестве. И это тоже естественно.

Неестественно то, что жизнь земледельцев России и до отмены крепостного права, и после него, и до Октябрьской революции, тем более после нее — это череда бесконечных трагедий и страданий. Что стоит одна только период коллективизации!

А что же наша литература с ее народническим прошлым? Исполнила ли она свой долг или нет перед лицом этой трагедии? Исполнили ли ее или нет Распутин, Белов, Абрамов, Можаев, Тендряков? Да. Мне кажется, исполнили. Недаром же произведения этих писателей, на первый и поверхностный взгляд столь узких и узконациональных, обрели такой интерес и резонанс в читающем мире. Потому и обрели, что читающий мир находил у наших «деревенских» писателей ответы на многие вопросы, не только о том, что такое «реальный социализм» у нас, что такое коллективизация. Но, может быть, более, чем через какие-либо другие источники, он узнал, как земледелец уходил из этого мира, в каких муках это происходило.

Другой переломный момент истории — вторая мировая война. Это была последняя, по крайней мере последняя вторая мировая, если будет еще одна мировая, человечество погибнет. И тут Россия снова оказалась в эпицентре событий.

А какое же место советская литература заняла здесь? Достаточно назвать Василя Быкова, чтобы ответить на этот вопрос, вспомнить Бондарева, достаточно будет прочесть военный роман того же Виктора Астафьева, который в предстоящем году напечатает «Новый мир».

И, наконец, еще одно явление 20-го века — античеловечное и антиэкологическое, репрессии и самоуничтожение людей в лагерях смерти Освенциме, Дахау, на Колыме. Подобных явлений в истории не было.

Не было такой же угрозы переход количества в качество, перехода человека природы в человека антиприроды, который самоуничтожается.

И опять-таки, наверное, ближе, чем какая-либо другая страна, мы здесь приближались к краю бездны и через литературу поведали миру обо всем, что увидели там.

Обо всем этом никто не сказал столько и не сказал так, как это сделал Солженицын, посвящая свой грандиозный труд тем, кто был рядом с ним, кто погиб.

А отношение к «Архипелагу» современного советского читателя — это своего рода общественный, психологический и нравственный документ, документ, который показывает, кто есть мы, нынешние.

И не один Солженицын был лагерным летописцем. Имя стали и Домбровский, и Шаламов, и еще многие-многие.

Наша литература оказалась на высоте XX века. Только пренебрегая самими условиями, только высоко ставя страдания, выпавшие и на свою собственную, и на чью-то другую долю, эти люди могли стать авторами статей и идей, которые они передают в литературу.

Заканчивается цивилизация, которая исходила из принципа: человек — царь природы. Приходит другая, она понимает, к чему привел этот принцип, но все еще не понимает, каким образом следует перестраиваться. Я употребляю слово «перестраиваться», полагая, что в состоянии перестройки находимся не только мы, но и весь мир, и нам от этого полегче на душе.

Смена цивилизации ответственна и опасна. Экология должна обрести эстетический смысл. Цивилизация культуры и культурные ценности нашей эпохи, думается мне, могут приобрести такое же значение, которое имеет культура древней Греции.

Русская культура, а вместе с ней и русский язык — среди этих памятников.

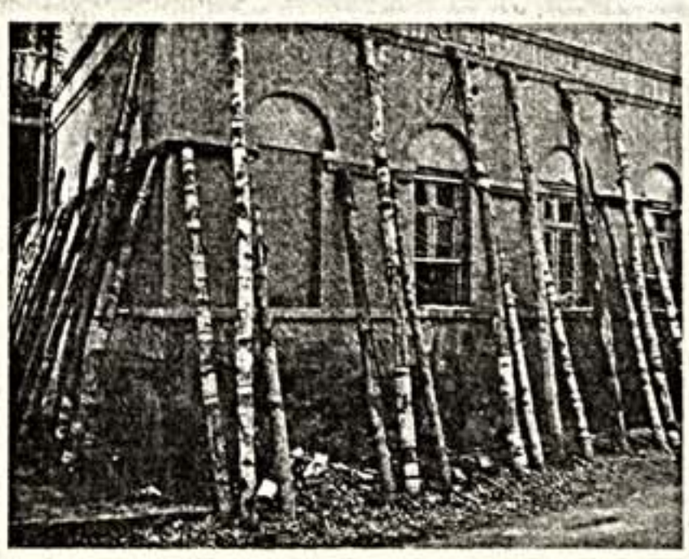
Новая цивилизация, очевидно, не захочет глобальных экспериментов, ей не нужны будут призраки, которые бы бродили по Азии, Африке, Европе тем более. Ее цель — экологическое благополучие — должна подчинять себе и экономику, и политику, и просвещение. Да, природа когда-то приютила в своем доме человека, но он решил, что он и есть полновластный хозяин и создал в доме природы свой собственный надприродный дом. А теперь ему ничего не остается, как приютить природу в этом своем доме, но вовсе не в качестве бедной родственницы. Нет, она и будет определять режим, порядок жизни нового дома, право пользования всем его имуществом.

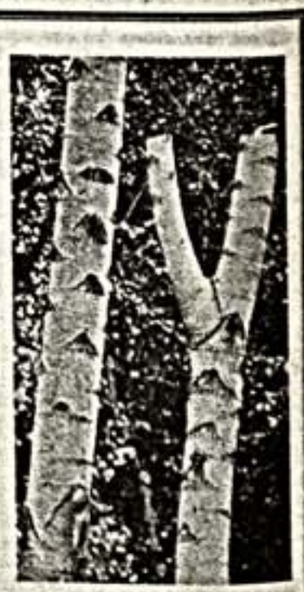
Среди этого имущества находится литература, и для нее не будет и не может быть исключения, и чем раньше она найдет себя, свое место в доме новой цивилизации, тем лучше.

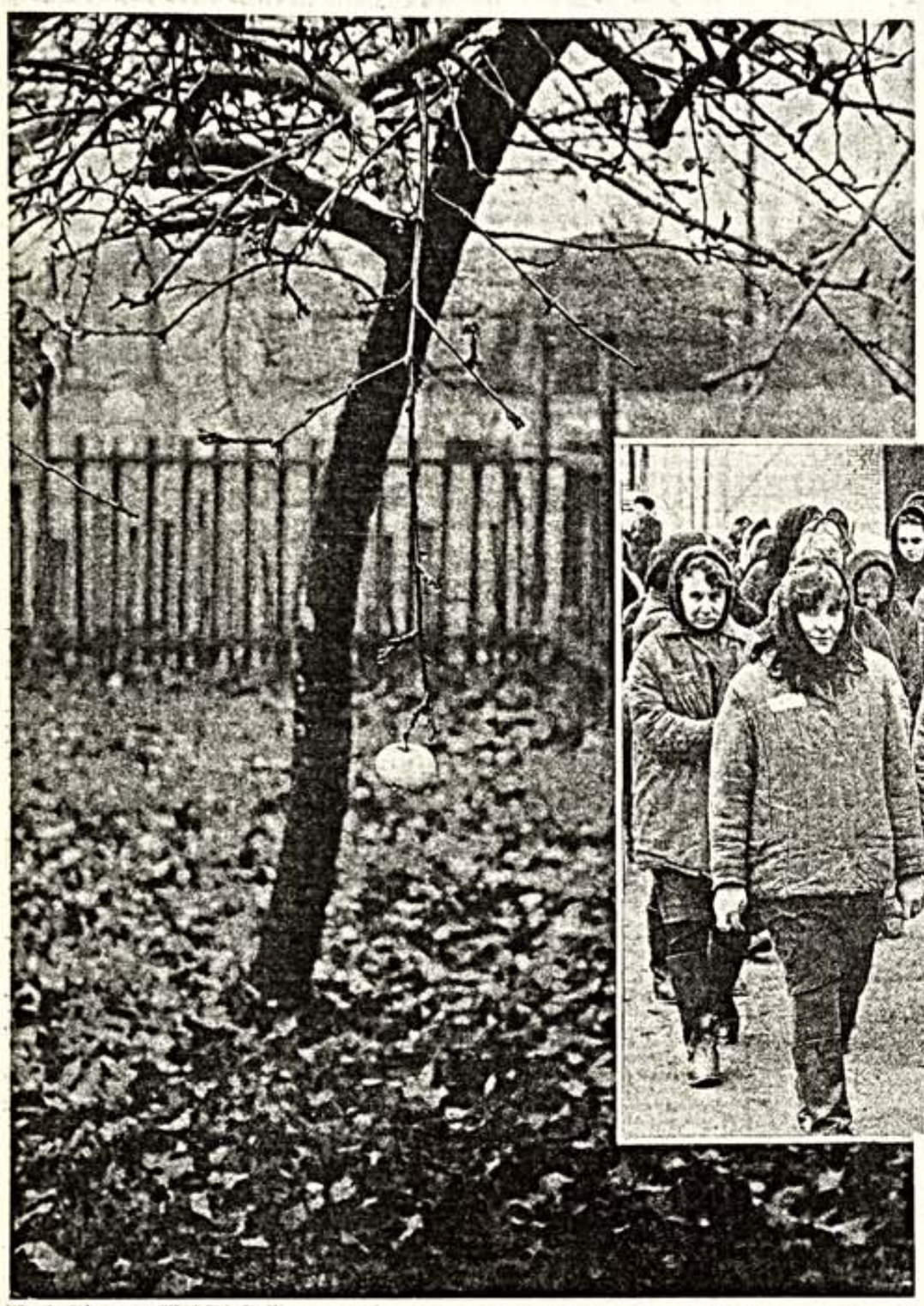
Экологическая карта мира глазами художника.

Рис. Константина ВАЛОВА.

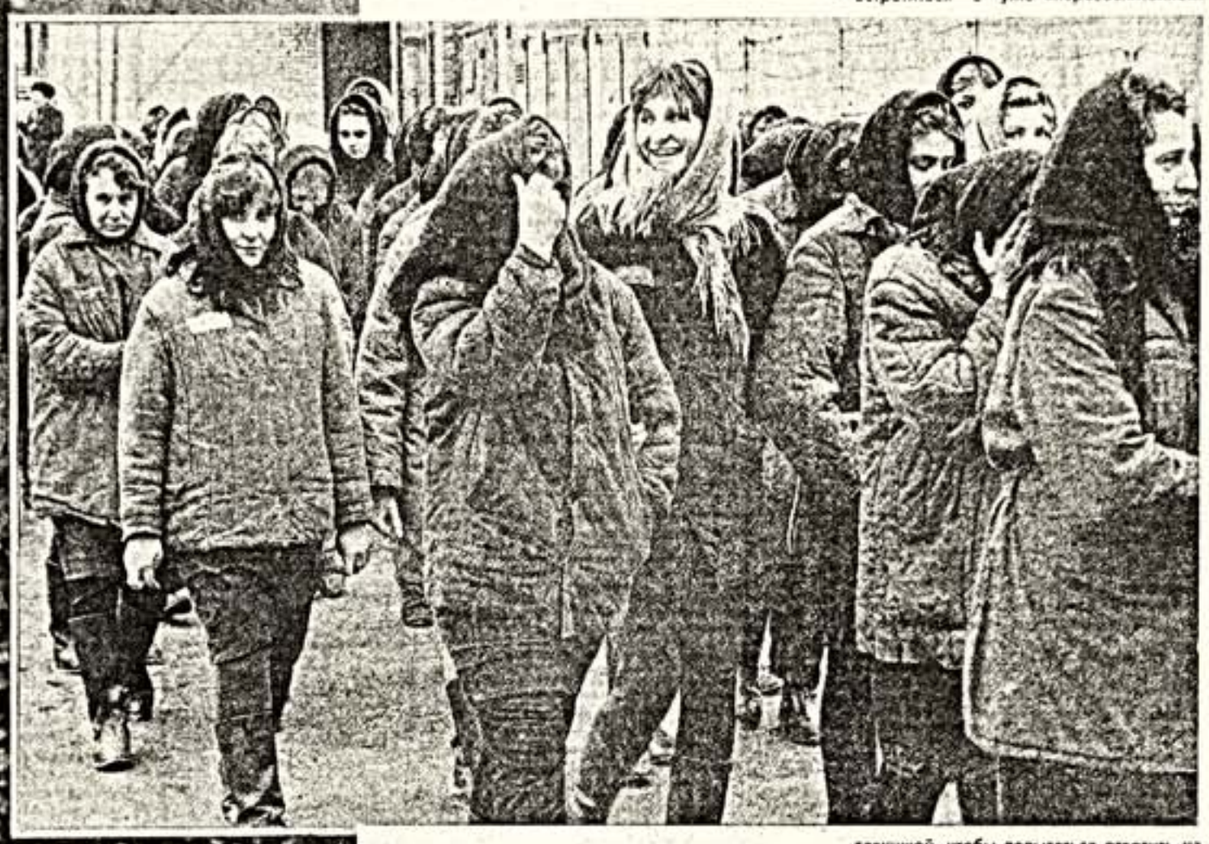
ДЕРЕВЯННЫЕ «ЭТЮДЫ»







Все, кто когда-либо побывал здесь, начинали свой рассказ с описания сада. Это действительно впечатляет, когда после сонного, пыльного городишки попадаешь за высокий бетонный забор и оказываешься словно в оазисе: море цветов, рябиновые аллеи, яблони, усыпанные плодами. Настораживало лишь одно: какая-то неестественная, почти больничная стерильность вокруг и звенящая от жужжания пчел тишина. Проходящие мимо группки девушек в одинаковых серо-бурых халатах усиливали ощущение тревоги. Но нет, эти девушки вполне здоровы — во всяком случае, физически. А собрали их сюда «со всех концов нашей необъятной Родины» — чтобы перевоспитать. Ишимбайское спецпрофтехучилище — одно из лучших в стране.



САД ЗА БЕТОННОЙ СТЕНОЙ

БЕЗ СУДА И СЛЕДСТВИЯ

В год около 224 тысяч преступлений совершают дети и подростки. Если ребенку нет 14 лет, за совершенное преступление его не могут посадить в тюрьму и направляют на перевоспитание в спецшколы. Более старшие ребята уже подлежат заключению, поэтому в спецПТУ помещают в основном за незначительные проступки — мелкое воровство, бродяжничество, пьянство. Сейчас в стране 46 спецПТУ, где содержатся около десяти тысяч ребят. Раньше эти учреждения находились в ведении МВД, в начале шестидесятых годов их передали Министерству просвещения. Однако все, что когда-либо вышло из чрева МВД, навсегда сохраняет свои родимые пятна.

Девочек привозят в спецучилище из приемников-распределителей под конвоем, некоторых даже в наручниках. Помещают сюда воспитанниц «до исправления». СпецПТУ само назначает срок — от полутора до трех лет. Все это время девушки отгорожены от мира высокой бетонной стеной: здесь с утра они учатся, после обеда трудятся в швейных мастерских. Таким образом, рабочий день продолжается девять-десять часов (а они, между прочим, несовершеннолетние).

За что же эти девушки попали сюда? Наташа К. из Владивостока — тип русской красавицы в экспортном исполнении: длинные волосы, соболиные брови — рассказывает о себе: «У меня все началось с приходом в дом отчима. Может, он и хороший человек, но я его не выношу. Стала встречаться с ребятами, которые торговали наркотиками. Я им помогала — предлагала в школе некоторым из своих друзей. Пробовала и сама пару раз. Потом меня бросил любимый человек, я очень переживала, перестала ходить в школу. Однажды подруга предложила развлечься... Мы стали у ресторана снимать клиентов».

В спецучилище девушки попадают по решению комиссии по делам несовершеннолетних. То есть свободы их лишает не суд, да и какой суд отправил бы человека в заключение за то, что он плохо работает, или не с тем дружит, или бесцельно ходит по улице? Но то взрослый, а это — подросток. И на него наши гражданские права вроде и не распространяются... 1.200—1.400 таких решений, почти половину из общего количества, опротестовывает потом Прокуратура СССР.

Вместе с директором спецучилища Фаридом Бариевичем Хабировым мы идем по территории. «Трудно стало работать, очень трудно,— говорит он.— У меня производственный план рассчитан на 260 девушек, а сейчас их только 167. Все из-за вас, журналистов, напугали общественность: ГУЛАГ для детей и так далее... А посмотрите вокруг — это же пионерский лагерь, санаторий!» Жестом экскурсовода, привыкшего к восторгам публики, Фарид Бариевич открывает то одну, то другую дверь. Светлые мастерские. Ковры, цветы и телевизоры в бытовых комнатах. В спальнях кровати заправлены так, что их ровность можно проверять геодезическим прибором. Училище гордится, что у него самый высокий процент «исправляемости»—90!

Что же это значит — пере-воспитать? (Фарид Бариевич особо подчеркивает именно первую часть слова). Есть какой-то образец, по сравнению с которым можно сказать — исправился человек или нет?

КАК ДОСТИЧЬ ИДЕАЛА!

Жизнь в спецучилище начинается с того, что у прибывшей сюда девушки отбирают все, вплоть до нижнего белья, иголки с ниткой, фотографии из дома. Ее помещают в спальню на тридцать три человека. По ночам там горит свет, и в стеклянные двери наблюдает дежурный по режиму. А днем, точнее в семь утра, спальня закрывается, и в нее можно войти только с отбоем.

Девушки в спецучилище лишены права не только на место, где они спят, но и права распоряжаться собственной внешностью. Одежда выдается казенная, и если положено носить халат с поясом, то попробуй показаться без ового! Запрещается отпускать челку, пользоваться косметикой, заколками, ходить с распущенными волосами. Мне показали письмо, которое воспитанница пыталась передать на волю нелегальным путем. Что же просила она — сигарет, водки, наркотиков? Нет. «В сухари или кукурузные палочки положите тушь и тюбик крема для лица». Не знаю уж, где и как она собиралась красить ресницы — это тут же бы обнаружили и девушку наказали. Но вот важна, жизненно необходима была ей эта тушь, раз шла она на такой риск.

Еще один прием воспитания — низведение почти взрослого человека до уровня трехлетнего ребенка. В столовую девушки обязаны ходить только строем («ну не обязательно чеканя шаг...»). Внезапно у любой из них могут проверить ногти — не длиннее ли они положенного, не задумала ли она отрастить их для маникюра? Даже в туалет воспитанницы обязаны ходить по очереди. Даже ату раз в месяц девушка вынуждена просить, ставя в известность дежурного о своем женском недомогании.

Однако, принимая взрослой девушке психологию ребенка (а это не что иное, как деградация), режим спецучилища требует от нее отказа от непосредственных эмоций. Здесь нельзя громко разговаривать, шумно двигать стулом, ругаться — даже за слова «коза» или «отстань» могут наказать. В дневнике читаю замечание одной воспитанницы: «Громко смеялась».

Вообще когда мне показали список, чего нельзя в училище, то первая мысль была: как же все это можно запомнить? Да и не просто запомнить, ведь надо жить по этим правилам! Девушек наказывают не только за серьезные нарушения, как-то неподчинение воспитателю или отказ от работы («Такого в последние годы мы не помним»,— говорили мне работники училища), но и за «мытье головы или стирку в туалете», «бесцельное хождение по территории», «встречи с воспитанницами другой группы», «хранение и ношение неустановленной одежды». То есть практически при желании кого угодно можно за что-либо наказать.

Наверное, у читателя уже возник вопрос: а кто же следит за всем этим?

Вы никогда не задумывались, почему в концлагерях было так мало случаев сопротивления? Два конвоира, слегка вооруженных, ведут толпу заключенных, и никто из них не пытается напасть, бежать... почему? Да потому что отвечать за этот поступок будет не только тот человек, который его совершил, расстреляют, допустим, барак, где он жил. Поэтому заключенные сами были заинтересованы в поддержании порядка.

Похожая система существует и в училище. Рассказывает девушка, вышедшая оттуда несколько лет назад: «Накануне моего отъезда домой две «новенькие» из нашей группы чем-то провинились. Директор вызвал их и меня к себе в кабинет: «Билет у тебя куплен? Сдавай, никуда не поедешь». Со мной—истерика. Я уже месяц считала не только дни, но часы, сколько осталось. «Хорошо,— говорит директор «новенькими»,— вот правила поведения в училище, учите наизусть. Если сделаете хоть одну ошибку — она никуда не поедет». Стоим час, другой, третий — каждая боится меня подвести. В десять вечера меня отпустили спать. Девчонки же стояли в кабинете до трех ночи».

Здесь нет страшных карцеров — два года назад закрыли дисциплинарную комнату. Здесь правят бал — баллы. За провинность воспитанницы снимается определенное количество баллов — со всей группы. Ну а уже группа разберется с виновницей. Официально — на линейках выскажут все, что о ней думают. Но есть и неофициальные методы воздействия — бойкот и не только бойкот. Как-то в одной группе две девушки совершили, по понятиям училища, почти преступление: из остатков ткани сшили себе плавки. Группа, конечно, лишилась призового места, а значит — поездки в Уфу или Стерлитамак. Вечером после отбоя началась неформальная разборка: активисты подходили к каждой и спрашивали: «Знала, что они задумали?» И если да, то били. Недонесение здесь — едва ли не больший грех, чем сам проступок.

ЛОМКА

Как же девушки выносят все это? Очень тяжело они переживают первые полгода. Многие из них там, на воле, вчера еще курили, употребляли наркотики, вели активную сексуальную жизнь — и вдруг их организм, как телевизор, в один миг взяли и переключили на другую программу. «Смотрю однажды, стоит «новенькая» у окна, бледная, сгибается в три погибели,— рассказывает воспитательница С. Хайрова.— Подхожу: «Что случилось?» — «Я и сама не знаю: тошнит, руки немеют, в глазах темно». Хорошо, рядом другая девочка была — выпускница: «Не бойся,— говорит,— это у тебя ломка, мы все так привыкали».

Работники режимной службы говорят, что спальня по ночам превращается в ад: крики, плач, отборный мат, телодвижения, имитирующие половой акт. Странно, что администрация не додумалась снимать баллы за сны, «порочащие звание воспитанницы училища».

Некоторые не выдерживают и бросаются «в бега». Конечно, они понимают, что их найдут, но хоть час, да на свободе... Раньше беглянок стригли наголо. Теперь—никакого наказания со стороны администрации. Просто девочки из их группы, которые должны ехать домой, будут задержаны. Как просто — и как жестоко!

Напряжение, постоянное сдерживание себя, невозможность ни на минуту остаться одной вызывают порой страшные истерики у девушек. И крайняя форма отчаяния — это попытки самоубийства. Одна из воспитанниц буквально накануне выпуска накурилась, и была оставлена за это на неопределенный срок. Ночью пошла в туалет и повесилась на чулке. Девушку спасли, но ее черно-красный шрам на шее еще долго пугал воспитанниц. Помнят в училище и Свету А. из Хакасии — она несколько раз пыталась покончить с собой: глотала иголки, ложки, мыло, закатанное в хлеб. Каждый раз, когда ее из больницы возвращали в училище, она кричала: «Я не хочу жить! Я никому не нужна!» Пришлось ее «комиссовать» — то есть отпустить домой. Жива ли сейчас эта девочка — никто не знает.

В училище на двести с лишним человек — всего один врач.

— Конечно, здесь нужен еще и психиатр,— говорит врач Н. Михайлова.

Однако директор на сей счет непримирим: «Психиатр? Это еще зачем? Ах, девушка плачет, домой хочет. Ничего, успокоится». Ну а о психологе и говорить нечего: «Мне лишний рот не нужен. Мы сами тут все психологи!».

В группе на 20—25 человек работают два воспитателя — один в первую смену, другой — во вторую. Да, это славные, милые женщины, «простые», как они сами про себя говорят. Но, к сожалению, этих качеств не всегда достаточно для работы с такими сложными подростками. Вечером ,мы сидели в столовой. Девушки ужинали в полной тишине (за шум во время принятия пищи снимается полбалла). На улице лил дождь. Перед выходом воспитанницы построились парами и не пошли, а... побежали. Воспитательницы насторожились, бросились к окнам. Что же испугало их? Оказывается, две девушки взялись за руки...

«Мы за этим неукоснительно следим,— говорят воспитатели.— Если воспитанница в присутствии другой краснеет — тут же раскидываем их в разные группы. Не разрешаем писать друг другу записки, дарить открытки, делать подарки. Мы не должны допустить эту грязную однополую любовь».

Они, конечно, понимают, что человек, познавший взрослую жизнь, будет как-то стремиться удовлетворить свои проснувшиеся чувства. А если нет рядом представителей противоположного пола...

— Да ерунда все это,— говорит одна из девушек.— Просто здесь очень одиноко. С друзьями переписываться нельзя, только с родителями, да и те письма прочитывают воспитатели. Нет ничего своего, родного. А так хочется тепла, душевности... Чтобы тебя кто-нибудь заметил, пожалел... Вот выберешь какую-нибудь девчонку, и на душе полегче.

«ПЕРЕКОВАННЫЕ»

Все время, что я находилась в училище, в душе кипело возмущение: как же можно подвергать таким мучениям совсем еще юных девочек? А потом на минуту подумала: а вдруг это в какой-то степени оправданно? Может, это своеобразная шоковая терапия, когда человека резко переносят в другую среду, резко ограничивают его свободу? Ведь, по данным директора, девяносто процентов выпускниц «встают на путь исправления». И я решила встретиться с уже «перевоспитанной» девушкой, чтобы попытаться ответить на эти вопросы.

Люба П. окончила училище три года назад, вышла замуж, родила ребенка. Мы сидим в ее московской квартире.

— Да, теперь у меня все хорошо,— говорит она.— Что именно повлияло? Наверное, страх. Если это — лучшее училище, то что же такое колония?

Правда, у других девушек из Любиной компании — а их всех тогда отправили в различные спецучилища — судьбы сложились не так удачно. Света занялась проституцией. Сейчас нашла себе фикса — ровесника своего отца, — вроде обещал жениться. А путанить ее научила другая подружка — Галя. Та уже переболела сифилисом и сейчас вышла замуж за нашего, советского алкоголика. Что ж, и Света, и Галя статистику «исправляемости» не портят: по основному месту работы (где они числятся) характеризуются положительно, общественный порядок не нарушают, устроили личную жизнь...

— Мне училище, конечно, попортило нервы,— продолжает Люба.— Столько ярости накопилось! Я мегерой оттуда вышла, хотелось взять автомат и всех перестрелять.

Люба помолчала и вдруг добавила: «Но если бы все повторилось, я поехала бы в училище с удовольствием!» — «!!!» — «Понимаете, там ни о чем не надо думать, ничего не нужно решать. Живешь на всем готовом, тебе все скажут: с кем дружить, что делать, во что одеваться. Порядок не нарушаешь — все будет нормально».

Так вот какой он — образец воспитанника, к которому стремится училище: дисциплинированный, механически выполняющий указания старших, ни о чем не думающий, ничем не отличающийся от других. Никто не отвечает за себя, но каждый — за всех и все — за каждого. А впрочем, почему я решила, что это идеал только данного училища? Разве наше общество стремилось не к тому же самому? Может быть, в этом саду за бетонным забором вообще воплотилась мечта об идеальном советском человеке?

ТЮРЬМА ДЛЯ ПОТЕРПЕВШИХ

Я ходила по территории училища, всматривалась в лица: много не просто красивых, очень красивых девушек, есть совсем «гадкие утенки», немало мужеподобных. «Большинство из нас были изнасилованы,— сказала мне Лена Н.— Некоторых соватили отчимы, других пускали по кругу в «групповухах». Одна девочка у нас в спальне уже год кричит во сне — ее истязали родители».

Так, может, не унижать их надо, а подчеркивать уникальность каждой, ежедневно доказывая, что такая девушка достойна гораздо большего, чем удовлетворять животные инстинкты подонков? Кто и когда решил, что возродить достоинство в женщине можно, только раздавив остатки ее личности? И почему тюрьма, пусть даже засаженная цветами и устланная коврами,— единственное, что может предложить им наше общество?

Оля Т. только три месяца в училище. «Уже три месяца,— поправляет она меня и сосредоточенно смотрит на потолок, чтобы не пролились слезы.— Каждую ночь мне снится сон: я убегаю отсюда, и меня охватывает ужас—теперь мне не засчитают эти три месяца. Не знаю, как я выдержу... Единственное, что утешает: у меня хорошая девочка — шеф. Когда я в первые дни сильно плакала, она набрала мне яблок (это страшное нарушение, если бы в группе узнали, ее разорвали бы). Вечером принесла мне тайком: «На, питайся».

Горсть зеленых яблок... Хотя бы это.

Н. РУСАКОВА.
(Наш спец. корр.).

ИШИМБАЙ,
Башкирская АССР.

АДРЕСА МИЛОСЕРДИЯ

У доброты нет границ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

С Виктором Новиковым слушатели училища встречаются каждый день — его бюст установлен в холле факультета.

Думается, этот милосердный акт слушателей Ленинградского высшего политического училища достоин подражания и уважения. Побольше бы в стране нашей такой отзывчивости и доброты!

А это сообщение нашего собственного корреспондента В. Борохова.

Жителей Нижнего Новгорода можно частенько видеть у дома № 24 по улице Тургенева. Здесь установлена мемориальная доска. А появилась она не так давно в память о сотрудниках патрульно-постовой службы милиционерах Александре Герасюке и Александре Корнилове.

Третьего февраля минувшего года во время очередного дежурства они погибли. У одного в одночасье осиротели сынишка и жена, у другого — в безутешном горе осталась невеста.

Фонд «Подвиг» объявляет, что под свою опеку берет вдову отважного милиционера А. Герасюка и его трехлетнего сынишку.

Создание фонда не осталось без внимания и наших коллег-журналистов. Вот одно из подтверждений тому.

Письмо это пришло из Минска, из редакции газеты «На страже Октября» (орган Министерства внутренних дел Белорусской ССР). Редактор С. Шахнович и секретарь партийной организации В. Стрельский, поддерживая учреждение газетой «Советская культура» фонда «Подвиг», сообщили, что коллектив их газеты также готов сделать свой вклад на счет фонда.

Кстати, как сообщили авторы письма, на различные благотворительные цели ими только в этом году было перечислено 150 тысяч рублей! Нам в свою очередь, поблагодарив белорусских коллег за поддержку фонда, хотелось бы также по достоинству оценить их благотворительную деятельность. Не уставать вам, уважаемые коллеги, в вашем благородном деле!

И еще одно письмо. Оно необычное. Пришло оно из Махачкалы от Х. Баширова, пианиста, лауреата премии Ленинского комсомола Дагестана. «Хочу и я материально включиться в вашу благотворительную акцию. Может, мой взнос—это капля, но ведь из множества капель получится целый океан. Так пусть этим океаном станет **Океан Милосердия и Доброты!**»

А необычность этого послания в том, что Хан Мирзаханович вложил в конверт двадцатилятирублевую ассигнацию. Мы, конечно же, искренне признательны за его благородный порыв, но вынуждены, пользуясь случаем, просить всех наших читателей делать свои взносы (если появится такое желание) исключительно почтовым переводом или с помощью сберегательных банков.

А теперь по установившейся традиции назовем тех, кто решил сделать денежный взнос на счет фонда.

ВНИМАНИЕ!

Москва,
Счет № 700881
в ОПЕРУ
Жилсоцбанка СССР
(МФО 299093)
Фонд «Подвиг»

Первомайский райком партии, г. Мурманск — 500 рублей; спецкомендатура РОВД г. Бузулука — 35 рублей; Н. П. Драволин, г. Ленинград — 10 рублей; УВД, г. Горловка — 45 рублей; В. М. Чупин, г. Пермь — 3 рубля; ГОВД, г. Кызыл-Киник — 100 рублей; Н. В. Кожевникова, журналист, г. Москва — 100 рублей; УВД Ошского облисполкома, Киргизская ССР — 90 рублей; В. В. Бухтирова, г. Вентспилс, Латвийская ССР — 35 рублей; жители Червоноармейского района, г. Львов — 1.000 рублей; О/Б 7971 Кузцевского района — 20 рублей; А. К. Яковлев, Ю. П. Третьяков, сотрудники отдела ВД по охране Ленинградского метрополитена — ежемесячные отчисления из зарплаты; Проваденский РОВД, Магаданская область — 500 рублей; М. А. Клименко, инвалид ВОВ, г. Воронеж — 30 рублей; учреждение 312/11-42, г. Харцызск — 15 рублей; Т. М. Касьянова, г. Мончегорск, Мурманская обл.— 20 рублей; В. Б. Шилкер, г. Дубна, ул. Сахарова — 25 рублей; Г. Н. Свищова, г. Уральск, ул. Деповская — 10 рублей; В. Я. Кулик, г. Москва — 50 рублей; Г. Н. Будиловская, г. Хабаровск, ул. Казачья гора — 50 рублей; П. Н. Ларионова, г. Бельцы, ул. Курченко — 25 рублей; М. С. Дмитриева, г. Воронеж, ул. Плехановская — 50 рублей; г. Ташкент, МВД Узбекской ССР — 5.000 рублей.

...В узбекской столице в последнее время появилось ряд совместных предприятий. Среди них и советско-болгарское СП «Вариант» и советско-американское СП «Инвариант». По заказу Госкомитета народного образования СССР они занимаются производством персональных компьютеров. С их качественной продукцией хорошо знакомы не только в Узбекистане, где с ее помощью компьютеризованы почти 40 процентов школ республики. Большое количество этой дефицитной электронной техники поставляется и в РСФСР.

На днях редакцию «Советской культуры» посетил вице-президент СП «Вариант», генеральный директор СП «Инвариант» Гелий Леонидович Согонов. Он вручил правлению фонда гарантийное письмо о том, что оба СП перечислили на наш благотворительный счет 20 000 рублей!

Наша глубокая признательность трудовым коллективам этих совместных предприятий!

Вилор НИЯЗМАТОВ,
председатель правления фонда «Подвиг».

Не сохранилось нигде, кроме...

Сегодня вы не увидите на улицах Москвы этих памятников, они простояли недолго: какие-то — несколько лет, другие — несколько месяцев, а один — четыре дня. Вместе с ними пришло в нашу культуру понятие «монументальная пропаганда», которое прозвучало впервые в 1918 году. Они были скромными, — эти памятники — небольшими, выполненными из временных материалов. Время не пощадило их. И что же! Стали мы богаче, лишившись этих часто талантливых свидетельств нашей истории! Очевидно, нет. Хронику исчезновения памятников революции поучительно вспомнить в наше время, отмеченное, к сожалению, нигилистическим отношением к произведениям монументального искусства.

Старая кинохроника... Каждый раз, когда появляются на экране надписи шрифтом первых лет Октября, эти кадры завораживают. В них дыхание суровых и раскованных московских улиц с движущимися трамваями, повозками, прохожими, демонстрантами. Ленты, снятые в первые годы Советской власти, сохранили замечательные качества, которые утерял наш сегодняшний документальный кинематограф, — свежесть взгляда, непосредственность съемки. В кинокадр рядом с наркомом и членом Московского Совета попадали прохожие, дети, которым был любопытен киноаппарат.

Кинематограф запечатлел, конечно, и открытие в Москве памятников, осуществлявшихся по Декрету. Они во многом напоминают наброски — выразительные, эмоциональные, но в большинстве своем лишь эскизно передающие характер натуры. Кинохроника подмечает еще один момент: на Театральной площади рядом с памятником А. Кольцову был поставлен памятник И. Никитину. Тут же недалеко, в Александровском саду, «увековечили» Робеспьера, а у входа в сад со стороны Исторического музея — И. Каляева. На Минусской площади поместились два памятника — Степану Халтурину и Софье Перовской. Три последних были открыты в день первой годовщины Октября. В тот же день в Москве были открыты памятники Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу на площади Революции, мемориальная доска «Памяти павшим в борьбе за мир и братство народов» на Красной площади, памятник Свободы на Советской площади...

Предлагая монументальную пропаганду, В. И. Ленин считал, что одним из обязательных условий продолжения революции является воспитание общественного сознания, которое происходит значительно медленнее, чем приход к власти. Не случайно Председатель Совнаркома требовал от наркома просвещения А. В. Луначарского установить вместе с памятниками на общественных зданиях надписи с текстом изречений выдающихся людей. В архиве В. И. Ленина сохранились 29 изречений, предназначенных для этой цели. Одна из таких надписей, выполненная по проекту архитектора С. Чернышева на резной деревянной доске, долго висела на здании Исторического музея. Текст ее актуален и сегодня: «Уважение к древности есть, несомненно, один из признаков истинного просвещения».

Задача, поставленная художникам, выполнялась. Торжественно открывается памятник Максимильену Робеспьеру, непреклонному и яростному ниспровергателю власть имущих. Кинохроника передает многолюдную демонстрацию в Александровском саду. Среди собравшихся — председатель Моссовета Л. Каменев, рядом с ним — совсем еще юная Беатриса Сандомирская, автор памятника. Кругом — демонстранты-красноармейцы, рабочие, студенты. Среди присутствующих был и К. А. Тимирязев.

К сожалению, памятник Робеспьеру прожил четыре дня. Уже 9 ноября «Правда» опубликовала сообщение: «Открытый неделю назад в Александровском саду памятник Робеспьеру в ночь с 6 на 7 ноября был уничтожен чьей-то преступной рукой...»

Н. Д. Виноградов, руководивший установкой памятников в Москве, вспоминал, как тяжело переживала Б. Сандомирская эту потерю: «Прибежала в Александровский сад, у грота — обломки. Октябрьский праздник, все ликуют — а у меня горе: разрушилась у останков памятника».

Кто-то отвел плачущую девушку в приемную Советского правительства. Неожиданно из кабинета вышел Ленин. Спросил, что случилось. Когда услышал, что это автор скульптуры, удивился ее юному виду, успокоил, сказал: «Запугать хотели вас, не бойтесь, ничего вам не сделают, мы взяли власть навсегда». В осуществлении Декрета принимали участие совсем молодые скульпторы Б. Сандомирская, В. Сырейщиков, А. Блажевич и их учитель — профессор С. Волнухин, автор памятника Т. Шевченко; известный петроградский скульптор Л. Шервуд изваял А. Н. Радищева. Молодой скульптор Б. Королев памятник М. А. Бакунину выполнил в кубистической манере. Его установили на Мясницкой, но... так и не решились открыть: громоздкий куб вызывал насмешки у москвичей.

Памятник А. Н. Радищеву был впервые установлен в Петрограде. А. В. Луначарский, открывавший его, высоко оценил работу скульптора Л. Шервуда и писал В. И. Ленину: «Он так хорош, что я буду ходатайствовать об отливе его из бронзы». В. И. Ленин предлагает сделать еще один бюст с оригинала для Москвы. И 3 октября 1918 года первый московский памятник был торжественно открыт в сквере у Триумфальных ворот.

Однако почему же так недолго простояли эти памятники? Недолговечен был сам материал — фигуры, изваянные спешно, разваливались тоже быстро. Иных из них очень жаль, потерю других можно пережить. Бесспорно одно: скульпторы и художники получили тогда самую массовую зрительскую аудиторию и возможность выразить свои замыслы в различной манере, донести до людей свое искусство, получив в распоряжение самый обширный выставочный зал — улицы и площади города.

И. ФУРМАНОВА,
сотрудник Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

Страницу подготовила Г. Ужова.

● *Л. Каменев и С. Есенин на открытии памятника М. Кольцову (публикуется впервые).*

● *С. Коненков возле своего памятника Степану Разину.*

● *Памятник А. Радищеву (публикуется впервые).*

Судя по редакционной почте, интерес к истории, к нашему прошлому не угасает, невзирая ни на какие злободневные заботы. Сегодня мы вновь предлагаем вашему вниманию полосу писем, где читатели обращаются к истории далекой и близкой.

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ ПИСЬМО

Недоразумение?

В номере от 1 сентября опубликована статья В. Софронова «Без защиты сил небесных». В ней автор приводит список замечательных людей прошлого века, умерших и похороненных в Тобольске. Однако два человека из этого списка — Иван Павлович Менделеев и Петр Николаевич Свистунов — никогда не были там похоронены. Отец великого русского химика погребен на Волковом кладбище в Ленинграде, недалеко от могилы сына, а Петр Николаевич Свистунов умер в Москве 15 февраля 1889 года и был похоронен на кладбище Алексеевского монастыря. Спустя 40 лет, в 1928 году, его прах перенесен в Донской монастырь.

Все эти данные можно проверить по авторитетным историческим источникам, в частности по капитальному труду Н. М. Романова «Петербургский некрополь», т. 1—4, 1912—1913 гг., и «Московский некрополь», т. 1—3, 1907—1908 гг., а также по архивным данным Донского монастыря.

По-видимому, это всего лишь досадное недоразумение, и автор имел в виду совсем других людей, однофамильцев знаменитостей. Однако подобный факт лишний раз говорит о том, как важно знать историю своего Отечества, пусть даже через российские кладбища.

Д. ДОРМИДОНТОВ.
МОСКВА.

«Это единственное, что меня интересует...»

Обстоятельства привели одного из авторов настоящей заметки в Историко-культурный музей датского города Оденсе. И вот сотрудник музея Ф. Гранд-Нильсен разложил на столе архивные русские бумаги, купленные на аукционах в 1920-х годах коллекционером Л. Петерсеном. Среди удачных покупок письма Павла I, Николая I, наконец И. С. Тургенева. Ксерокопии всех этих документов, любезно выполненные Историко-культурным музеем, ныне переданы в рукописный отдел Пушкинского дома. Разрешена их публикация.

Нас особо заинтересовало написанное по-французски письмо И. С. Тургенева. Оно послано 11 августа 1879 года из Буживаля. Имя получателя, к сожалению, отсутствовало.

В новообнаруженном документе замечательно ясно сформулировано творческое кредо писателя. «На ваш вопрос,— писал он,— чего я хотел в искусстве, ответить в письме трудно. Я всегда старался воспроизвести правдивую картину человеческой физиономии. Это единственное, что меня интересует и чье разнообразие неисчерпаемо». Эти строки примечательны еще и потому, что дали ключ к расшифровке имени адресата нашего письма. Им оказался голландский писатель Марселлус Эмантс. Он написал статью, которая появилась в журнале «Нидерланды» о своем посещении в 1876 году Тургенева в Париже и привел его высказывания. Последние дословно совпали с тем, что написано в нашем письме. Таким образом, в Оденсе оказался оригинал тургеневского послания Эмантсу, которое, кстати сказать, давно разыскивалось специалистами.

«Я старался пользоваться,— пишет далее Тургенев в своем письме,— богатством нашего родного языка — литературного языка, который создал наш великий поэт Пушкин, и считаю для себя за честь быть его учеником».

В заключение послания Тургенев (цитирует это место и Эмантс) не без грусти сообщал: «Уже два года прошло, как забросил литературную работу и только наблюдаю, что делают другие, и восхищаюсь, если есть чем». Писатель здесь как бы подводил итоги своей близящейся к концу жизни, и вся она, как он любил говорить, «была по преимуществу литературной».

Новообнаруженный автограф заслуживает полной публикации, и вслед за недавно купленной в Англии рукописью романа «Отцы и дети» он — неожиданное и желанное обогащение наших знаний о творческом наследии великого русского писателя.

А. КИРПИЧНИКОВ,
доктор исторических наук,

Н. НИКИТИНА,
кандидат филологических наук.

ЛЕНИНГРАД.

Стала Родина мачехой

Прочел в газете от 18 августа рассказ о судьбе Марианны Ковосовой (она же Рыжова Ивановна Покровская), русской поэтессы, нашедшей упокоение в далекой земле. Она не могла вернуться на Родину...

О том, сколько русских было рассеяно по свету, об их скитаниях и их тоске по России немало написано в последнее время. Но вот не лишнее том, сколько искренне любящих Отечество людей вернулось и пало жертвой так называемого «культа личности Сталина».

Мы приехали в СССР в 1947 г. Тогда мне было 18 лет. Помню, в Шанхае у нас, русских, были свои гимназии, церкви, библиотеки (имени Пушкина), кафе-рестораны (в «Ренессансе» пел А. Вертинский). Везде звучала русская речь, выходили газеты.

А в это время на Родине (Шанхай ведь — чужбина) рушили церкви, русскую культуру, насаждали взамен культ! «Лорду в мордуа» Соловки, расстрелы и конфискации — это за границей было известно, но не все этому верили.

Мы с открытым, чистым сердцем поехали в Россию после Указа Президиума Верховного Совета СССР о добровольной репатриации.

И вот я живу здесь 42 года. И не врос корнями. Работал разнорабочим на полях (и немного делал научные переводы). В общем, родины так и не обрел.

Горе, муки, которые я и моя семья вынесли, вернувшись, не перескажешь. В крупных городах нас не поселили, в Одессе, откуда родом отец, не прописали. Но речь не обо мне. Я-то уже на заслуженном отдыхе. Есть пенсия, есть квартира (верх счастья по советским понятиям), а жизнь покорежена.

Сейчас мода заигрывать с русской эмиграцией. Не надо ее звать. Эти люди европеизированы, жить здесь не смогут. Одна прописка чего стоит! Человек, как крепостной, не может жить там, где хочет. И все еще закрытые границы. Так не должно быть!

П. ВИНОГРАДОВ.
ТИРАСПОЛЬ.

P. S. Даже мертвых не надо было выкапывать, как Шаляпина, и перевозить прах. В свое время здесь Шаляпина оплевывали — тот же Бухарин.

Ветхая приманка

Мы живем на улице Ивановской, в старинной деревянной части Костромы. Исторический центр города — это развалившиеся дома с грязными помойками, провалившимися потолками, туалетами во дворе. Поблизости от нас находится и турбюро. Сегодня здесь можно увидеть финнов, завтра — гостей из Болгарии.

День за днем сгнивает то, ради чего к нам едут иностранцы. Каким образом Кострома может развивать иностранный туризм, поднимать сервис до европейского уровня, если показывать туристам нечего?

В Костроме выросли новые районы: Паново, Черноречье, Заволжье. А центр стоит. Ждет своего часа. Реставрации или сноса? Никто не принимает умных решений. Словно никто не видит наших прогнивших домов, отживших свой век. Может быть, на наших улицах можно создать туристский комплекс в старинном духе?

Могут быть какие-то другие предложения, мы на своем не настаиваем, но надо же что-то делать. Время неумолимо бежит.

В. СМИРНОВА.
КОСТРОМА.

Горький все понимал

Я уже в который раз перечитываю очерк Алексея Максимовича Горького «Соловки». Для меня существует особый интерес к этой работе Алексея Максимовича, так как на Соловках в 1929—1932 годах заключенным был мой отец. Попал он туда «за недоносительство» с выборной в те годы должности управдома. В органах ГПУ считалось, что управдом должен немедленно сообщать, что следует — куда следует. Воспитание не позволяло отцу быть доносчиком, вот его и «перевоспитывали».

Очерк Горького привлек меня именно описанием концерта для заключенных.

«Концерт был весьма интересен и разнообразен. Небольшой, но хорошо сыгравшийся «симфонический ансамбль» исполнил увертюру из «Севильского цирюльника», скрипач играл «Мазурку» Венявского, «Весенние воды» Рахманинова; неплохо был спет «Пролог» из «Паяцев», пели русские песни, танцевали «ковбойский» и «эксцентрический» танцы, некто отлично декламировал «Гармонь» Жарова под аккомпанемент гармоники и рояля... Во время антрактов в «фойе» превосходно играл Россини, Верди и увертюру Бетховена к «Эгмонту» богатый духовой оркестр; дирижирует им человек бесспорно талантливый. Да и концерт показал немало талантливых людей. Все они, разумеется, «заключенные» и работают для сцены и на сцене должно быть, немало»...

Как оценить этот отрывок? Как оценить весь очерк Горького в целом? На первый, поверхностный взгляд, Горький описал то, что видел, выполнил социальный заказ, восславил методы Соловецкого лагеря особого назначения. Так воспринял очерк руководство страны, так его и напечатали...

Если взглянуть по-другому, получится, что Горький не мог не понимать, какую липу, какую показуху ему подсовывают, но в угоду власть имущим написал то, чего от него ждали.

А мне ныне представляется, что есть и третий подход к очерку, глубинный и неочевидный. А что, если Горький все прекрасно понимал? И свою вымученную роль, и показуху, и то, что заключенные там вовсе не преступники, а честь культурной верхушки общества, близкая Горькому, нужная народу и своей стране. Доказательства такой гипотезы? Они в очерке.

Зачем, скажите, надо было скрупулезно перечислять названия классических произведений, исполняемых на концерте, и имена авторов? Что, Горький хотел блеснуть эрудицией? Вряд ли. По-моему, Горький показывал, кто были исполнители. «Социально опасные» не создадут симфонический ансамбль, не споют Леонкавалло, не сыграют, да еще «превосходно», Россини!

Зачем нужно было Горькому приводить горькую шутку, сопровождавшую его на острове: «Слыхали? К нам едет Горький! — На 10 лет!» Алексей Максимович этим, думается, подчеркнул, что и он мог бы оказаться невольником Соловков. В любой шутке есть доля правды.

Вопросов можно задать и больше, вникая в каждую строку, но я не литературовед, у меня техническое образование.

А. СОСНИН.
ЛЕНИНГРАД.

Адольф из рода Гитлеров

Прочитав статью «Античеловек века», опубликованную 5 мая в вашей газете, я решил поделиться с вами своими сведениями. Об отце Гитлера в статье есть такие строки: «...Алоиза Гитлера, отца Адольфа, усыновил некий Гитлер по просьбе дяди, тоже Гитлера, видимо, фактического его родителя». Автор ошибается. Отец Гитлера Алоиз Шиклгрубер никем не усыновлялся. Новую фамилию он приобрел так.

Ему, простому сапожнику, улыбнулась судьба, протянув тугой кошелек румынского богача: в зрелом возрасте Алоиз женился на дочери бухарестского кельнера Гитлера. Тесть пообещал Алоизу приданое, но поставил условие: женившись, сапожник возьмет фамилию Гитлер. У старого кельнера имелись свои соображения: других детей у него не было, и он не хотел, чтобы на земле оборвался род Гитлеров. А Шиклгрубер не дорожил именем, предпочитал деньги.

Но старик обманул Алоиза — умер, не успев написать завещания. Немногим позже умерла и супруга Алоиза. Так и получилось, что австрийский сапожник получил в наследство от тестя только фамилию. А вскоре он женился на служанке усопшей—Кларе Пельц, матери Адольфа Гитлера.

Я взялся немного поправить вас, потому что хорошо знаю личную биографию Гитлера. И потому что считаю: история любит точность.

Н. ВРОНСКИЙ,
ученик 11 «а» класса.
КИШИНЕВ.

Малиновый звон над селом

Церковь решили ставить там, где до войны деревянный храм стоял. Теперь, с какой стороны к Терновому ни подъезжаешь — отовсюду видны золотые купола.

За семьдесят три года впервые в Острогожском районе церковь возвели. И сделали это жители села за семь месяцев, на свои средства. А идею подала восьмидесятилетняя Анна Осиповна Сухинина.

За проектом храма Сухинина ездила в Воронеж, а уж за стройматериалами — в какие только края не приходилось наведываться.

— Кирпич какой зря не возьмешь. Уголок нужен, цемент, доски, гвозди... Бывало, дождусь начальника — и на колени: «Не откажи, сынок, храм взялись возводить...» А он мне: «Что вы, мамаша, встаньте, поможем...»

Вся жизнь ее — работа в колхозе.

— В войну, как и все бабы, на коровах пахала. Семенное зерно по весне из соседнего Коротояка на себе носили, а это тридцать верст... Мужиков всех война забрала. Моего Яшеньку тоже. Там он и остался. Восемерых мы с ним деток родили, а выжил в войну один Егорушка... С голода поумирали...

Услышал я впервые об Анне Осиповне от Ивана Максимовича Хорошилова, родного брата Павла Максимовича, того самого старшего лейтенанта, который геройски сражался в войну на танке «Беспощадный», построенном на средства Маршака, Кукрыниксов, Михалкова.

— Нюра,— говорит Иван Максимович,— можно сказать партизанила. В наших лесах партизаны были. Так она им картошку носила, молоко, хлеб. В условленном месте они ей записки оставляли. Словом, связной была....

И в храм меня привел Иван Максимович Хорошилов. Дверь бесшумно отворилась, и сразу же пахнуло — нет, не ладаном, а свежей побелкой, сосновыми досками. Со стен смотрели лики святых.

— Люди сами сносили иконы,— сказал Иван Максимович.— У кого что сохранилось. А иконостас еще до конца не готов. Мастерам расписывать надо.

...Уезжал я из Тернового под вечер. Заходящее малиновое солнце играло на куполах. Плыл над селом колокольный звон.

В. СИЛИН.
Воронежская область.

«Вильгельм, прости...»

Сугубо штатский человек, педагог и литератор Вильгельм Карлович Кюхельбекер, вооружившись палашом и пистолетом, призывал на Сенатской площади штурмовать монархию. Прицелился в брата царя... У него выбили оружие.

Посаженный в Свеаборгскую цитадель, Кюхельбекер много читал, сочинял стихи, переписывался с матерью, вел дневник. Нередко упоминал в нем Пушкина. На столике в камере лежала отдельно изданная в январе 1832 года восьмая глава «Евгения Онегина». Кюхельбекер записал в дневнике, что получил ее от сестры, и продолжал:

«21 февраля. Перечел 8-ю главу «Онегина»... Появление Тени живо, но нападки на ххх не слишком кстати. Мне бы этого и не следовало, быть может, говорить, потому что очень хорошо узнаю самого себя под гиероглифом трех звездочек...»

Что имел в виду узник?

«Она казалась верный снимок Du comme il faut... ххх,
просто:
Не знаю, как перевести».

«Du comme il faut» — «комильфо», по-французски, образец приличия. Это относилось к Кюхельбекеру, так сказать, наоборот: он был неуклюж, неповоротлив, вел себя вопреки правилам света.

Однако тут не только «некомильфотность» закадычного друга. Кюхельбекер ратовал против употребления чужеземных оборотов в русской речи, но сам грешил этим. Пушкин укорял приятеля еще до того, как приступил к работе над романом: «Да, пожалуйста, не приправляй писем своих французскими фразами».

Можно высказаться уверенно: под «гиероглифом» (точнее—астронимом, то есть звездочками вместо имени) действительно подразумевалось «Вильгельм».

Однако, издавая роман целиком, Пушкин убрал звездочки и написал «Шишков». Кюхельбекера «вытеснил» адмирал, президент Российской академии, член недавнего Верховного уголовного суда над декабристами, реакционер, квасной патриот и лингвист-архаист, категорически изымавший иностранные слова из русского обихода. Галоши он называл мокроступами, тротуар — топталищем...

Его фамилия подошла к размеру строф «Евгения Онегина». С Кюхельбекером его объединяла лишь нетерпимость к иностранным вкраплениям в русскую речь. Не желая огорчать сидевшего за решеткой друга, Пушкин переадресовал свою шутку адмиралу. Но следы первоначального адреса остались. Ибо дружеская ирония, притом на «ты», не подходила сановнику, бывшему, кстати, на 45 лет старше Пушкина.

Михаил ИСКРИН.
МОСКВА.

ДЕФИЦИТ ЛЕКАРСТВ — СЕГОДНЯ, К СОЖАЛЕНИЮ, РЕАЛЬНОСТЬ. ТРУДНО ДОСТАТЬ ДАЖЕ ПРИВЫЧНЫЕ НЕДОРОГИЕ МЕДИКАМЕНТЫ. НО В АПТЕКАХ ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА, О КОТОРЫХ НЕ ВСЕГДА ИНФОРМИРОВАНЫ НЕ ТОЛЬКО БОЛЬНЫЕ, НО И ВРАЧИ

Всесоюзное объединение «СОЮЗФАРМАЦИЯ» представляет новые высокоэффективные препараты, определяющие современный уровень фармакотерапии!

ЧИТАЙТЕ ЭТИ СТРАНИЦЫ ПОЛЕЗНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ!

ВО «СОЮЗФАРМАЦИЯ» ПРЕДУПРЕЖДАЕТ:

ЦЕФАЛЕКСИН

(кефлекс, цепорекс) —

отечественный цефалоспориновый антибиотик активен в отношении почти всех грамположительных и большинства грамотрицательных инфекций. Препарат выпускается в виде порошка во флаконах по 2,5 г (для приготовления суспензий) и в капсулах по 0,25 г.

АМИКАЦИН —

полусинтетический аминогликозидный антибиотик первого выбора, применяемый при лечении тяжелых грамотрицательных, стафилококковых и смешанных инфекций. Обладает широким спектром действия, включающим штаммы, резистентные к другим аминогликозидам.

Применяется при респираторных, желудочно-кишечных, кожных и других инфекциях, а также при септицемиях, менингите, перитоните.

Амикацин закупается в СФРЮ в ампулах по 100 и по 500 мг, в упаковке 10 штук.

КАРДИЛ —

современный антагонист ионов кальция — должен быть в арсенале каждого врача-терапевта и кардиолога для лечения артериальной гипертензии, вазоспастической и классической стенокардии. Кардил высокоэффективен как при монотерапии, так и в комплексе с другими гипотензивными средствами.

Дозировка подбирается индивидуально с учетом показаний и переносимости.

Закупается в Финляндии в таблетках по 60 мг, в упаковке 100 штук.

КОРДАФЕН —

препарат группы антагонистов кальция — устраняет спазмы коронарных сосудов, уменьшает нагрузку на сердце, снимает одышку, улучшает питание сердечной мышцы, оказывает противоаритмическое, противоишемическое и антифибриллярное действие. Показан для лечения всех форм стенокардии и гипертензий.

Закупается в Польше в виде таблеток по 10 мг, в упаковке 50 штук.

СПЕСИКОР —

широко применяемый в мире кардиоселективный бета-адреноблокатор.

Применение спесикора позволяет: обеспечить постоянный контроль за артериальным давлением, даже в условиях стресса; улучшить прогноз коронарной болезни сердца, уменьшить риск летального исхода после инфаркта миокарда, заметно снизить содержание холестерина в сыворотке.

Неоспоримое преимущество — возможность применения препарата больными с сахарным диабетом.

Препарат закупается в Финляндии в виде таблеток по 100 мг, в упаковке 30 штук.

Успешный результат совместного сотрудничества фирмы «Лек» (Югославия) и Харьковского химико-фармацевтического объединения «Здоровье».

СИНЕПРЕС —

снимает проблему лечения гипертензий средней и слабой тяжести. Удачная комбинация нескольких ингредиентов в одной таблетке синепреса (дигидроэрготоксин-метансульфонат, резерпин, гидрохлортиазид):

— выгодно отличает его от других подобных препаратов: дает возможность длительного (в течение всей жизни) лечения гипертензии; обеспечивает мягкость действия, постепенное снижение артериального давления; позволяет избежать нарушения привычного жизненного режима больного.

Риск возникновения гипотензии при приеме синепреса сведен до минимума.

Хорошая переносимость, удобство и простота дозирования (по 1—2 драже в сутки) делают синепрес оптимальным антигипертензивным средством для большинства больных. Но следует помнить: применение синепреса не рекомендуется во время беременности и кормления ребенка грудью, противопоказан больным с тяжелыми поражениями функций почек и печени.

Синепрес выпускается в таблетках, покрытых оболочкой, в упаковке 50 таблеток.

ТИКЛИД

(тиклопидин) — антитромбический препарат для лечения атеросклероза

Закупается в Индии и Турции в виде таблеток по 0,25 г, в упаковке 30 штук.

ДАЛАРГИН —

оригинальный принципиально новый отечественный противоязвенный препарат

Применение препарата сопровождается исчезновением болевого синдрома. Стимулирует процессы эпителизации, улучшает кровоснабжение желудка, усиливает продукцию желудочной слизи, снижает кислотность желудочного сока.

Выпускается в виде лиофилизированного порошка в ампулах по 1 мг.

ЭГЛОНИЛ

(сульпирид) —

оригинальное фармакологическое действие препарата позволяет использовать его как средство для лечения язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, так и ряда психоневрологических заболеваний.

Препарат хорошо переносится больными, практически не вызывает побочных явлений, прекрасно сочетается с другими лекарственными средствами в комплексной терапии.

Закупается в Югославии в виде ампул по 2 мл (5-процентный раствор) по 30 штук в упаковке и таблеток по 0,2 г — 12 штук в упаковке.

Препарат фирмы «Орион» (Финляндия)

РЕГИДРОН

дозированный порошок —

90—95 процентов острых случаев диареи можно излечить с помощью регидрона. Высокую эффективность обеспечивает сбалансированный состав препарата, который предотвращает обезвоживание организма и нормализует солевой баланс. Глюкоза повышает всасывание солей и воды в тонком кишечнике даже в тех случаях, когда его стенки повреждены.

Неоспоримым преимуществом применения регидрона в педиатрии — отсутствие побочных явлений и противопоказаний к применению.

Закупается в упаковках по 20 пакетов.

Эффективный отечественный препарат

ВИЛОЗЕН —

небелковый низкомолекулярный экстракт вилочковой железы крупного рогатого скота.

Эффективен при лечении аллергических заболеваний дыхательных путей у взрослых и детей старшего возраста и атопического дерматита.

Выпускается в виде лиофилизированного порошка в ампулах по 0,02 г.

Препарат из сока дынного дерева

ЛЕКОЗИМ —

пополнил арсенал ферментных лекарственных средств, применяемых в ортопедии, травматологии, нейрохирургии, офтальмологии. Имеет ряд преимуществ в сравнении с трипсином и лидазой.

Закупается в Югославии в виде лиофилизированного порошка с протеолитической активностью 70 ЕД во флаконах, в упаковке по 10 штук.

Вниманию врачей-офтальмологов!

Новый отечественный препарат

ЭНКАД —

предназначен для лечения наследственных заболеваний сетчатки глаза.

Выпускается в ампулах в виде 3,5-процентного раствора по 2 и 3 мл.

Только для стационаров

ТРИКОРТ —

обеспечит современный уровень фармакотерапии целого ряда заболеваний, в том числе: острого ревматизма, заболеваний соединительной ткани, нежелательных реакций на лекарственные средства, туберкулезного менингита и др.

Препарат закупается в Индии в виде суспензии для инъекций во флаконах по 1 мл. (40 мг/мл).

Для врачей-гинекологов!

ПАРЛОДЕЛ —

эффективен при разнообразных функциональных нарушениях у женщин, в том числе в послеродовом периоде.

Выпускается в виде таблеток по 2,5 мг, в упаковке 30 штук.

ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ

Помните: «ОТ ВСЕХ болезней нам полезней солнце, воздух и вода!»? Ну, конечно, не от всех, и совет этот — для людей, как говорится, практически здоровых. Наступила осень — период всплеска простудных заболеваний. Лучшая их профилактика у взрослых и детей — ЗАКАЛИВАНИЕ. Посоветуйтесь с врачом, обсудите с ним программу закаливания, а главное — выполните ее, не отступая. Еще не поздно!

ПОДРОБНЕЕ О ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ, ВРАЧИ СМОГУТ УЗНАТЬ, ОБРАТИВШИСЬ ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТР НАУЧНО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В/О «СОЮЗФАРМАЦИЯ».

«Будьте здоровы!» —

желает вам В/О «Союзфармация» при Минздраве СССР

НАШ АДРЕС: 101668, Москва, ГСП-4, Пушкинская улица, 7.

ВСЕ перечисленные здесь лекарства отпускаются из аптек только по рецептам врачей!

Кооператив «Поиск» — это мобильное научно-производственное предприятие, выпускающее и экспортирующее продукцию по собственным технологиям, подчас не имеющим мировых аналогов, — 30% изделий «Поиска» обладают собственным патентом.

НПК «Поиск»

расширяет поставки своей оригинальной продукции и предлагает

Организациям и частным лицам:

— комплект переносной оснастки, методику и компьютерные программы для оценки погрешности позиционирования промышленных роботов и взаимного расположения ИЗДЕЛИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ,

— техническую документацию на производство 12 типов.

Пьезоэлектрических приводов и двигателей, а также комплектующие изделия к ним:

— ВПЕРВЫЕ: технологию и оборудование для производства СВЕРХПРОВОДЯЩИХ ПЛЕНОК на сапфировой основе (размеры 48 × 60 и 60 × 90);

— высокотемпературные СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ ИЗДЕЛИЯ, в том числе экраны для слабых магнитных полей, и новое поколение учебного комплекта для демонстрации явлений сверхпроводимости;

— оборудование для ЛАБОРАТОРНЫХ РАБОТ ПО ОПТИКЕ для общего физического практикума вузов.

— износостойкие РАЗГОННЫЕ ТРУБЫ из карбида кремния для струйных измельчительных машин;

— ШЛИФОВАЛЬНЫЕ И ПОЛИРОВАЛЬНЫЕ КРУГИ из карбида кремния с увеличенным в 5 раз ресурсом для обработки камней и бетонных строительных панелей.

— напольные, настенные и потолочные отделочные ИНКРУСТИРОВАННЫЕ ПАНЕЛИ из импортной фанеры экзотических пород деревьев для оборудования интерьеров (за валюту).

— ИЗДЕЛИЕ «КОПИР» для упрощения копирования любых изображений и обработки внимания у детей.

Пчеловодам, садоводам и огородникам:

— МИНИ-ХРАНИЛИЩА с газоселективной вставкой емкостью 60 л для сельскохозяйственной продукции. Увеличивают срок хранения от 4 до 17 раз, всхожесть и урожайность семян на 15—20%. Являются прекрасным устройством для изготовления домашних вин.

— ПЧЕЛИНЫЕ КОРМУШКИ из пенополистирола, оргстекла и других материалов.

— изделие «ВОДОЛЕЙ» для автоматического регулярного полива растений с регулируемым интервалом. Не требует электропитания и характеризуется отсутствием подвижных частей.

НПК «ПОИСК» КУПИТ:

— отходы из пластмасс (кроме реактопластов),

— металлический лист толщиной 1,5 мм,

— глинозем.

Деньги, которые вы платите за нашу продукцию, несоизмеримы с ее качеством!

Ждем вас по адресу: 127410, Москва, И-410, ул. Стандартная, д. 19, корп. 2. Телефоны: 901-46-72, 903-37-11.

«ПОИСК»
«ПОИСК»
«ПОИСК»
«ПОИСК»
«ПОИСК»
«ПОИСК»

Опубликовать рекламу в нашей газете вам поможет творческое объединение «Эскарт» советско-американского фонда «Культурная инициатива»

285-77-09, 285-39-95

ЭСКАРТ

ВОПРОС НЕДЕЛИ

Каким быть Союзному договору?

На минувшей неделе союзный парламент рассмотрел итоги предварительных консультаций рабочей группы Верховного Совета и Совета Министров СССР с полномочными представителями союзных республик по вопросам подготовки нового Союзного договора. От того, каким он будет, зависит, без преувеличения, все судьбы, будущее нашей страны.
Свой вопрос сегодня мы адресуем народным депутатам СССР: насколько результативно, по их мнению, ведется работа по созданию этого важнейшего документа? Нам отвечают:

Рой МЕДВЕДЕВ

Разговор, состоявшийся на заседании Верховного Совета СССР, я считаю весьма полезным и продуктивным. Он обозначил разные точки зрения, разные мнения, разные подходы к проблеме Союзного договора. Он же наглядно выявил и те трудности, даже процедурного характера, с которыми нам неизбежно придется столкнуться. Одна из них — кто должен скрепить своими подписями Союзный договор? Сколько у нас субъектов федерации? Год назад ответ на этот вопрос был предельно прост — пятнадцать, по числу союзных республик. Сегодня ситуация изменилась. Три союзные республики подписывать договор отказываются, зато ряд автономных образований претендует на роль самостоятельных субъектов федерации. На мой взгляд, такое требование автономий справедливо и закономерно, но многими союзными республиками данные процессы воспринимаются болезненно, что дестабилизирует обстановку в стране, создает дополнительную напряженность и нервозность.

Настораживает меня и проявившийся в ходе дискуссий национальный эгоизм некоторых республик. Иные выступающие заходили в своих требованиях так далеко, что фактически лишали центр самых минимальных прав. Если мы пойдем по пути выполнения этих требований, наш Союз превратится в слабую конфедерацию и лишится статуса великой державы. Я же убежден, Советский Союз должен сохраниться именно как Союз, как целостное многонациональное образование, а не как содружество наций.

Нельзя забывать, что наша страна входит в Совет Безопасности ООН, является одним из гарантов сохранения мира. Исчезновение Советского Союза как сильного, большого государства с мировой арены будет дестабилизирующим фактором, нанесет ущерб всему человечеству. Мы не вправе с легкостью, в интересах какой-либо отдельной республики, отдельной нации решать вопросы, связанные с судьбой всей цивилизации.

Клара ХАЛЛИК

Принципиальный вопрос: диктуется ли разработка Союзного договора стремлением заложить в его основу новые исходные условия, значительно отличающиеся от существующих в Союзе изначально, или это попытка новым документом закрепить его прежний статус?

Горько это осознавать, но я бы не сказала, что четко прослеживается первый подход. Напротив, больше фактов говорит в пользу второго варианта. Центр опять желает заполучить доверие республик авансом. Во имя обновленной федерации. Но какими реальными шагами этот аванс покрывается? Каково отношение хотя бы того же союзного парламента к решениям парламентов республиканских? Чем подкрепляются заверения о предоставлении суверенитета республикам?

Да, шаталинская программа в этом плане достаточно радикальна. Она предусматривает право республики на свободный выход из экономического союза с получением статуса ассоциированного участника. Но ведь эта программа не принята. И сегодня не ясно, по какому пути будет идти переход к рынку. Пока налицо полное нежелание отделить проблемы экономической целесообразности от десятилетиями декларировавшихся политических принципов. А только при таком разделении мы сможем без крови, без огромных материальных потерь перейти к качественно новому состоянию.

В 1988 году идея Союзного договора казалась нам спасением. Мы думали, что таким образом сможем оградить себя от притязаний центра, защитить свои интересы, подтвердить права на землю, недра. Мы хотели опереться на парламентские законы — и какому же осуждению были за это подвергнуты... Непризнание особенностей Балтийского региона, нежелание вникнуть в наши проблемы привело к тому, что сегодня мы не находим своего места в политическом союзе республик.

Но объективно мы не можем существовать без нормального экономического сотрудничества с Союзом. Хватит ли центру великодушия, мудрости не использовать экономические рычаги для того, чтобы насильно привязать нас политически (что чревато обострением националистических настроений, озлоблением, возникновением новой, очень сильной волны эмиграции), а согласиться на вариант, предложенный группой Шаталина? Боюсь, что не хватит. Слишком еще сильны имперские настроения, слишком живуча великодержавная психология. А отсюда стремление сниивелировать ситуацию, проигнорировать стремление республик самим определять систему отношений с Союзом.

Еремей АЙПИНЬ

Убежден, разрабатывая концепцию нового Союзного договора, мы обязаны исходить из следующих условий. Первое: договор с различными республиками должен строиться на различной основе. То есть каждая республика, автономное образование, округ сами определяют, какие права они делегируют центру. И второе: договор должен заключаться не на долгий срок, а на определенный период. Ситуация меняется, пусть меняются и условия договора. Структуры не должны быть жесткими, сковывающими развитие региона, как это происходит сейчас. Утверждаю это, опираясь на опыт Ханты-Мансийского автономного округа, интересы которого я представляю. Создавался наш округ в 30-е годы, когда население его составляло 60 тысяч человек, сейчас здесь проживает миллион триста тысяч, но статус его прежний. Договор только тогда будет жизнеспособен, когда будет учитывать специфику региона и динамику происходящих событий.

Людмила АРУТЮНЯН

Мы долго желали в области межнациональных отношений удержаться на уровне косметических перемен. Жизнь вокруг нас бурлила, национально-освободительные движения крепли, а мы упорно не замечали этого, припечатывали их терминами «сепаратизм» и экстремизм». Вот уже пролилась кровь, но мы не наказали виновных, не сняли вину с народов. Мы признали беженство кормой жизни, мы предоставили республикам право легчайшим образом решать сложнейшие национальные вопросы — депортировать лиц другой национальности.

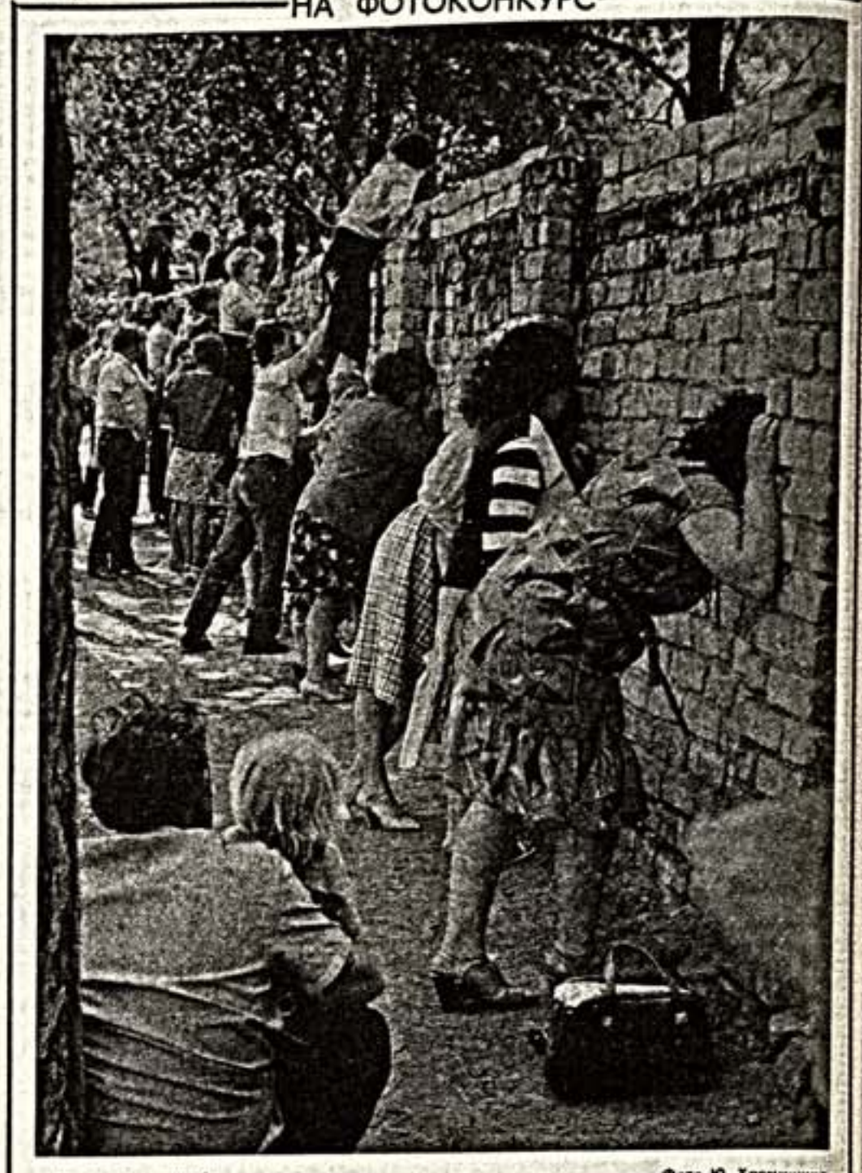
И вот итоги. Произошла девальвация ценностей общесоюзного существования. Возник вопрос: зачем мы в Союзе?

Такова пропозиция. Исходя из нее, так ли надо было вести обсуждение на Верховном Совете? Нет, не так. О чем надо было сказать в первую очередь? О безусловном праве каждого народа на самоопределение, о механизме реализации этого права. А потом с цифрами и проговариванием возможных сценариев будущего доказать преимущества существования республик в содружестве. А преимущества есть и в экономической, и политической, и социальной, и экологической, и технологической, и гуманитарной сферах. Но, разумеется, должна быть четко оговорена презумпция защищенности наций, строгое соблюдение международных законов о правах человека.

Ряд республик ставит своим условием подписания договора ущемление прав автономий. Не дай нам бог пойти по этому пути. Надо обязательно отказаться от вертикального национального устройства. Все нации должны быть в содружестве на равных правах. И должны быть созданы условия и гарантии для реального осуществления этого равноправия, разработаны принципы и нормативные акты, регулирующие жизнь федеративного государства. Если бы мы исходили из презумпции прав народа на самоопределение, а не из боязни пресловутой перекройки границ, если бы сумели федеральными войсками, подчиненными Президенту, защитить суверенитет малой нации, то карабахский конфликт не зашел бы столь далеко.

Федерация не может состояться на бумаге, она должна воплотиться в определенных законодательных, исполнительных, контролирующих институтах.

НА ФОТОКОНКУРС



А как там, у них?.. Фото Ю. Хромушина.

Промежуточный вариант

Итак, совершилось. Верховный Совет СССР на срок до марта 1992 года передает часть своих полномочий Президенту СССР. Отныне Президент, как я понимаю, имеет право самостоятельно, не советуясь с Верховным Советом, издавать нормативные акты (какие законы подпадают под это скромное определение, а какие нет, пусть разъяснят юристы), создавать органы государственного управления. Все это нужно — как официально объявлено,— чтобы обеспечить оперативное руководство экономикой и социально-правовой сферой на сложнейший период перехода к рынку.

В резких оценках недостатка, понятно, нет. Депутат Верховного Совета СССР Тутов, не мудрствуя лукаво, так и рубанул — у нас отныне восстановлена монархия. Уже пущена острота: «Отец перестройки говорит: я тебя породил, я тебя и убью»... Но попробуем рассмотреть вопрос спокойно.

«Паралич власти» — эти слова говорят так же часто, как слово «перестройка». Для многих они стали как бы синонимами. Тут часто путают два понятия. Во-первых, распад центральных звеньев тоталитарной машины, особенно, центрального аппарата. Во-вторых, бесхилие законов и анархию на местах, давно уже перешедшую все привычные для нас нормы. В действительности эти два процесса связаны. Центральное звено бюрократической тоталитарной машины разорвалось (или резко ослабло), а местные, выйдя из-под контроля, крутятся вовсю. Ширятся чуть ли не феодальный натуробмен, лихоимство, «приватизация» — себе в карман!

Что касается новой, демократической и, по-видимому, более честной власти, то ее либо вообще нет, либо она слаба, неумела — да и как может быть иначе, опыта же никакого.

Как же остановить все нарастающий распад общества и государства? В качестве выхода предлагается, как видим, усиление полномочий Президента. Не важно, называются они «чрезвычайные», «расширенные», или еще как-то. Суть ясна. Но о каких полномочиях речь? О бывших правах Верховного Совета СССР, которые последний отдал за два заседания? Это наводит на размышления. Попробуй у палаты общин в Англии «возьми» ее полномочия! Да, так отдают то, за что не держатся. Так что зря волнуются демократы — нет тут ни «государственного переворота», ни установления диктатуры, монархии и т. д. Дело, похоже, сводится к передаче «права на бесправие». Раньше не выполняли постановления Верховного Совета — теперь не будут выполнять указы Президента...

Что ж, неужели Горбачев не знает этого, неужели он добивается лишь увеличения своих «символических прав», готовый расплачиваться за такой призрак реальным золотом своего авторитета?

Разумеется, не видеть, не понимать всего этого нельзя. Для чего же он предпринял этот шаг?

Предсказания — рисковое занятие. Но поскольку шаг Горбачева, как считают многие, явно промежуточный, попробуем представить возможное развитие событий.

Есть две реальные программы, осуществляя которые, можно опираться не на бумажные решения, а на реальную силу. Обе включают рынок и приватизацию. Первая — рынок под жестким контролем, скажем, генералов или других управляющих структур. При таком раскладе приватизация может послужить интересам той же власть имущей бюрократии и сросшихся с нею «уважаемых людей». Но сам Горбачев, разумеется, заявляет, что этот вариант для него неприемлем.

Вторая — открытый рынок в открытом обществе. Приватизация проводится под контролем демократических структур власти, в принципе разрушаются любые монопольные структуры. Разумеется, и тут немалые куски достанутся хищникам и вчерашним аппаратчикам. Но они утрачивают господствующие позиции, их спина больше не будет прочно защищена бетонной стеной «их» государства. Значит, неизбежно демократическое развитие экономики. И здесь Президент может опираться на реальную, хотя и плохо организованную силу — на силу массовых демократических движений.

Так или иначе надо выбирать. И самое опасное — колебаться до тех пор, когда повлиять на события будет уже невозможно.

Алексей ПЕТЕЧКИН.

Вариант надежды

Мы привыкли мыслить в категориях «или — или».

Или демократия — или диктатура.

Или рынок — или административный контроль и план.

А что между ними, когда общество из одного качественного состояния трансформируется в иное? Это зыбкое и чреватое социальными взрывами нечто, именуемое «переходным периодом»,— каким законам оно подчиняется? И подчиняется ли вообще каким-либо законам?

Диктатура, в том числе и военная, отнюдь не всегда уводила народы от демократии — иной раз, наоборот, выводила к ней: современная история знает тому примеры. Другое дело, что лучше бы шагать к ней, по примеру англичан, осознанно и добровольно, но где же набраться терпения на четыреста лет? Да и не о том сейчас речь.

Кто мог бы сегодня Горбачеву помешать, избери он «пиночетовский» вариант перестройки? Да никто, ибо угроза хаоса страшнее диктатуры, которая гарантирует пусть жесткий, но порядок. К сожалению, возможность такого развития событий отнюдь не исключена. Рассчитывать на то, что из нарастающего хаоса можно выбраться, опираясь только на наши новорожденные демократические силы, по меньшей мере наивно. Они, как это ни печально, действительно пока еще слабы, неорганизованны и, что самое опасное, раздираемы внутренними и групповыми противоречиями. Если что их сегодня объединяет, так это общий оппозиционный настрой по отношению к прежним структурам власти. Но отрицание — свойство деструктивное, для конструктивных же действий требуется нечто большее.

Значит, если не с демократами, то с военной силой? Или — или?

Кажется, никто, кроме самого Горбачева, не принимает всерьез третий вариант, предусматривающий ставку на силу права и закона. Он, этот вариант, может, конечно, тоже потерпеть фиаско, если в обществе не будет достигнуто гражданское согласие. Но это единственный путь, способный ускорить реформы, избежав социальных взрывов. Вариант надежды.

К сожалению, наш парламент способен «заговорить» любой закон, любую проблему, требующую неотложного решения. Не вижу, однако, причин, что на этом основании его следует распустить, о чем настойчиво поговаривают в радикальных кругах. Общество, формировавшееся вне публичной политики, не может иметь иной политической «школы», кроме своих государственных институтов, и иных «учеников», кроме тех, что само же туда направило. Перевыборы, возможно, добавят Верховному Совету радикализма, но добавят ли согласия, если радикально настроенные представители автономий далеко не всегда находят общий язык с радикально настроенными представителями союзных республик? Да и радикализм рабочего класса тоже не всегда имеет тот же вектор, что и радикализм интеллектуальной элиты: вспомним хотя бы дискуссии о денежной реформе.

На мой взгляд, пусть Верховный Совет до хрипоты спорит о частной собственности или о преимуществах той или иной экономической программы. Но пусть глава государства имеет при этом право «запустить» своим указом ту же частную собственность — хотя бы в ограниченном масштабе: авось жизнь сама рассудит несговорчивых оппонентов.

Диктатору законодательные полномочия не нужны, для него главный и единственный закон — сила. Но обществу, переживающему «паралич власти», причем не только старой, но и новой, поскольку изобретенные нами в 1917 году Советы, как выясняется, оказались структурой громоздкой и неповоротливой (что не замечалось, пока они были лишь декоративным элементом народовластия), настоятельно необходим механизм, двигающий реформы. Он, этот механизм, может опираться на власть силы — военной ли, демократической ли. А может — на силу власти, когда и Президент действует всегда и только в рамках полномочий, отведенных ему законом.

В. ПЕТРОВА.

В Риме умер Альберто Моравиа — крупнейший писатель нашего времени. Через два месяца ему исполнилось бы 83.

Незадолго до смерти писателя еженедельник «Эспрессо» опубликовал интервью, которое Альберто Моравиа взял у самого себя, назвав его «автоинтервью». Мы перепечатываем этот текст с некоторыми сокращениями.

Альберто Моравиа:

МНЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО ПИСАТЬ

— Сколько рассказов ты написал?

— Почти столько же, сколько Пиранделло,— около трехсот. Всего опубликовано двенадцать книжек моих рассказов, теперь вот вышла тринадцатая — «Вилла по пятницам».

— Ты еще и романист. Рассказ и роман—они подчиняются одним и тем же законам, или нет?

— По-моему, литературных жанров вообще не существует. Однако некоторые отличия романа от рассказа все же имеются — технические.

— Расскажи об этом подробнее.

— Все отличия сводятся к величине произведения, то есть к проблеме времени. Рассказ — сочинение короткое, у него есть начало и конец, потому что рассказ по сути своей — это повествование о каком-то поразительном факте, происшествии. Это короткое повествование, которое выслушивают, сидя перед зажженным камином, за одной историей рассказывают другую или же сразу идут спать.

— Ты написал много романов?

— Всего семнадцать... По сути своей это театральные драмы, облаченные в одежки романов. Когда я писал романы, меня постоянно мучил вопрос — как решить проблему времени. В театральной драме время как бы приобретает не внутреннее, а внешнее значение — то есть все совершается в тот отрезок, пока длится представление. Вот так я и решил эту проблему,— не столько решил, сколько обошел. Естественно, все это к рассказам не имеет никакого отношения.

— Твоя новая книга называется «Вилла по пятницам». Что это за рассказы?

— Многие из них написаны по заказу. То есть мне предлагали написать рассказ, определяя в каком-то смысле и его содержание. Например, тема жизни в горах затронута в рассказе «Горшок цветов перед дверью». А «Вилла по пятницам» затрагивает тему особых, замешенных на садомазохизме отношений.

— Почему тебе нравится писать по заказу?

— Потому что это и современно, и в то же время старо как мир. В прошлом заказы исходили от великих мира сего — монархов, сеньоров, меценатов. А теперь — от тех, кто командует культурной индустрией. А я все время как бы принимаю этот вызов: превратить сиюминутную необходимость в нечто ценное. Почему бы и нет?

— Хочешь еще что-нибудь добавить?

— Да. Мне было интересно писать эти рассказы. Надеюсь, что они позабавят читателя.

Семье Альберто Моравиа

С болью узнал о кончине Альберто Моравиа — крупнейшего писателя и гуманиста нашего времени.

Творчество и общественная деятельность Альберто Моравиа снискали ему огромный авторитет и уважение современников. В Советском Союзе знали Альберто Моравиа как большого друга нашей страны, много сделавшего для взаимного духовного обогащения советского и итальянского народов.

Прошу принять мои искренние соболезнования.

М. ГОРБАЧЕВ
Президент СССР.

Матвей Исаакович БЛАНТЕР

Наша многонациональная культура понесла тяжелую утрату. На 88-м году жизни скончался видный деятель музыкального искусства, композитор, народный артист СССР Матвей Исаакович Блантер.

М. И. Блантер родился в 1903 году в г. Мглин Черниговской губернии. Годы учебы прошли в музыкальных училищах Курска и Москвы.

Начало творческой деятельности М. И. Блантера было тесно связано с работой в различных драматических театрах и музыкальных издательствах гг. Москвы, Ленинграда, Магнитогорска, Горького. Уже к середине 30-х годов М. И. Блантер становится одним из ведущих композиторов-песенников.

Особенно плодотворно трудился М. И. Блантер в годы Великой Отечественной войны. Им создано более 50 песен в этот период, многие из которых быстро становились популярными, велись на передовой и являлись неоценимым источником стойкости и героизма нашего народа в борьбе с врагом. Его песни «Катюша», «В лесу прифронтовом», «До свиданья, города и хаты», «Летят перелетные птицы» и другие получили мировую известность.

М. И. Блантер — автор нескольких оперетт, музыки к спектаклям, кинофильмам, радио- и телевизионным постановкам. Обращаясь к современникам, композитор говорил с ними о любви к родной земле, о долге, о чести. Его творчество всегда отличали профессионализм, гражданственность, глубокий лиризм и искренность чувств.

За большие заслуги перед народом М. И. Блантер удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, награжден двумя орденами Ленина, орденом «Знак Почета», медалями СССР. Его творчество отмечено Государственной премией СССР.

Память о замечательном художнике-гражданине, яркой личности — Матвее Исааковиче Блантере навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Горбачев М. С., Рыжков Н. И., Лукьянов А. И., Айтматов Ч. Т., Богословский Н. В., Губенко Н. Н., Дзасохов А. С., Дмитриев Г. П., Ельцин Б. Н., Казенин В. И., Канто А. С., Колмановский Э. С., Пахмутова А. Н., Полозков И. К., Распутин В. Г., Силаев И. С., Соломин Ю. М., Тулинов С. С., Фельцман О. Б., Хренников Т. Н., Эйвай А. Я.

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Леонид Николаевич Павлов, один из наиболее ярких мастеров советской архитектуры, родился 10 августа 1909 года в Грузии. Юношей учился в Мстерской школе иконописи. Окончил архитектурный факультет ВХУТЕМАСа. Ученик Александра и Виктора Весниных. Член-учредитель Союза архитекторов СССР. Став впоследствии профессором Московского архитектурного института, он в течение многих десятилетий преподавал на кафедре промышленной архитектуры. Работал в Москве, руководил крупной проектной мастерской института Моспроект, заслуженный архитектор РСФСР. Сочетание одухотворенного, поэтичного художественного таланта с чутким восприятием движения времени и серьезными познаниями в области философии, экономики и технологии позволяло ему быть всегда современным и находить нефорнальные проектные решения.

У Леонида Николаевича Павлова было много учеников.

Л. Н. Павлов прожил удивительно чистую, полную творчества и доброжелательности к людям жизнь. И он по полному праву стал классиком.

Союз архитекторов СССР, Госкомархитектуры при Госстрое СССР, Главмосархитектура, Московский архитектурный институт.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА» — 91

ЧИТАТЕЛИ ПРОДОЛЖАЮТ ОБСУЖДАТЬ ОБРАЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ К НИМ, ОПУБЛИКОВАННОЕ 1 СЕНТЯБРЯ

С предлагаемой программой газеты на будущий год я в принципе согласен. Обещание обратить больше внимания на российскую провинцию похвально: культура (или ее отсутствие) не есть достояние только крупных центров. Кстати, сделали вы несколько полос о городе Мышкине, и хоть я уроженец совсем других мест, а как было приятно узнать, что где-то в глубинке (не люблю это слово!) еще теплится жизнь, горстка людей живет «не колбасой единой». А что если в каждом номере газеты одну полосу посвящать городам, входящим в список городов с особым режимом застройки (так, кажется, называется список старинных городов!),

Не надо много текста: беды у них у всех одни и те же, но дайте хорошие («крупные») фотографии тамошних памятников (их остатки тоже), ландшафтов, рядовой застройки. Это же будет энциклопедия страны!

Лично меня переход к еженедельнику устраивает: самые-самые новости могу узнать по ТВ, радио, прочитать в «Известиях». И результат футбольных матчей — тоже там. Так что в газете больше места остается для освещения культуры. Доволен, что нет дежурных полос «Экран» и «Сцена». Киношники с их мордобоем и порнографией пусть ругаются в своих журналах. То же и о театре, которого жаль. На сцене часто «шоковая терапия» вместо искусства... Но серьезные статьи о кино и театре в газете нужны!

Формат полос тоже устраивает меня: «карманный» формат — это для комиксов.

И о названии газеты. Почему бы не назвать ее «Наша культура»? То есть моя, ваша, его, их культура (или бескультурье), а не какая-то отчужденная «советская».

Г. ТКАЧЕНКО.
ОРЕЛ.

Более 20 лет подписываюсь на газету «Советская культура». В последние годы газета стала более интересной, отражающей самые актуальные темы нашей жизни, советского и зарубежного искусства. Мои пожелания:

1. Увеличить формат газеты.
2. Хотелось бы видеть страничку (ежемесячно, если не чаще), рассказывающую о культуре быта, жилища, человеческих отношений, с советами и рекомендациями специалистов, что-то вроде «Школы хорошего вкуса».
3. Название газеты предлагаю такое: «Культура и жизнь».

Л. ТАРУБАРОВА,
работник культуры.
ЕЙСК,
Краснодарский край.

Грустно. Объявлена подписка на 1991 год. И, к сожалению, приходится констатировать, что я на «Советскую культуру» не подпишусь. Дело даже не в новой цене. Просто душа протестует диктату Министерства связи. «Советская культура» выходит в субботу, к нам в город поступает в воскресенье. В этот день наши почтовики «бастуют», т. е. не работают, поэтому газету доставляют вечером в понедельник. Это в лучшем случае. Могут принести во вторник, в среду. Так что я не желаю платить повышенную цену за газету по крайней мере трехдневной давности.

Я лично согласна сама отдать лишнюю десятку, но при условии, что получу газету в день выхода.

При нынешнем положении дел — извините.

А «Советскую культуру» я люблю. В общей сложности выписывала ее около 10 лет. Нравится она мне за ум и, я бы сказала, за интеллигентность.

Н. ЛЯПУНОВА.
ЧЕРЕПОВЕЦ,
Вологодская обл.

ПОПРАВКА

На странице 6-й в подписи под фотографиями следует читать: «Л. Каменев и С. Есенин на открытии памятника А. Кольцову». Приносим читателям извинения за досадную опечатку.

ТЕАТР: ПРОГНОЗ НА СЕЗОН

Виктор Гульченко, критик

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЦАРТА

Вслед за «поминками по советской литературе», недавно предложенными Виктором Ерофеевым, в пору, кажется, устраивать поминки и по советскому театру. Но переживший почти что век серебряновский призыв «делать дело» мешает смотреть на положение вещей «неконструктивно».

Как «неконструктивно», допустим, называть рынок рынком, без оглядки на торжество плановой разрухи; «неконструктивно» выражать недоверие Центру, не находя в его поведении должной последовательности и ума. И т. д., и т. п.

«Неконструктивность» в отношении театра, рядового и секретарского,— еще более, чем на ниве литературы, уязвима. Ведь как бы ни профанировали литературный процесс вчерашние или даже сегодняшние его руководители и верноводы,— возвращаемые из неволи «спецхранов» и волн зарубежья произведения истинной русской литературы делают праведное свое дело: шоры с читательских глаз спадают, в полку «советских классиков» убывает. И то бесспорное обстоятельство, что не одним Эдичкой Лимоновым славен русский Париж, внушает гордость за вклад отечественной словесности в мировую культуру.

Советской литературы, как и советского театра, быть может, и не было. Русская же литература существовала всегда. Другой вопрос, что в разные годы мы знали ее плохо или не знали совсем.

В первые десятилетия после Октября — недовысланная, недовычищенная, недобитая — развивалась не советская культура как таковая, а культура русского реализма, например, или культура русского авангарда, сформировавшаяся еще в дореволюционные годы. Носители этой культуры были слишком образованны, слишком грамотны и слишком воспитанны, чтобы принять на веру преимущества «социалистического реализма». Не идеологическое приручение старых мастеров и их воспроизводство новых деятелей ушли многие годы.

Советское искусство, если рассматривать его как часть сферы обслуживания диктатуры партии, разумеется, существовало всегда, но его эстетические ресурсы оказывались не настолько велики, чтобы можно было рассуждать о каком-либо наиновейшем Возрождении.

Прибавим сюда еще и неисчислимые политические деяния, бесконечные расшаркивания перед «светлым будущим», сопровождаемые ритуальным принесением в жертву множества исковерканных судеб и опитых жизней,— и перед нами откроется удручающая картина медленного, но верного Вырождения. Последовательного социального и культурного дичания, когда пренебрегать прошлым — привычное дело, когда не считаться с настоящим — норма.

Собственно, сама эволюция общественного и художественного сознания — от псевдо-Возрождения к реальному Вырождению — и побуждает сегодня размышлять о будущем с учетом изуверского опыта, поставившего великую страну буквально на колени перед человечеством. Унизившего и обидевшего всех граждан этой страны.

В таком духовном климате формируются ныне новые, какие ни есть, общественные идеалы, вырабатываются — или отсутствуют — новые эстетические ценности.

Будущее театра и связано прежде всего с осознанием новой, диктуемой самой жизнью потребностью в нем. Не только в театре новых форм (они, безусловно, необходимы), а в качественно новом содержании диалога между сценой и залом.

Процесс этого осознания продлится не один год, и здесь нелепы прогнозы на сезон. В особенности на сезон без мяса и хлеба, без овощей и фруктов, без сигарет и носков и обязательно без чего-нибудь еще. Куры перестанут нести яйца — вот вам и сезон. Вот вам «Любите ли вы театр?..»

Будущее театра, заполитизированного, зацензурованного до последних степеней, а ныне свободного ото всего, даже от обязательств перед собою, конечно же, связано с возвращением его в художественное русло. Надо ли говорить, что возможность этого возвращения пока минимальна.

Освободившись от «правой» номенклатуры, театр, не успев вздохнуть, тут же попал в цепкие объятия номенклатуры «левой», решительно подчиняющей его собственным, индивидуальным или групповым интересам.

«Левая» номенклатура, вдохновляемая заветами предшественников, снедаемая жаждой немедленного реванша, будет мешать будущему театра, пока сполна не удовлетворит своих все растущих потребностей. Но и когда она их удовлетворит, театру нет спасения: ведь рядом с «левой» номенклатурой уже подрастает новое поколение изголодавшихся революционеров, настанет час — и уже оно сметет сытых.

Будущее театра, очевидно, в максимальном освобождении от руководства собою. Руководства теперь не политического, а, скажем так, цехового.

Кризисы многих нынешних театральных коллективов, в частности, в том, что при отсутствии истинных художественных лидеров, а также осязаемой занятости труппа сама рвется к «коллективному руководству», сама берется спасать себя, подобно добросовестному утопающему. Но поскольку любая труппа — это союз эгоистов (эгоизм естествен и необходим в театре), то соломинку спасения непременно разрывают на части. И тонут «всем миром», как выражаются публицисты.

Прежде всего данный процесс продолжается в дышащих на ладан театральных академиях, сильно пронафталиненных спесью лауреатства, премьерства, «заслуженности» и «народности» (представляете, кстати: народный артист СССР — без СССР!), премий и наград, полученных в свое время и от вождей «заморозков», и от вождей «оттепели».

От театральных академий несет угасанием, как от чеховского лавки Яши пачулями.

Яша выходит в главные герои великой пьесы, как вышли на первый план Розенкранц и Гильдестерн в пьесе Стоппарда, оставившие принца Гамлета на периферии сюжета: всякому времени — свои герои.

Пьесы о Яше пока нет, но переосмысление Чехова так же возможно, как и переосмысление Шекспира или Шиллера. «Мы давно уже ваши», проницательно заметил недавно театральный критик, имея в виду не одних театральных критиков.

Будущее театра — в выявлении энергии нового драматизма, в пристальном внимании к новым героям, которых, хочется верить, откроет не столько художники-граждане, сколько художники-поэты.

Будущее театра — в отношении к современности как к материалу классики, как это умели делать в раннем «Современнике», БДТ, на Таганке, как это умел делать Эфрос и умеет поныне Анатолий Васильев.

Театр, как и наука, не может существовать лишь в прикладном его виде без театра фундаментального. Без Театра-лаборатории. Без Театра непрерывных, перетекающих один в другой опытов. В этой кузне и вырабатывается искусство будущего.

Необходимость в Центре театральных исследований с годами лишь ощущается острее и уж никак не отпадает вовсе. И сколько бы ни отваживали ученые и другие мужи от навязчивой этой мечты, навязчивой почти до бреда, как бы ни увещевали штатные оптимисты, что у нас, мол, все есть,— остается крайне насущной потребность в таком центре, где каждодневно соединялись бы практика с теорией, где сходились бы чаяния и умения юных и пожилых энтузиастов профессионального поиска.

Прикладной театр не терпит искателей и не нуждается в них. Он, как может, выполняет свои фабрично-заводские задачи: обеспечивает население зрелищной продукцией и, кажется, вступает ныне в час своего торжества, вдохновляемый знаменосцами рынка.

Как нельзя без опытов, так нельзя и без зрителей.

Психология зрителя и, шире, настроение общества в целом, равно как и историко-культурный контекст, в который может быть вписан или не вписан каждый новый спектакль,— без этих знаний, постоянно пополняемых, театр неподвижен. Почти что мертв.

Талант художника и в том, чтобы обнаружить или воспитать своего зрителя. В данном смысле будущее театра более чем туманно. Социология театра хоть как-то существует. А вот психология театрального зрителя, создание банка зрительских потребностей — пока что вне круга театральных забот.

Будущее театра — в умении размышлять о «тик-так» перед «пиф-паф», если сверять часы Времени по Эрдману. Но тогда сегодняшний театр — подлинный театр-самоубийца: ведь «тик-так», похоже, максимально приблизилось к «пиф-паф» и все мы, необразно говоря,— на волосок от гибели. И что же?

...Давно знакомые артисты ведут давно знакомую игру.

Меняются главные режиссеры, уходят или не приходят очередные. Перелетают из гнезда в гнездо сотрудники литчастей, словно птицы в теплые края.

А артисты — вот они, все те же. И делают они в основном все то же. Это — стационар! Когда-то это было великолепно, это звучало гордо, теперь звучит — это просто невыносимо... Вместо ансамбля единомышленников — «трудовой коллектив», который уже не пронять ничем — ни окриком, ни лаской, ни новой пьесой. Партком, местком, «демократия», «социальная справедливость». И, конечно, святая святых — поездка: распределение мест в поездке бывает важнее распределения ролей...

И после всего результат: Сальери в роли Моцарта. А где же Моцарт? Да он ушел из театра. И там ушел, и там, и там... Моцарт ушел — а «трудовой коллектив» остался. А где же Сальери? Выдвинулся в художественные руководители. Или — «правды нет и выше» — еще выше и вознесся...

Это будет антипопулистское заявление, но таланты нуждаются в привилегиях не меньше, чем в поклонниках.

«Все поделить» — для театра смерть. Впрочем, не только для театра.

Поделить звания, зарплаты, премии, места в поездке можно. Но как поделить вдохновение?

Дабы на него не посягали, и требуются привилегии. На сосредоточенность мысли, например. На покой и тишину. На свободу от суеты. На возможность развиваться, оставаясь самим собой...

В том же, чтобы «в очередь» отбывать на сцене трудовую повинность, нет не только будущего театра, но и его настоящего.

Все дело в конце концов — в возвращении Моцарта.

Хочется верить, что не навсегда он оставил нас, что он еще придет. Ну не в этом сезоне, так в следующем.

А вдруг не придет? Вдруг наше ожидание — «ожидание Годо»?

Если не придет, не вернется — значит все уже позади, и осталось написать мемуары, как театр был, был, да весь вышел...

Михаил Левитин, режиссер

ЧТО

Верю, что в 1991 году искусство театра снова обретет достоинство.

Что незнакомые друг другу зрители не будут бояться встречаться все вместе в театральном зале

рабочие сцены перестанут кочевать из театра в театр в поисках заграничных командировок

что артистам надоест вести бухгалтерский учет

что восторжествует безумие

что репертуар будет строиться из произведений абсолютно бесполезных

что при встречах мы не станем кичливо перечислять названий иноземных городов, которые нам предстоит потрясти своим искусством

что надоест чернить духовность так никогда наше отечество и не покидавшую

что прекратится игра в мыслящих по-новому

что перестанут тыкать тыкать тыкать

возникнет чувство дома

исчезнет национализм

что человек будет наконец восприниматься как существо беззащитное

что мы на деле вспомним о невостребованных в прошлом талантах

что фестиваль подобный ОБЭРИУ в Эрмитаже станет потребностью многих театров

как долг как покаяние

что восторжествует безумие

что артист снова захочет репетировать и играть бесплатно что что что

что самостоятельно на съездах и улицах не вызовет внутри театров рефлекса подражания

что вирус прощания с родиной издохнет

что мы перестанем внутренне репетировать эвакуацию

изображать цивилизованных людей

есть цивилизация есть деформация

мы люди деформации

что художники останутся утопистами идеалистами кретинами даже работая методом самого углубленного реализма

что спасение театра в автономии духовной

что культура единственное завещание нации

Пушкин будет всегда

что мы все-таки не стадо

что театр вернется несмотря ни на что к идеям театральным от идей политических

что люди театра будут разговаривать на языке непонятном для непосвященных

что мы насытимся наконец географией

возникнут книги

возникнут пьесы

возникнут спектакли

как воспоминания о нас самих

прежних

возродится комедия

глупая легкомысленная шутовская всякая

что восторжествует безумие.

И что мне самому хоть на боту удастся повернуть во все написанное здесь.

Добро пожаловать, барды!

День 27 сентября развеял мрачные прогнозы некоторых критиков о закате искусства бардов, завоевавшего популярность свободомыслием и открытостью. Более двухсот приглашенных Александра Галича и Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого и Юрия Визбора участвуют во Всесоюзном фестивале авторской песни, открывшемся в столице Украины.

Пригласив гостей киевский театр-студия «Академия», взявший на себя организационные хлопоты. А спонсорами «праздника общения», как называют барды свой слет, стали советско-американское предприятие «МИГ—МРГ», «Прейскурантиздат», Московский центр авторской песни, киевские заводы, кооперативы, объединения.

Прежде чем певцы с гитарами займут концертные подмостки, они пройдут через «сито» конкурсных испытаний. Встречи с большой зрительской аудиторией предстоят лишь лауреатам, которые подготовят гала-концерт. Киевляне надеются, что среди них будут не только известные авторы, но и талантливые новички, которые познакомят почитателей любимого жанра с его завтрашним днем.

(ТАСС).

КИЕВ.

Долгий путь «Витязя»

Выход в свет в Японии перевода знаменитой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», несомненно, будет отмечен как важное событие в хронике культурной жизни страны за 1990 год. Состоялось открытие нового поэтического мира, мира грузинского гения. Об издании «Витязя» на японском языке уже сообщили пресса и телевидение Японии.

Книга вышла в марте этого года в переводе Отани Фукаси — профессора университета Тэнри, который почти полвека посвятил изучению и пропаганде русской и советской литературы в Японии. К «Витязю» он пришел через русскую словесность. В 1980 году вышла книга Отани Фукаси «Кавказ в русской литературе», написанная по следам его путевых впечатлений от мест, связанных с творчеством А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. С той поры кавказская тема заняла одно из главных мест в его исследовательской деятельности.

В 1984 году профессор Отани предпринимает новое путешествие в Грузию. Приобщение к богатейшей культуре древней земли, особенно знакомство с творчеством величайшего поэта Шота Руставели, дали новое направление его исследовательским интересам. Тогда же и пришло решение заняться изучением и переводом «Витязя».

Сложности с переводом поэмы возникли уже с первых шагов. Как точно перевести заглавие поэмы? Витязь в тигровой шкуре или в барсовой? Споры по этому поводу, как известно, не утихают до сих пор. Отани Фукаси делает выбор — «Витязь в барсовой шкуре».

Свой перевод поэмы Шота Руставели Отани Фукаси назвал «тикуговаку», то есть перевод, выполненный текстуально, почти дословно. Стремление японского ученого к точности в передаче текста подлинника не грешит, однако, буквализмом. Слог его изящен и гибок, перевод легок для чтения и вместе с тем дает представление о подлинном монументализме поэмы.

На последней странице книги, где даются выходные данные, написано: «Оформитель — японское общество друзей Грузии». Это общество создано в Токио несколько лет назад и объединяет издателей, профессоров, писателей, конторских служащих, домашних хозяек, которые побывали в Грузии и полюбили ее. Желая выразить свои симпатии к Грузии и внести свою лепту в издание поэмы, они и выступили в качестве оформителей книги.

Выход в свет нового японского перевода «Витязя» совпал со знаменательной датой в жизни переводчика — семидесятилетием со дня его рождения. Выступая перед собравшимися на юбилейном вечере, Отани Фукаси сказал, что эта книга является для него главной книгой всей жизни. Он благодарит грузинских ученых за ценные консультации, за книги, которые они присылали ему. Они помогли ему глубже проникнуть в сокровенный смысл поэмы Шота Руставели.

В послесловии к своему переводу Отани Фукаси пишет: «Шота Руставели как никто другой понимал быстротечность мгновений. Все живущие смертны и все равны перед небытием. Равенство — в нем он видит суть человеческой жизни. <...> Герои его поэмы ищут смысл бытия в любви, они борются за нее, и это скрепляет их дружбу. Их любовь к людям не признает границ. Воспевая любовь, поэт говорит о том, как жить человеку на этой земле... Для Руставели арена человеческой деятельности — это поле испытаний физических и духовных сил человека. Только тот достоин славы, кто смело преодолевает все преграды на тернистом пути жизни. Из гуманистического мироощущения XII века, основанного на любви, дружбе и братстве, как мне думается, вырастает древо Грузинского Ренессанса. Поэма, в которой ярко выразился ренессансный дух, выдержала испытание временем и сегодня освещает людям планеты путь к свету, вселяет в их сердца надежду. Велико ее значение для наших дней».

Думается, что в этих словах раскрываются не только смысл гениального творения Шота Руставели, но и значение подвижнического труда японского переводчика и исследователя — профессора Отани Фукаси.

Ким РЕХА,
доктор филологических наук.

Почему такое небрежение?

Весть о том, что смерть внезапно настигла Евгения Мартынова — одного из самых любимых нашей семьей эстрадного артиста — буквально потрясла. Его песни — это такое одухотворение души, такое очищение от невзгод, неприятностей, трудностей, которых в нашей жизни сегодня непомерно много. А от его звонкого, чистого голоса тепло становится, спокойно, легко...

За что же так сурово обошлась с ним судьба? Может, детство было тяжелое или много пришлось пережить? Хотели почитать что-нибудь о нем, да нигде не нашли. В одной только книге об эстраде несколько строчек упоминаний, что есть на свете такой артист, но даже по отчеству он не называется — просто «Е. Мартынов» и все. Почему такое небрежение? Ведь очень много у него почитателей. Слушатели любят его. И это еще при его жизни было подобное отношение. А что теперь будет — известное дело: «с глаз долой — из сердца вон». Совсем забудут? Нет, вы, журналисты «Советской культуры», не имеете права такое допускать! Вы просто обязаны по гражданскому долгу, по человеческому сделать все, чтобы имя замечательного автора песен и певца осталось в памяти, чтобы жили его произведения и его голос звучал. Он того достоин и заслужил.

Семья РЯБИНИНЫХ.
пушкино,
Московская область.

Евгений Мартынов... Кому не знакомо это имя! Автор многих песен, звучавших в репертуаре популярных эстрадных артистов — Софии Ротару, Яна Йоалы, Карела Готта, Джорджи Марьяновича и других; прекрасный исполнитель собственных произведений. Эмоциональная открытость, романтическая приподнятость тона, мелодическая широта музыкальной речи принесли ему любовь и признание слушателей самых разных поколений. Творчество Мартынова отмечено высокими наградами и премиями на всесоюзных и международных фестивалях и конкурсах.

И вдруг в самом расцвете сил — в 42 года — внезапная, нелепейшая, жестокая смерть. Невосполнимая утрата! Об этом — звонки в редакцию, письма, отклики.

Счастливые песни

Именно с ним — с Евгением Мартыновым — написал я счастливые песни — так уж сложилась их биография. А началось все с того, что раздался однажды телефонный звонок из журнала «Юность». (Сейчас уже не припомню, кто звонил — возможно, Андрей Дементьев): «Приезжай в редакцию. Здесь молодой композитор из Донецка привез роскошную мелодию. Надо написать песню». Приехал, мелодия понравилась, взял ее, но так как предстояла сразу же поездка в Югославию, пришлось захватить эту запись с собой. Там, на берегу Адриатического моря, я и сочинил «Яблони в цвету», которые принесли нам с Женей первую удачу. Ко всему, что связано с этой песней, применимы слова «первая», «впервые»: с нее мы начали свое сотрудничество, Женя — первый из советских представителей участвовал в международном конкурсе эстрадной песни «Братиславская лира», и впервые «золото» присудили посланцу нашей страны.

А потом была наша песня «Я тебе весь мир подарю», которую спел в Сопоте Як Йоала, и она тоже принесла победу. Периоды тесного содружества с Мартыновым сменялись затишьем — то его не было, то меня, а потом опять сочинялись, писали вместе. И так получилось, что самую последнюю песню Женя создал тоже на мои стихи — шутливую, милую, игривую «Марьину рощу».

Самая последняя. Как тяжело это произносить! Как трудно поверить, что этот «большой ребенок», трогательный своей добротой, наивностью, непосредственностью восприятия мира — таким я всегда видел Женю — больше никогда не будет обсуждать со мной творческие и житейские проблемы, спорить, соглашаться. Никогда не раздастся в моем доме телефонный звонок и не прозвучат в трубке характерные Женины интонации: «Илюша, здорово! Давай увидимся — у меня классная мелодия для тебя!»

Нет. Написана последняя песня. Перевернута последняя страница жизни...

Илья РЕЗНИК.

Ему бы еще жить...

Словно вчера, помню, появился в нашей редакции молодой светловолосый, улыбчивый юноша. Появился после шумного успеха на международном конкурсе «Братиславская лира». Смущенный, застенчивый, он, казалось, даже стеснялся, что выпало ему такое неожиданное счастье — стать «золотым лауреатом». Беру интервью у победителя, а он... пытается доказать, что вроде случайно все это — повезло, да и только.

С этого 1975 года и началось наше знакомство с Женей (разрешу себе так его называть, ибо до дня официального сообщения об его кончине, я даже не знала его отчества). Сколько раз он «выручал» редакцию, участвуя в наших «устных выпусках», во встречах с читателями. Ряд его произведений — песни «Лебединая верность», «Баллада о сыне», «Алешкина», так сказать, апробировались на наших вечерах и всегда восторженно воспринимались слушателями, особенно молодыми.

Бывало, звонишь ему (в какой-то период приходилось его «добывать» через систему посредников), услышит голос и уже знает — надо выручать газету. И выручал, без принуждений, без ссылок «не могу», «трудно», «занят», «устал», «нездоровится». Удивительно отзывчив был на просьбы. Внимателен и сочувствовал всегда, если что не так, и чужие невзгоды воспринимал как свои.

А своих, между прочим, у него было предостаточно. Особенно поначалу: надо было пробиваться через стену безразличия, бездушия, формализма. Не хотели в нем признавать профессионала, хотя он с отличием окончил два факультета Донецкого музыкально-педагогического института. Не хватало одного — композиторского диплома. Потому и не признавали. А вот комсомол признавал. И даже своей высшей премией его отметил.

Наконец имя Евгения Григорьевича Мартынова появилось в списке членов Союза композиторов СССР.

Помимо исполнительской, авторской деятельности, Е. Мартынов начал заниматься редакторской (в журналах и газетах). Все сложилось по справедливости. Только поздно, наверное: слишком много сил, нервов и сердца пришлось в это вложить. Сердце-то и не выдержало. Умер от сердечной недостаточности — поставили диагноз врачи. А по-моему, главная причина смерти — недостаточная сердечность, которой не раз не хватало ему и ранее, и в последние минуты жизни: медицинская помощь опоздала. А Жене бы еще жить и жить...

М. ИГНАТЬЕВА.

ФЕСТИВАЛЬ БАЛЕТА

Театры России на сцене Большого

На сцене Большого театра СССР завершается фестиваль «Балеты Петра Ильича Чайковского».

За минувшую неделю свои работы показали театры из Перми, Новосибирска и Ленинграда.

Различно мастерство исполнителей, скромнее или богаче выглядит оформление спектаклей, но несомненно одно — традиции классического балета живы в России.

● *«Спящая красавица» Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского. Аврора — Е. Кулакова.*

● *Сцена из одноактных балетов Ленинградского академического театра оперы и балета имени М. П. Мусоргского.*

● *Солист Новосибирского академического театра оперы и балета В. Шумилов в роли Щелкунчика.*

Фото А. Снзухина.

РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ

Я — ИМПРЕСАРИО

Владислав Тетерин — человек редкой профессии. Он импресарио. Их у нас сегодня, пожалуй, даже меньше, чем космонавтов. Тетерин — создатель и художественный руководитель центра музыкального искусства «Классика» — по существу, импресарской фирмы. И хотя грабительские нравы былой государственной монополии на концертную деятельность известны, зарождающееся как альтернатива предпринимательство в этой сфере тоже, честно говоря, пугает. Концерт, с одной стороны, прекрасный, с другой — коммерческий. Поэтому вслед за поздравлениями с успехом сразу хочется задать вопрос:

— Скажите, Владислав, то, чем занимается ваш центр, это бизнес от искусства?

— В общем, нет. Хотя и сам по себе бизнес от искусства вещь не такая уж страшная. Это в сущности посредничество между артистом и публикой и зарабатывание денег на продолжение этой деятельности. Большого бизнеса на высоком искусстве не сделаешь. Шальные деньги делают только на советских артистах. На Западе даже нашим большим музыкантам платят в пять, а то и в десять раз меньше, чем своим артистам того же уровня. Другое дело, что они соглашаются и на это в силу сложившегося к ним у нас отношения.

Это положение наш центр как раз и хочет поломать. Конечно, одной нашей «Классикой» с этим не справиться, нужно двадцать — тридцать таких фирм. Но не сидеть же сложа руки. Мы хотим, чтобы наши артисты работали и гастролировали в условиях не хуже, чем западные, и получали за работу достойный гонорар. Если мы этого добьемся, то артисты перестанут уезжать из страны. Так что мы занимаемся скорее не бизнесом от искусства, а бизнесом во имя искусства.

— Значит, огромный, по нашим представлениям, гонорар, который вы заплатили Троицкой и Хворостовскому,— это еще и вопрос принципа.

— Безусловно, и мы настаивали на этом, хотя Наташа хотела петь бесплатно. Свой гонорар она, кстати, передала на стипендию для двух вокалистов Гнесинского института.

Размер гонорара — это принятое во всем мире мерило таланта и опыта музыканта. Считается совершенно неприличным предложить артисту за выступление меньше, чем он обычно получает. Солидная фирма себе этого позволить не может.

Наш принцип был в том, чтобы сразу установить высокую оплату для артистов, сразу взять за правило самое внимательное к ним отношение, сразу поставить дело так, чтобы не было никаких неполадок с визами, паспортами и билетами.

Скажем, сейчас Виктор Третьяков поехал в турне по Европе на своей машине. Ему так было удобнее, потому что предстояло бесконечное количество переездов с места на место. Нужно было оформить все визы, транзиты, документы на машину и еще бог знает что. Третьяков отправился в турне сразу после объявления результатов Конкурса Чайковского, не дожидаясь заключительного концерта, все нужные документы уже лежали в его машине. Мы сэкономили свободное время артиста, избавили его от всех этих неприятных мелочей, и я счастлив, что мы смогли для него это сделать. Артист мечтает прежде всего быть избавленным от организационных неурядиц, а потом уже об оплате по труду и таланту.

Мы создались четвертого января этого года. Пока я работаю с солистами, и накладок у меня нет. Но уже к декабрю я должен отправить оркестр в сто двадцать человек с балетом и со всей бутафорией. При этом нужна гарантия, что никаких накладок у них не будет. А с большими коллективами накладки бывают постоянно.

— Заманчиво звучит. Так того и гляди вернемся к традициям благословенных дягилевских имен.

— Дягилев — труднодостижимая вершина. И не только потому, что он — это он. Дело и в той атмосфере культуры, которая была в его время. Но Сергей Дягилев, Павел Третьяков для нас еще и ностальгическая легенда. Они не были бы для нас тем, что они есть, если бы «Русские сезоны» не стали последними и если бы в Москве было построено еще пять-шесть галерей.

Многие годы у нас подавлялось все то, что так или иначе выходило за рамки среднего, поэтому у нас сейчас нет дягилевых и третьяковых. А были бы наверняка, потому что идей у русского народа бесконечное множество, и самых прекрасных. К сожалению, рождаются они, как правило, у тех, кто не обладает достаточной властью для их реализации. Он вынужден изложить свой замысел начальству, а то если даже и соглашается, что идея неплохая, начинает настаивать на своей версии ее реализации. Энтузиазм, естественно, пропадает. Я убежден, что идею должен воплощать сам автор, во всяком случае так принято в моем центре. Поэтому мы старались устроить дело так, чтобы не было вовсе или было как можно меньше начальников. И нам это удалось.

— В таком случае ваш опыт просто бесценен. Поделитесь, пожалуйста.

— Делиться, к сожалению, практически нечем. Помог нам счастливый случай. Точнее, моя встреча с Александром Яковлевичем Рубинштейном, консультантом СТД. Он поверил в меня минут за семь-восемь и помог нам учредиться.

Вторая удача — «Конверсбанк». Мы обратились туда, потому что даже под ту скромную сумму, которую давал «Союзтеатр», нужен был гарант. После часовой беседы в банке согласились быть не только нашим гарантом, но и соучредителем. Причем излагая я свои идеи людям весьма далеким от искусства, но они дали на мои фантазии столько, сколько хватило бы на самые смелые проекты. Я думаю, сыграла роль деловая хватка, умение заглянуть вперед директора банка Николая Писемского и его заместителя Юрия Яковлева.

Когда на следующий день после концерта Троицкой и Хворостовского я пришел в банк, меня никто не спросил, во что тебе этот концерт обошелся. Все поздравляли с успехом и были счастливы, что имя банка красовалось на афише большого театра. Более того, я знал, что встречу именно такую реакцию, и эта уверенность придает такие силы, что я советую и другим возможным спонсорам рискнуть. Рискните, пожалуйста, ради культуры, это окупится. Если мы действительно завоюем экономическую свободу, к чему идем вот уже несколько лет, банки и предприятия сами начнут искать те организации, которые их прославят. Тот же «Дойчебанк» знаменит не только своим финансовым могуществом, но и культурными акциями.

— И все-таки со стороны «Конверсбанка» это не чистая благотворительность, ведь ваш центр самоокупаемый.

— Да, из той валюты, которую мы зарабатываем, учитывая непонятный курс советского рубля, банк получает большую прибыль. Но это не уменьшает его заслуг. Банк помог нам вырваться из замкнутого круга, когда согласно практике социалистического реализма талантам сначала предлагали самим заработать деньги на свою идею.

Помощь «Конверсбанка» дала нам возможность сразу поставить себя на уровень солидных западных импресарио, теперь я уже не стесняюсь проводить эту аналогию. Мы берем очень небольшой импресарский процент — десять, двадцать, максимум двадцать пять. Причем двадцать процентов смеют, именно смеют, взять с артиста те импресарио, которые делают ему «Метрополитен-Опера» или «Ла Скала». Непонятно, с чего концертные организации в нашей стране взяли за правило брать любой процент, хоть девяносто. Некоторые артисты, особенно молодые, вообще ездят у нас за суточные. Да что там молодые, в прошлом году за суточные слетал на гастроли Геннадий Рождественский. Он мне как-то рассказал, что в свое время просил показать ему закон, по которому он должен отдать сто процентов гонорара, и тогда он не задумываясь их отдаст, потому что законы уважает. А раз такого закона нет, то это произвол. Произвол по отношению к талантливым людям преступен вдвойне.

Говорят, что ко мне артисты и даже прославленные коллективы идут потому, что я имею право взять такой низкий процент, а другие концертные организации на это права не имеют. Я думаю, что эти упреки несправедливы. Через какое-то время мы все окажемся в равных условиях и тогда соревноваться мы будем уже в профессионализме и компетентности. Качества эти пока наблюдаются редко. Потому что артист, которого сначала обдерут западные импресарио, потом наши, и на такие гастроли часто выехать не может, потому что не взят билет или не проверена виза.

По правде говоря, я хотел бы конкуренции, потому что работаю уже на пределе. У меня шквал предложений от артистов, которых я просто не могу охватить. Если я возьму большее количество клиентов, то буду работать хуже. Либо надо раздуть штат, но тогда он выйдет из-под контроля. Пока нас в центре четверо, и я контролирую все. Не потому, что я не доверяю людям, с которыми работаю, а потому, что за все несу личную ответственность. К сожалению, надежд на конкуренцию пока мало. Потому что брать минимальный процент, чтобы не обидеть артиста, и сводить концы с концами тяжело.

— А я-то решила, что ваше дело очень прибыльное.

— Как сказать, из этих своих процентов мы платим налог государству, производим отчисления в «Союзтеатр» и «Конверсбанк», а для меня самое важное, чтобы банк, мой отец и благодетель, был доволен, тогда у меня развязаны руки и надежны тылы. Остается не так уж много. Если вы спрашиваете лично о моих доходах, то моя зарплата пятьсот — семьсот рублей в месяц. Честно говоря, когда об этом узнают мои артисты, они спрашивают: «Слав, а зачем тогда тебе это надо?»

— Позвольте присоединиться к их вопросу, зачем?

— Ну у меня, как говорится, тоже есть свой кайф. Например, от возможности устраивать такие концерты, как с Троицкой и Хворостовским. У нас уже были удачные концерты, например, с детьми-вундеркиндами, но концерт в Большом мы считаем своим настоящим дебютом, заявкой о себе и планку эту не снизим.

Я горд, что могу быть конкурентоспособным по отношению к западным импресарио. Горжусь, что Наталью Троицкую, например, я представляю не только в Советском Союзе, но и в других странах. Это счастье, когда большие артисты все поступающие к ним предложения адресуют мне, потому что полностью доверяют. Это вершина профессионального успеха.

У меня есть чувство хозяина ситуации, артист мне доверяет, и я готов сделать для него, что угодно. Когда артист это чувствует, он никогда от своего импресарио не уйдет. Неправда, когда говорят, что артисты капризные, просто они более болезненно все воспринимают, у них более обнажены чувства, и, естественно, они ждут понимания. Для меня артисты, с которыми я работаю, не просто клиенты, я их люблю. И выбираю их не как коммерсант, а как музыкант.

— Наверное, вопрос уже запоздал. Итак — вы музыкант. Может быть, расскажете еще о себе.

— Мне тридцать три. Родился в Минске. Отец электромонтажник, мать швея. Говорить начал в три года, но до этого уже пел без слов все песни, которые слышал по радио. Не заметить это было невозможно. Тем более что у родителей было страстное желание учить меня музыке. Помните, раньше были такие музыкальные папки со шнурочками. Так вот, мой отец говорил, что, когда по улице шел ребенок с вот этой папочкой, у него сердце замирало: неужели и мой сын пойдет в музыкальную школу. Нетерпение его было столь велико, что меня отвели туда уже в шесть. У меня был звонкий сильный голос, я выступал даже с хорами по телевидению. Потом начал сам сочинять музыку к песням. Затем, уже в последнем классе центральной музыкальной школы при Минской консерватории я решил, что из меня не получится ни певец, ни хороший композитор, и всерьез занялся фортепиано. Я работал по двенадцать — четырнадцать часов в сутки и в конце концов получил единственное целевое место в Московскую консерваторию. По окончании консерватории я довольно бурно концертировал. Объездил почти весь мир. При этом понимал, что я хоть и хороший пианист, но неизмеримо ниже наших выдающихся мастеров. Со временем я осознал, что мое призвание в другом. Сейчас мне по ночам снится, что я выхожу на сцену и играю. Правда, Наташа Троицкая предложила записать с ней пластинку. Попробуем.

— Вы честолюбивы?

— Честолюбив, без сомнения. Я хочу, чтобы наш центр имел высокую репутацию, незапятнанное имя. Мы не напрасно назвали его «Классика» и будем соблюдать чистоту выбранной линии. Мы хотим, чтобы центр «Классика» был всегда гарантом качества.

19 октября в Колонном зале мы проводим концерт Валерия Кулешова, пианиста-самородка. Его запись услышал великий Горовиц и пригласил к себе в Америку. У этого музыканта огромное будущее. Так же, как и у героя следующего нашего концерта, молодого пианиста Миши Лидского.

Я не буду подробно рассказывать о наших планах, но, поверьте, они грандиозны.

Беседу вела
И. СМИРНОВА.

● *Дмитрий Хворостовский, Евгений Колобов, Владислав Тетерин и Наталья Троицкая.*
Фото А. Сизухина.

Нашумевший концерт в Большом театре: поют Наталья Троицкая и Дмитрий Хворостовский, «звезды», редко блистающие на наших сценах. Играет прекрасный оркестр Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко под руководством Евгения Колобова. Все полно волнением премьеры. А за кулисами человек, который переживает больше всех: и за певцов, и за оркестр, и за себя. Он не вышел на поклон. Он постеснялся, хотя его имя вполне заслуженно стояло рядом с их именами на афише, потому что этот почти невероятный концерт — его идея...

Колокола для Чайковского

Каждая встреча с ним радостная, легкая. Озарает улыбкой и непременно многообещающим — «надо поговорить». Потом неоднократно убеждался: я ему в радость как всякий из слушающих музыку, над которой властвует он — дирижер, но во мне — журналисте — он видит опасность. Иначе чего бы ему замыкаться и односложно отвечать на вопросы, которыми пытаюсь завязать «беседу для газеты». Видно, этот талантливый и сильный человек прав — утверждаться и находить выходы из сложных ситуаций каждый должен сам.

В Воронеже к Вербицкому нешумная любовь малой части интеллигенции, не мыслящей жизни без симфонического оркестра, руководимого им. В Воронеже с Вербицким тихая необъявленная война руководящего состава.

Главный дирижер симфонического оркестра Воронежской филармонии, лауреат международных конкурсов В. Вербицкий, мастер, ценимый за рубежом,— в Австрии, ФРГ, Чехословакии горячо принимали его...

Каждый выезд за пределы Союза — предельное напряжение нервов. Недавно в областном управлении культуры ему сказали, что больше он ездить никуда не будет — хватит валюту зарабатывать «для Центра». Воронеж-то от этого всемирного признания дирижера Вербицкого гроша медного не имеет. А тут, сами понимаете, грядет региональный хозрасчет...

Природа родила в Вербицком дирижера, но отнюдь не борца за финансовые преобразования. Без сомнения, управление культуры резонно ставит вопрос ребром: почему валюта, заработанная талантом из Воронежа, оседает в Москве, а не идет на нужды возрождения культуры области? Но Вербицкий же не Госконцерт и не Министерство культуры СССР и атаки на его нерадивую систему — не по адресу. Умели бы мы так портить жизнь тем, кто породил порочную систему эксплуатации таланта, а не самому таланту.

Воронеж в свое время выжил из театра оперы и балета за «плохой характер» обладателя великолепного баса — Г. Нинольского. Лирический и ранимый Вербицкий любит свой город, но терпение-то не бесконечно. О его бедах мне звонят, пишут профессора, художники, школьные учителя, врачи, театральные работники. А сам Вербицкий от разговора на эту тему ушел.

Все начиналось с малого. Жил в ленинградской коммунальной квартире. Соседской девочке учителя давали уроки музыки. Он слушал и благоговел. Потому и был замечен. Учитель попросил его к роялю, и стал учить бесплатно. Так музыка пришла к нему. Потом — хоровое училище, консерватория. И чуть не отчислили! Какая-то струна в душе была затронута не в тон тому настрою, ради которого он жил. Ведь не всем преподаватель чуток и внимателен. А на следующий год уже было согласившийся на отступление из консерватории, выиграл первое место на всетривузовском конкурсе дирижеров.

Непоторопливый университет — стажировка у Мравинского! Но более всего вселило вдохновения в душу общение с Карлом Ильичом Элиасбергом. Для любого, имеющего хоть какое-то отношение к музыке, один только факт биографии Элиасберга многозначен: он первым дирижировал Седьмой симфонией Шостаковича, да еще в блокадном Ленинграде!

— Карл Ильич наградил меня Опытом, демонстрируя истинный Талант. Дирижер был безработным из-за своего принципиального характера и высочайшего проявления подлинной интеллигентности. Жил в абсолютной гармонии со своими жизненными принципами. У него все было гармонией — любовь к жене, верность незыблемым законам, продиктованным музыкой, выдающихся классиков. Даже в составлении концертных программ он был непревзойденным — одно произведение у него как бы продолжало другое, и велась какая-то одна мысль, одна идея, которой заражался слушатель.

Работа Вербицкого с Эмилем Гилельсом, с симфоническими оркестрами разных стран. В итоге, все это придает особый колорит родному воронежскому коллективу, в котором он старается быть не диктатором, а единомышленником со всеми, кто вместе с ним постигает тайны творений того или иного композитора.

...Я видел в Тамбове осаду здания филармонии — лишних билетов «на Вербицкого» не было, и люди стояли под окнами — как у храма,— внимая музыкальному гласу гармоник. А летом Тамбов — поезда в Ивановку, где в усадьбе Рахманинова симфонический из Воронежа исполнил «1812 год» Чайковского. С колоколами, которые для этой премьеры были специально заказаны В. Вербицким. Нет! Это лучше церкви: взмах дирижерской палочки, и колокола Чайковского переворачивают небо и землю. И царствует над всем этим твоя могучая и сильная душа.

Э. ЕФРЕМОВ.
(Наш соб. корр.).
ВОРОНЕЖ.
Фото М. Вязового.

ЦЕНА ТАЛАНТА

Оркестр оптом и в розницу

Этот разговор сегодня кому-то может показаться неуместным. Не до музыки! Не до искусства, тем более что это не только не хлеб насущный, но даже и не зрелище. До культуры, как всегда, руки не доходят, ее проблемы на первый день сваливают на обочину общественной жизни, и творческой личности четко дают знать ее место. Министр, выведший свою паству на забастовку, шума наделал. Однако без шума и помпы, без огласки музыканты бастуют на первый день, один за другим уезжая за рубеж по контрактам. Вот уже потянулись туда целые коллективы: В. Спиваков с «Виртуозами» осел в Испании на пять лет, Л. Исакадзе с оркестром — в Германии. Московская консерватория скоро останется лишь мемориальным историческим памятником — за первым элитным словом потянулся и профессорско-преподавательский состав. Кто следующий?

«Опять о том же, — слышу привычный упрек.— Зачем говорить о тех, кто уехал? Не лучше ли писать о тех, кто остался?». Так-то так, но к культуре прикипеть внимание можно разве что голодовками или угоном самолета.

Еще недавно московские оркестры казались нам надежным основанием концертной жизни. Небольшая, но прочная государственная дотация, статус, международное признание, стабильное положение. Несмотря на иногда возникавшие оркестровые бунты, восстания против диктатуры дирижера, за места в оркестрах боролись, их боялись потерять. Конечно, и из оркестров уезжали музыканты. Но замены происходили всегда, и в общем безболезненно. Полтора года назад в статье «Все могут короли» я написала о крепостной зависимости музыкантов от дирижеров, получивших статус главных как нечто вроде пожизненной ренты. Но время идет. И вот из оркестра уходит дирижер. По собственному желанию.

Дмитрий Китаенко, возглавлявший оркестр 14 лет, накануне месячного турне по Европе написал заявление об уходе с просьбой удовлетворить его в день окончания гастролей. Сейчас он во Франкфурте, руководит оркестром. Говорят, что появится в Москве на два дня в октябре — остался класс в консерватории, который он все-таки не будет бросать. Поживем — увидим. А что же оркестр? Как он без дирижера? Как быть с теми, кто еще остался? Это еще один сюжет. И тоже сугубо сегодняшний. Сюжет эпохи хлебного дефицита и парламентских зрелищ.

Вот как прокомментировал его директор Московской государственной филармонии Юрий Прибегин:

— Что касается ухода из оркестра Китаенко, то он для меня понятен. Китаенко неоднократно ставил проблемы жизни оркестра перед органами культуры, но они так и остались нерешенными. Не считаю возможным прерывать с Дмитрием Георгиевичем отношения, рад, что так думает и оркестр. По возможности он будет работать с оркестром Московской филармонии, и это его желание было заявлено устно и письменно. Думаю, что это будут контрактные взаимоотношения. Я не разделяю позицию: «С глаз долой — из сердца вон». Подобная позиция уже достаточно навредила нашей культуре. Хотя, если откровенно, воспринимаю уход Китаенко болезненно, тем более что многие другие так не поступают.

Конечно, проблема главного — непростая, особенно в условиях тотального дефицита, в том числе и дефицита на личность. Однако и это оказалось далеко не единственной проблемой оркестра Московской филармонии. Из оркестра уходят двадцать музыкантов.

И уходят не только из оркестра Московской филармонии. 15 заявлений лежит в Государственном оркестре СССР, 20— в Большом симфоническом оркестре Гостелерадио.

«Среди этих музыкантов есть те, чей уход из коллектива нанесет ощутимый ущерб. Есть замечательные музыканты, которые, кстати, выросли в нашем оркестре. Это откровенный бандитизм»,—прокомментировал директор БСО Юргис Бальчюнас.

Итак, на сей раз — не о тех, кто уезжает, а о тех, кто остается, но уходит. Куда? В оркестр, создаваемый Михаилом Плетневым. Почему? Первая, хорошо выступающая на поверхность причина — зарплата. В новом оркестре зарплата под тысячу рублей. Когда это стало известно, московские оркестры приняли отчаянную попытку приостановить уход музыкантов, и впервые за многие годы был фактически решен вопрос о повышении заработной платы в государственных оркестрах — вопрос, ставившийся десятилетиями, но до сих пор считавшийся безнадежным. Решен нестандартным путем. Ставки и штатное расписание оказались ни при чем. Просто оркестры, зарабатывающие в ходе зарубежных гастролей валюту, теперь имеют возможность оставить 50 процентов у себя и даже продать валюту (кстати, по курсу аукциона, 38 руб. за доллар) и из образовавшегося фонда добавлять музыкантам к зарплате. И все же, несмотря на высочайшее разрешение, музыканты уходят.

«Мы уже развалили театры, хоры, теперь взялись за оркестры. Это развал симфонической культуры»,—так охарактеризовал текущий момент Владимир Федосеев.

Ни с Дмитрием Китаенко, ни с Евгением Светлановым, ни с Геннадием Рождественским, которые уже на гастролях за рубежом (кстати, в сентябре и октябре в Москве из названных выступит только оркестр Министерства культуры СССР, да и то без Г. Рождественского), поговорить не удалось.

Но что же это за новый коллектив? Вот какой диалог состоялся у меня на эту тему с Михаилом Плетневым.

— Проблем у нашего оркестра много. Пока он только создается. Первые концерты будут в ноябре. Это оркестр при фонде, объединяющем вневедомственные предприятия. Есть у нас и другие спонсоры. В оркестр приходят лучшие музыканты.

— Как вам это удалось?

— Люди поверили мне как дирижеру.

— Вы будете отдавать предпочтение дирижерской деятельности?

— Да. 120 человек не будут ждать, пока я буду играть сольные концерты.

— Какие у вас планы?

— В ноябре состоится презентация оркестра в Большом зале консерватории. Уже приглашены многие известные зарубежные деятели, представители зарубежной прессы.

— Как вы относитесь к разговорам о том, что вы переманиваете музыкантов, к моральной стороне этого вопроса?

— Спокойно. Оркестрантов не переманишь. Они не маленькие дети. Да и миграция в коллективах существовала всегда. Например, у Светланова восемьдесят процентов музыкантов из других коллективов. Меня это не волнует. Дела в коллективах обстоят таким образом, что музыканты готовы из них уйти.

— Ваша позиция дирижера?

— Музыка должна звучать так, как я ее слышу. И второе — она должна звучать на самом высоком уровне качества.

— Вы предполагаете гастролировать?

— Это не главное. Филадельфийский оркестр вообще не выезжает на гастроли. Однако это не сказывается на его качестве. Мы будем иметь возможность ездить, но мы не будем бегать в поисках денег. Я предполагаю, что этот оркестр войдет в пятерку лучших в мире. Может быть, даже самый лучший.

— Как вы оцениваете состояние оркестровой культуры у нас?

— Невысокое.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что нет постоянной работы.

— Что вы подразумеваете под настоящей работой?

— Это кропотливый труд для достижения тех качеств, которых не хватает для неуклонного продвижения вперед.

— И все же какой оркестр вы бы выделили?

— Я много работал в БСО. Но, к сожалению, не могу назвать ни один, который бы удовлетворил меня вполне.

— Вы будете выступать со своим оркестром как солист?

— Это не исключено.

Итак, создается первый независимый симфонический оркестр. Михаил Плетнев бросил вызов.

Думаю, что высокая зарплата — не единственная причина принятых многими музыкантами решений уйти с насиженных мест. Причины глубже. Они — в системе организации культурной жизни, которая существовала на протяжении десятилетий и в прокрустово ложе которой укладывалась жизнь десятков коллективов, солистов, творческих личностей и художественных явлений. Это система кабальной зависимости от государства, которое определяло статус культуры тремя копейками в год на человека. Это унизительное бесправие жизни оркестров — регламентированные зарплаты, несамостоятельность в вопросах штатного расписания, проблемы с инструментами, мизерные дотации, словом, отсутствие человеческих, социальных, финансовых прав. Сколько лет ставили вопрос о зарплате оркестрантов! Но вопрос стал двигаться с места только лишь тогда, когда положение в лучших коллективах страны стало просто угрожающим. Что ж, привычная картина.

Сколько было разговоров о контрактной системе — именно так существуют все музыкальные коллективы мира. Ее отсутствие возможно лишь в условиях абсолютной подневольности музыкантов. Почему, наконец, не проводить открытые публичные конкурсы на место главного? Я понимаю искреннее возмущение руководства оркестров создавшейся в них ситуацией. И тем не менее первый независимый симфонический оркестр в Москве — это первый шаг к обретению свободы. Он вписывается в контекст нашего всеобщего раскрепощения, освобождения от окостеневших форм. Весь вопрос в том, сумеют ли музыканты достойно воспользоваться этой свободой.

А ситуация в Академическом симфоническом оркестре Московской филармонии будет во многом показательной. Как выйдет из нее оркестр? Сможет ли создать новую модель существования коллектива? Найдут ли члены оркестра оптимальную форму взаимоотношения с государством и государственными организациями, наконец, с дирижером и друг с другом? Или же, отыскав подходящую фигуру художественного руководителя, на том и успокоятся? Я бы относилась к этому как к шансу, а не как к катастрофе. Сегодня — слово за оркестром.

«Мы работали на государство и привыкли иметь дело с государством. Мы не можем просто так уйти из этой системы. Государство могло бы предусмотреть ту ситуацию, в которой мы оказались. А это просто катастрофа»,— считает Ю. Бальчюнас.

Что ж, в этом есть свой резон. Уж если государство сохраняет свои коллективы, коль оно заинтересовано в их существовании, нужно наконец обратиться к их проблемам, а не только выкачивать с их помощью валюту и с гордостью представлять их на престижных зарубежных фестивалях. Иначе разойдутся они по свету. Оптом и в розницу.

В. КОЛОСОВА.

Один против всех, один со всеми

Размышление о творчестве Чингиза Айтматова

ЧИНГИЗ Айтматов — киргиз по рождению, русский по воспитанию. С самого начала он писал на русском — и одно это вызывало против него вполне понятную, но от этого не менее неприятную волну недоброжелательства. К тому же несомненный талант молодого писателя был неотделим от столь же несомненной дерзости. Впрочем, и для таланта, и для дерзости были основания: шла знаменитая хрущевская оттепель, когда 30-летний Айтматов дебютировал в 1958 году двумя повестями, которые и по непривычному стилю, и по нравственному пафосу, столь же непривычному, нарушали, как казалось многим, исконно национальные традиции. Смело отдав предпочтение общечеловеческому, художник тем самым заявил о своем стремлении выйти за тесные для него рамки. Вероятно, он надеялся на всесоюзный успех, публикуя в центральном журнале «Октябрь» повесть «Лицом к лицу», но Москва равнодушно не заметила дебютанта. Зато опубликованная в Киргизии и там вызвавшая возмущение повесть «Джамиля» через Францию и благодаря добрым словам Луи Арагона неожиданно принесла Айтматову европейскую славу. В послевоенное время это был, кажется, первый случай, когда признание Европы укрепило положение советского писателя на Родине. Была ли в этом заслуга «оттепели»? Несомненно, но почему в этом же году разыгралась драма Бориса Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии за «Доктора Живаго»? Думаю, то, что было допустимо для маленькой лирической повести из жизни сельской Киргизии, оказалось неприемлемым по случаю романа, отразившего пути революции в России. Можно ли сделать вывод, что этими двумя произведениями и их судьбой был исчерпан диапазон «оттепели»? Нет, ведь еще предстоит разрешенная с самого «верха» публикация повести Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — и вот этим уже был обозначен предел возможного, после чего «оттепель» покатилась прямо к октябрьскому перевороту 1964 года, а там уже и к подавлению пражской модели «социализма с человеческим лицом» (сегодня мы называем это «гуманным, демократическим социализмом» и объявляем нашей официальной программой).

Путь Айтматова достаточно долог, за это время породившая его хрущевская «оттепель» сменилась десятилетиями брежневского «застоя», а там началась и перестройка, но художник верен себе первоначальному. Не забудем, что он вступил в литературу уже вполне сформировавшимся человеком, да и до писательской зрелости оставался один шаг.

На мой взгляд, он не изобретал своего направления, но прилал к источнику классической русской традиции, в которой главное — человек и народ, судьба человеческая и судьба народная. Разумеется, мы помним, какой русский поэт сказал об этом едва ли не первым, и сказал он об этом, представляя русским читателям Шекспира, Гете и Расина. Однако в его характеристиках отразился не только европейский художественный опыт, но и особый русский взгляд на этот опыт. Эта особость заключается, в частности, в том, что ни в одной европейской литературе не отдавали так решительно приоритет мысли над формой, народности — над личностью, как это стало необходимым для литературы русской. Не случайно Пушкин, художник милостью божьей, размышляя о причинах забвения иных талантов, утверждал: «Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!». И в качестве иллюстрации поэт говорит: «...Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки». Так, отталкиваясь от самого великого европейского художественного опыта, формировался особый русский, воспринятый киргизом Айтматовым, хотя нельзя не отметить, что во многих его произведениях забота «о наружных формах слова» несколько более явная, чем принято в русской прозе. Я, однако, не исключаю, что это было вызвано стремлением Айтматова органически сочетать красоту народно-поэтического стиля киргизской мифологии с требованиями великого реализма.

Материалом повести «Лицом к лицу» стала достоверная, хотя и достаточно редкая житейская история. В годы войны с фашистской Германией родина Айтматова была глубоким тылом, как было принято писать в тогдашних газетах. Но вот с фронта или еще по дороге на фронт, но из военного эшелона (который как раз и шел на запад) сбежал некий солдат, благо, его деревня — неподалеку от полустанка, где задержался эшелон. Солдат скрывается и живет в лесу, но ему помогает любящая жена. Разумеется, в конце концов дезертира выследили и арестовали. Сама по себе история банальна для 40-х годов, но она осталась как бы неизвестной для киргизской литературы. Надо было проявить смелость, чтобы выбрать такой материал для своего дебюта. В сталинские времена о подобных позорных явлениях не разрешалось писать, и поэтому в годы «оттепели» Айтматову предстояло нарушить этот негласный запрет, никем не отмененный. Айтматов нарушил его первым в киргизской да и вообще в тогдашней советской литературе.

Да, кажется, это началось с повести «Лицом к лицу» молодого и потому не воевавшего русскоязычного писателя Чингиза Айтматова. Родина писателя, Киргизия, была, повторяю, очень далеко от фронта, но война докатилась и до глухой деревни — сюда тайком возвращается дезертир. Интересно сравнить, как отнеслась к этому дезертиру деревня тех военных лет, с тем, как отнеслась общественность Киргизии в 1958 году к появлению повести Айтматова о дезертире... Как же? Деревня военной поры почувствовала себя опозоренной и оскорбленной трусостью земляка-крестьянина. Общественность времен «оттепели» почувствовала себя опозоренной и оскорбленной неслыханной смелостью земляка-писателя. Казалось бы, в повести все было «правильно» — общественный интерес торжествовал над личным. Казалось бы, нет ничего вызывающего. Но Киргизия ахнула: первый дезертир в советской прозе о Великой Отечественной войне оказался... киргизом! Это прозвучало пощечиной национальному достоинству. Но такое восприятие правды повести говорило только о том, что спустя 13 лет после войны национальное чувство было уже обостренным, а национальный интерес стал выше общего. Вещий знак! Примечательно, что на защиту повести Айтматова встала не центральная власть, но центральная литературная пресса, что, на мой взгляд, означало в СССР по-прежнему была сильная совесть, но институт государственности начал слабеть.

С повести «Джамиля» начался тот Айтматов, которого все знают и любят,— настоящий Айтматов.

Дело в том, что в «Джамиле» принципиально изменилась позиция писателя, его понимание отношений между литературой, народом и властью. Это опять-таки весьма существенная, можно сказать, судьбоносная традиция русской литературы — внимание к политической проблеме «власть и народ», «писатель и власть». Корни этой проблематики уходят в богатейший и сложнейший XVII век России. Именно тогда впервые (вопреки расхожему мнению нашей критики) сформировался тип русского писателя-профессионала, для определения которого важен не гонорар, но гонор — самоотверженное служение России своим словом. Солдатская служба слова — вот что такое писатель русский, а уже второй и совсем не важный вопрос — чем ему платят, а платили ему то щедрой милостью, то беспощадной немилостью. В этом смысле первыми профессиональными русскими писателями были выдающиеся писатели XVII века Аввакум и Симеон Полоцкий, священник и монах, каторжник и царедворец. Судьба изначально рассудила так, что слово русского писателя служило либо народу, либо царю. Служба по формуле «искусство ради искусства» исключалась полностью, не привилась в России.

В этом плане в повести «Лицом к лицу» Айтматов был достаточно смел в выборе самой темы, но недостаточно орел для того, чтобы разработать эту тему столь глубоко, как это сделал спустя полтора десятилетия русский прозаик В. Распутин в повести «Живи и помни», которая стала явлением не только русской прозы. Дезертир Айтматова однозначно осужден односельчанами и даже любящей женой, вынужден бросить винтовку и сдаться властям. Официальная позиция закона была и позицией художника, вот почему либеральная «оттепельная» Москва пренебрегла этой повестью. Впрочем, так мы судили автора в те годы по тексту его повести, однако совсем недавно в «Литературной газете» Айтматов сообщил, что впервые за всю свою творческую практику он решил вернуться к давно уже опубликованному своему произведению и доработать его. Речь идет именно о первой повести писателя «Лицом к лицу». Автор решил, как он пишет, «восполнить то, от чего... в свое время пришлось отказаться по цензурным соображениям». Таким образом, из этого видно, что подлинная позиция автора не так уж и совпадала с официальной позицией конца 50-х годов.

Напротив, в «Джамиле» Айтматов мог быть смелее. Тема власти здесь отсутствует, но с тем большей смелостью Айтматов развернул конфликт двух дерзких влюбленных с моралью предков и моралью войны.

Любопытно, что этот не воевавший писатель обе первые повести посвятил событиям военных лет. В этом парадоксе мне видится изначальное проявление истинно писательского, профессионального отношения Айтматова к слову в отличие от многих писателей 60-х годов, эксплуатировавших в своей прозе материал собственной биографии. (Такой способ создания произведения в русле, я бы сказал, субъективного реализма совершенно чужд Айтматову, он от начала до конца верен традиции реализма объективного.) Другое дело, что проза Айтматова (и не только благодаря использованию киргизской мифологии) очень близка по своей структуре к так называемой поэтической прозе.

Очень важно для Айтматова то, что его герои всегда рядовые люди — и это опять-таки глубоко демократическая русская традиция. Однако эта традиция выступает у Айтматова в современной для него форме, то есть в форме преимущественного внимания к рядовому человеку из народа. Он остался верен своему «человеку труда», о чем свидетельствует и его последний роман «Плаха». Как русский критик я, естественно, вижу связи творчества Айтматова с русской литературой более ясно, чем с литературой мировой, хотя кругозор Айтматова кажется порой беспредельным. Может быть, поэтому многие его герои напоминают мне либо глубоко поэтичных певцов из «Записок охотника», либо поневоле молчаливого Герасима из «Муму» Тургенева.

В «Джамиле» для Айтматова война — уже далекое прошлое, он пишет не о священном подвиге народа, но о бунте двух влюбленных против безличной власти общественной нормы и народной традиции. То, что в повести «Лицом к лицу» было понято как преступление, становится в повести «Джамиля» бунтом героев Айтматова. Это, конечно, одинокий бунт, но бескомпромиссный, и это отныне становится едва ли не главным внутренним сюжетом его творчества.

Разумеется, настоящий талант добирается в своем творчестве до вечных вопросов, вечно волнующих человечество, но все же в какой-то мере даже большой талант оказывается «у времени в плену». Так, рассказывая о жизни своего героя Данияра, писатель не скрывает своей глубокой симпатии к этому человеку очень трудной и необычной для киргиза судьбы. Оставшись сиротой, он вынужден был жить, как перекати-поле, то он пас овец, то рыл каналы в пустыне, работал в новых хлопкосовхозах, на шахтах, попал аж под самый Ташкент и оттуда ушел в армию. Айтматов понимает, что именно такая судьба делает из него человека, способного ради любви на бунт против традиции. Писатель подчеркивает, что у Данияра как бы более широкий и свободный взгляд на жизнь, чем у его односельчан, не покидавших пределы аила.

Сегодня это можно оспорить, но талант ведет к истине образа, преодолевая все препятствия на своем пути к неведомой цели. Да, неведомой, ибо поверх авторского замысла образ приносит с собой свою собственную идею, свою истину. И это всего дороже, это прочно, не поддается ржавчине времени. Таков Данияр, такова Джамиля, таков образ их любви, возникающей как бы «из ничего» и торжествующей над всем!

Джамиля и Данияр отстояли свое счастье, но ценой ухода из родного аила — это огромная, нечеловеческая плата. И разве не ту же цену за право свободного творчества заплатили иные наши писатели периода застоя, вынужденные покинуть родину или прямо «выдворенные за пределы Советского Союза»!

Я считаю вершинными произведениями Айтматова (разумеется, на сегодня!) «Прощай, Гульсары!» и «Белый пароход», две совершенно непохожие повести, появившиеся тем не менее одна за другой в 1966 и 1970 годах. Напомню в скобках, что в эти же годы появились первые повести Распутина — «Деньги для Марии» и «Последний срок», шедевры, которые рядом с названными двумя шедеврами Айтматова являются подлинными вершинами советской прозы тех лет, образуя эстетические крайности единого литературного процесса, но, как и положено крайностям, сходящиеся в какой-то невидимой, но явно ощутимой точке. Я думаю, что этой точкой пересечения путей двух выдающихся писателей современности стало глубочайшее исследование человеческого сердца. Для Айтматова это было рубежом, от которого он взял уклон к политике, а Распутин устремился от души к духу, но это уже за точкой пересечения, где пути их снова расходятся.

Повесть «Прощай, Гульсары!» вобрала в себя все лучшее, чего достиг Айтматов в предыдущих произведениях. Однако в ней появилось и нечто новое, ставшее ее важным достижением. Писатель, с головой погруженный в мир человеческого сердца и лишь как бы боковым зрением видевший природу, на сей раз одним из главных героев повести наряду с человеком сделал его замечательного спутника — коня, иноходца Гульсары, у которого самый характер бега — иноходец! — в те застойные годы невольно напоминал о каком-то инакомыслии человека. Но образ коня у Айтматова не бледная схема или иллюстрация мысли, а полнокровный художественный образ. Художник показал умение увидеть жизнь глазом лошади и умение раскрыть «животную душу», словно бы он вспомнил средневековую доктрину Фомы Аквинского или, скорее, знаменитых лошадей из русской литературы прошлого столетия.

С этого рубежа «животная душа» оказывается уже непременным героем всех айтматовских произведений. Легко ответить на вопрос, почему эти яркие образы имеют успех у читателей. Очевидный ответ заключается в остроте современных экологических проблем. Но образ не может исчерпываться никакой самой важной проблемой, не обусловленной человеческой судьбой. Судьба всех айтматовских животных трагична, однако волнует прежде всего не проблема лошадиного поголовья, вымирающих маралов или истребляемых волков, но судьба отдельно взятого великолепного животного — судьба великого коня, величественной оленихи, выдающегося по породе верблюда. Иначе говоря, обыкновенный «человек труда» Айтматова вдруг подружился с необыкновенными животными: сильными, красивыми, сказочно-могущественными. «Животная душа» под пером художника стала олицетворением того праздника жизни, которого так не хватает человеку. Все эти животные — бунт против будней. И какое же это горе, когда праздник омрачается внезапной гибелью животных — кастрируют Гульсары, убивают Рогатую мать-олениху, расстреливают Акбару...

Если верно, что повесть о Гульсары, «эта нежная, а иногда мучительная элегия укрепляет веру в коренные основы человеческого бытия!» (так писала итальянская критика), то верно и то, что в образах прекрасных животных Айтматов воплотил ту искомую человеком Красоту, которая если и не спасает ни себя, ни мир, все же вдохновляет человека на жизнь. Впрочем, у Достоевского, кроме мысли о красоте, которая спасает, сказано и прямо противоположное: уродство убьет мир. И разве не уродливы люди, убивающие красоту? К таким Айтматов беспощаден. И мы, умом понимая однозначность, узость этой беспощадности, сердцем благодарны ему за нравственную бескомпромиссность. Возможно, что сегодня это не так-то легко понять, но это легко было оценить в глухие годы «застоя», когда общим законом нашей жизни стал уродливый, безнравственный, бессовестный компромисс!

Я уже говорил о поэтичности прозы Айтматова.

Однако проза Айтматова напоминает не только стихотворение, в ней можно увидеть некую музыкальную композицию с присущими музыке элементами структуры. Например, в «Прощай, Гульсары!» уже на второй странице появляется фраза: «Но старый конь все же шел, пересиливая себя, а старый Танабай, изредка понукая его, подергивал вожжами и все думал свою думу. Ему было о чем думать». Здесь «старый конь» и «старый Танабай» стоят далековато друг от друга, но перевернем пару страниц и обнаружим вариацию на эту тему, в которой они оказываются рядом: «Старый конь и старый человек стояли одни на пустынной дороге». И это не просто вариация, ибо читаем дальше и убеждаемся, что эти слова стали лейтмотивом, который проходит, слегка изменяясь, через все повествование, придавая ему особую цельность настроения: «Иноходец тронулся с места, телега заскрипела, колеса медленно застучали по дороге. И они медленно пошли — старый человек и старый конь»; «Когда Гульсары останавливался, Танабай поджидал, пока он наберется сил, и они снова брели по дороге. Старый конь и старый человек...»

Нельзя не заметить и того, что сюжет Гульсары не представляет собой простого действия, развертывающегося последовательно во времени, нет, этот сюжет организован поэтически. Короткий путь старого коня и старого чабана в гору, последняя и тяжелая для обоих дорога то и дело прерывается: конь и человек устают, останавливаются, но в это же время вспыхивают воспоминания о долгом жизненном пути коня и человека. Я бы назвал эту трагическую картину не элегией, но реквиемом по коню и человеку. Когда читаешь эту повесть или же «Белый пароход», то невольно думаешь о том, что в творчестве Айтматова иногда ощущаются беспросветность, бессмысленность жизни простого человека. Пессимист или оптимист Айтматов? Этот вопрос возникал и вызывал споры в критике, ибо сам трагизм в литературе периода «застоя» воспринимался как инакомыслие, противоречившее официальному оптимизму. Не исключаю, что, пытаясь ослабить критику в свой адрес, Айтматов каждый раз заботился о том, чтобы несколько осветлить и как бы преодолеть трагизм своих повестей, тихую, печальную беспросветность жизни, жалкий итог жизни великого коня и достойного человека, безнадежную обреченность всего лучшего в обществе, где власть и сила — на стороне всего худшего. Догма «исторического оптимизма» как главного признака «соцреализма» заставляла Айтматова неловко, на скорую руку, белыми нитками пришивать к скорбному финалу своих повестей какие-то бодряческие псевдофиналы. Например, старый чабан Танабай после смерти коня решил написать письмо, в котором выражает желание встретить свою собственную смерть членом партии, из которой его несправедливо исключили: «Всю ночь я просидел возле коня, всю жизнь свою продумал. Не ровен час, паду в пути, как иноходец Гульсары. Должен ты мне помочь, сын мой Самаксур, вернуться в партию. Мне немного осталось. Хочу быть тем, кем я был».

И кто знает, написал бы Танабай свое письмо в наши дни, ведь именно теперь жизнь многогласно подтвердила справедливость обвинений, брошенных Танабаем старому другу, парторгу Чоро: «Ты зачем приехал?.. Чтобы сказать, что я в дерьме сижу по горло? Я и сам знаю! Что я дураком был всю жизнь, что расшибался в доску ради колхоза? Я и сам знаю!..» Танабай дал удивительно точную и глубокую для того времени оценку приехавшему для «проверки» члену бюро райкома партии: «Ты зачем,— кричал он другу,— привел этого нового манапа в кожаном пальто? Чтобы измывался он надо мной?» Манап, в переводе с киргизского,— нечто вроде барина, душителя народа, как объясняется в дальнейшем тексте повести...

Может показаться, что этот чабан, как и другие «люди труда» Айтматова, слишком умен, будто автор передал ему свои мысли. И когда Танабай в ярости поднимет вилы на уполномоченного райкома — это тоже выглядит будто авторская подсказка герою. Согласен, но это верно лишь в том смысле, что герой и автор — единомышленники, хотя, конечно, они находятся на разных уровнях: что для чабана — мгновенное прозрение, в истинность которого он и сам не очень верит, то для писателя — горькое убеждение, которое к тому времени уже сложилось не только у Айтматова, но у многих лучших «шестидесятников», детей XX съезда КПСС, самоотверженных рыцарей «оттепели», оставшихся верными ее общечеловеческим идеалам на всю жизнь. И вот вам еще одно, новое доказательство этой верности себе и своему герою. Прошло лет 30, произошла ложная смена времен и исторических событий. Чингиз Айтматов стал делегатом XXVIII съезда партии. Выйдя на трибуну съезда, он говорит, будто вспоминая вилы Танабая: «Могли ли мы обойтись без перестройки, могли ли мы жить, как прежде... тянуть из последних сил бурлацкую лямку социализма... Думаю, что нет. И не потому, что один из нас ее сторонник, а другой — нет, кто-то еще надеется на перестройку, а кто-то уже в отчаянии, а некоторые уже и с вилами наперевес». Как видите, здесь те же самые вилы, однако теперь уже поднятые против перестройки — и Айтматов на партийном съезде защищает давнюю надежду чабана на лучшую долю. Трудная защита! Ведь и в зале съезда были еще такие парторги, о которых Танабай говорил: «Люди верят ему, а он боится сказать правду. Бережет себя, слова выбирает. Кто научил его этому?.. Неужели не видит Чоро, что все это не так, как говорят сегизбаевы и кашкатаевы! Что слова их снаружи красивы, а внутри лживы и пусты. Кого обманывает, ради чего?» Парторг Чоро решился сказать всю правду только перед самой своей смертью, собрав чрезвычайное партсобрание. Но что он сказал на этом собрании, мы из повести 1966 года так и не узнали. Последнее слово, последняя правда, высказанная человеком на суде своей совести, осталась за пределами произведения Айтматова, потому что эта последняя правда была тогда невозможна ни в жизни, ни в литературе. Пройдет 20 лет — и только тогда будет высказана эта правда, только не парторгом, а новым Генеральным секретарем партии. И все же нельзя не заметить проницательности Айтматова, который ждал правды именно от партии. Это лишнее доказательство того, что наша проза 60—80-х годов содержит в своих строках и между строк столько правды и мудрости, что мы по заслугам считаем ее силой, которая духовно готовила перестройку...

Приметой нынешнего дня, конечно, стали митинги, без которых нет демократии. Когда у нас не было демократии, тогда даже похороны старого друга могли превратиться в митинг, в столкновение народа с властью. Именно такой митинг или демонстрацию в виде похорон изобразил Айтматов в романе «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»).

Конфликт в этом романе, как и всегда у Айтматова, простой: люди хотят похоронить уважаемого человека на почетном кладбище, а им этого не позволяют, поскольку старинное кладбище в силу новейшего технического прогресса попало в зону космодрома. Ни ссылки на традицию, ни даже «вилы Танабая» здесь не помогут, ибо на страже космодрома стоят солдаты.

Начальник караула лейтенант Тансыкбаев объявляет участникам похорон: «Ничем не могу помочь. Въезд на территорию зоны посторонним лицам категорически воспрещен». Бывают слова, которые возмущают людей сильнее, чем самые возмутительные дела. Таким словом здесь прозвучало выражение «посторонние лица».

В одной сцене словно в сжатый кулак собрал Айтматов клубок жгучих проблем, о которых тогда мы думали молча, а сегодня во всю гласность обсуждаем в печати, хотя от этого проблемы почему-то не становятся менее острыми, а, напротив, взрываются там и сям, будто разваливая наше многонациональное государство. Кто мы на своей земле: посторонние лица или народ?! Вот, пожалуй, главный вопрос, который волнует всех героев Айтматова.

Все книги Айтматова изначально вдохновлены теми или иными, но всегда очень острыми, вызывающими споры проблемами. Менее очевидно другое: поначалу у Айтматова в центре внимания все-таки была не проблема, но образ героя, в котором он открывал какое-то интересное и важное человеческое содержание, зачастую направленное против окружающей действительности. Но это истинно художественное преобладание образа над проблемой последний раз показало себя, на мой взгляд, в повести «Прощай, Гульсары!». Уже в «Белом пароходе» автор вроде бы и не знает, чему отдать предпочтение: образу или идее. Повесть читалась как притча, напоминающая евангельскую притчу о блудном сыне, только как бы полемизирующую с ней (у Айтматова «блудный сын» оказывается хозяином положения и прогоняет своего «отца»!). Роман «И дольше века длится день», а вслед за ним и роман «Плаха» (1987 год) рождаются на пути не от образа к проблеме, но от идеи к характеру. На художественный роман наступает публицистика. Вообще наступление публицистики в рамках творчества наших лучших писателей — это первый признак приближающегося времени перестройки. К сожалению, многие из нас, литературных критиков, не поняли этого и упрекали наших выдающихся художников за снижение художественного уровня. В ответ на эти упреки хорошо сказал Василий Белов: «Быть художником или публицистом? Подскажет совесть!». Ничего удивительного не было и в том, что на смену политической публицистике романа «И дольше века длится день» пришла, так сказать, религиозная публицистика романа «Плаха», написанного буквально накануне выдающегося события — 1000-летия крещения Руси. Великий юбилей можно было легко вычислить, предвидеть, но вряд ли многие предполагали, что в связи с этой датой будут организованы такие грандиозные торжества в Москве, Киеве, Ленинграде, Владимире, что русская православная церковь так решительно выйдет на авансцену нашей общественной жизни. В этой неожиданной обстановке новый роман Айтматова «Плаха» был прочитан и как религиозный, и как еретический. Русская православная церковь роман не приняла, а итальянская католическая немедленно присудила роману свою награду. Что же произошло? Одним из центральных героев романа оказался недоучившийся семинарист, этакий современный раскольник, дерзающий учить и обновлять. Впрочем, сегодня во многих средствах массовой информации охотно предоставляют место подобным учителям и обновленцам куда более зрелого возраста, чем Авдий Калистратов, юный и дерзкий герой Айтматова. Люди, подобные Авдию, не понимают, что высшая роль церкви заключается в том, чтобы хранить веру, подобно тому, как высший смысл жизни женщины в том, чтобы хранить семейный очаг.

Художественный мир, созданный Чингизом Айтматовым, воистину неисчерпаем, и я вовсе не ставил целью сказать о всех важных смыслах его произведений. Главное же заключается, в том, что Айтматов от начала и по сию пору выступает как истинно народный художник, живущий одной жизнью с народом. И если его герой часто оказывается один против всех, то сам писатель — всегда один со всеми.

Генрих МИТИН.

МИР В КОНЦЕ НЕДЕЛИ

Эту рубрику ведет обозреватель Геннадий Герасимов

Реквием по ГДР

ГЕРМАНСКАЯ Демократическая Республика 3 октября перестает существовать. В этот день в Берлине в здании бывшего рейхстага состоится ратификация Договора об объединении между ФРГ и ГДР. Точнее будет сказать, о поглощении первой второй. Двусмысленность, возникшую в предыдущей фразе из-за несовершенства русского языка, легко устранить чтением текста договора. Например: «Имущество ГДР, которое служит для выполнения определенных административных задач, становится федеральным имуществом» (гл. VI, ст. 21). Собственностью ФРГ становятся государственные железные дороги ГДР (ст. 26), почта (ст. 27) и т. д. В общем, договор сравним со свидетельством о смерти вкупе с завещанием.

А всего лишь год назад ГДР праздновала первые сорок лет. Праздновала внушительным военным парадом и несколько зловещим факельным шествием по Унтер ден Линден, где участники приветствовали М. С. Горбачева и игнорировали Э. Хонеккера. В холодном и влажном воздухе той ночи чувствовалась напряженность, о которой еще не полагалось говорить вслух. Уже начался массовый исход на Запад.

Членам советской делегации подарили по альбому внушительных размеров и в отличном полиграфическом исполнении, где в цвете и цифрах развертывались достижения социализма на немецкой земле за 40 лет.

Альбом не был мистификацией — достижения были. И марка «Сделано в ГДР» пользовалась у советского потребителя предпочтением перед чем-то похожим, но сделанным нами самими. Достижения ГДР выигрывали при сравнении с нами и проигрывали в сравнении с ФРГ. Сочетание так называемых «преимуществ социализма» с немецким трудолюбием и привычкой к порядку на фоне нашенской расхлябанности выглядело приличной формой. Подстегивало и соревнование с соотечественниками по ту сторону Стены. Но важнейшего компонента не хватало: возможности каждому самому делать свой выбор.

ИСТОРИКИ жалуются: в истории нет места эксперименту, контрольному опыту. Но по части «соревнования двух систем» в двух местах история такой контрольный опыт поставила.

Можно сослаться на разницу на старте и даже на разницу весовых категорий. Но обе эти разницы никак не объясняют ту знающую разницу, к которой обе Германии пришли год назад. Производительность труда в ГДР составляла около 40 процентов от аналогичного показателя в ФРГ. А ведь нас учили, что этот показатель решающий.

И все же никто не предполагал, что демонтаж восточногерманского социализма пойдет темпом обвала. Канцлер ФРГ Гельмут Коль в числе прочих рассчитывал на объединение, по его словам, «где-нибудь в 1993 или 1994 году».

Оказывается, ГДР окружала, вспомнив хрестоматийный пример, стена, да гнилая, ткни — и развалится.

Структуры, казавшиеся окаменевшими, сдуло, будто их и не было. Обнаружились ранее скрытые тоталитарные ужасы вроде всеобщего доносительства.

Если уж на упорядоченной немецкой почве система (назовем ее командно-административной, чтобы не обижать благородную социалистическую идею, выпестованную К. Марксом на той же почве) не сработала, то что уж о нас говорить...

Реквием по ГДР — это и реквием по нашим идеологическим иллюзиям.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Кое-что о чистом меде

ЗАМЕТКИ О ПЕРВОМ ЗАРУБЕЖНОМ ТУРНЕ СОВЕТСКОГО ФЕСТИВАЛЬНОГО ОРКЕСТРА

В ЛОНДОНЕ холодно. Мелкий моросящий дождь укрывает тонкой водяной пленкой тротуары и мостовые, аллеи парков, где нет-нет да и встретишь какого-нибудь отчаянного любителя бега трусцой, никак не желающего поддаваться капризам погоды и отменять свои ежеутренние тренировки. Порывы ледяного ветра подхватывают листву, опавшую, почерневшую после почти сорокаградусной жары, что изматывала лондонцев в течение всего лета, метут ею улицы и площади, где все больше спешащих по своим делам горожан и все меньше неторопливо бредущих туристов — сезон подходит к концу.

Да, в Лондоне холодно. Зато жарко под сводами одного из его концертных залов. Там шквал аплодисментов. Там море улыбок. Там водопад цветов. Именно так было встречено в тот вечер выступление наших артистов, коллектива, чье имя — Советский фестивальный оркестр — пока еще мало что говорит не только англичанам, но и нам.

Да, создан он был совсем недавно из представителей ведущих оркестров Москвы и Ленинграда, Грузии, Латвии и Литвы. Его спонсором любезно согласилось стать совместное предприятие «Маджесс». И первый же концерт, состоявшийся весной этого года в Ленинградской филармонии (о нем наша газета в свое время уже писала), показал, сколь интересно новое дело, сколь многообещающе то, что задумали молодой талантливый дирижер Вахтанг Мачавариани и его единомышленники. Жизнеспособность идеи подтвердил и концерт в Лондоне.

«АПЛОДИСМЕНТЫ — ужин артистов», — любят повторять те, кому они адресованы. Если это и в самом деле так, то в тот вечер в «Альберт-холле» был устроен целый пир. Он начался сразу же после блистательного исполнения «Ученика Чародея» Дюка. Полная искрометного юмора и мрачноватой иронии пьеса французского композитора в прочтении Фестивального под управлением В. Мачавариани дышала какой-то особой свежестью и новизной. И если учесть утомительный перелет, изнурительное многочасовое размещение в гостинице, оказавшейся, мягко говоря, не вполне готовой к приему столь большого числа гостей из Советского Союза, а также весьма незначительное число репетиций, то можно с полным правом сказать: несмотря на все трудности, первый мини-экзамен был выдержан на «отлично». Британская музыкальная публика взыскательна и изощренна. Ее не провести, подсунув недоброкачественный товар в яркой упаковке. Вот почему реакцию зала можно расценить однозначно — явный успех.

Дружно, в едином порыве восхищения аплодировали все: и немного чопорный партер — бабочки, смокинги, вечерние туалеты дам,— и более демократичный амфитеатр, и откровенно джинсовая галерка. Говорят, под гигантским куполом этого круглого кирпичного здания из стекла и металла могут разместиться около восьми тысяч человек. Точное число слушателей, заполнивших зал в тот вечер, подсчитать, конечно же, не удалось, но свободных мест практически не было.

Итак, «Ученик Чародея» — своеобразная интродукция к концерту, нечто вроде визитной карточки оркестра. А затем... Затем Третий фортепианный концерт Рахманинова, где Борис Березовский, победитель последнего Конкурса имени П. И. Чайковского, блеснул мастерством, продемонстрировав великолепную технику. Ну а в финале — Десятая симфония Шостаковича и многочисленные «бисы» — фрагменты из балета «Отелло» А. Мачавариани, находившегося, кстати сказать, там же, в зале.

Все, с кем довелось встретиться в тот вечер, были в целом единодушны в своих оценках — удалось, состоялось. В крошечном артистическом баре, что затерялся в одном из бесконечных лабиринтов кулис, во время антракта говорил с известным американским пианистом, выходцем из России, Шурой Черкасским. Глаза этого весьма преклонных лет человека горели прямо-таки каким-то мальчишеским задором, когда он, привстав на цыпочки, словно стремясь преодолеть свой маленький рост и убедить собеседников в правоте всего им сказанного (с ним, впрочем, никто и не собирался спорить), страстно доказывал, сколь замечательно все то, что происходит в этом зале.

— Великолепно звучит оркестр,— говорил старый маэстро,— с самого первого такта, с самой первой ноты. Знаете, мне кажется, у него большое будущее. Хотелось бы послушать в их исполнении Бетховена. Не могу не отдать должного дирижеру — прекрасный замысел, прекрасное его воплощение. У Бориса Березовского потрясающий звук, великолепное туше. А какова «Колыбельная» Чайковского, которую он сыграл на «бис»!..

В хоре рецензентов британских газет, откликнувшихся на концерт в «Альберт-холле», особенно выделялся голос обозревателя «Дейли телеграф», отметившего, в частности, что этот коллектив, быть может, один из лучших советских симфонических оркестров, которые гастролировали в Британии. Большая внимательная аудитория, пишет газета, была вознаграждена мощным исполнением Симфонии № 10 Шостаковича и Третьего фортепианного Рахманинова. Отметил критик и игру Бориса Березовского как технически безукоризненную и полную необычайного лиризма. В целом же, замечает «Дейли телеграф», его манера чем-то напоминает игру Эмиля Гилельса.

В БОЧКЕ триумфального меда, увы, не обошлось и без ложки дегтя, о чем рассказал директор оркестра В. Перельман. Представители Аэрофлота в Москве, с которыми обсуждались вопросы перевозки музыкантов и инструментов, дали понять, что агентство хотело бы получить от оркестра не советские рубли, а валюту. После долгих переговоров (в агентстве все же нашлись люди, которые с вниманием отнеслись к возникшей проблеме) удалось-таки договориться, что в Лондон оркестр отправится за рубли. Однако, подчеркнул В. Перельман, когда встал вопрос о возвращении домой, руководству коллектива без предупреждения объявили, что провоз инструментов должен оплачиваться в валюте. Поскольку у оркестра попросту не оказалось необходимой суммы, десять контрабасов (шесть из них принадлежат лично исполнителям) остались в Лондоне.

Хочется все же надеяться на здравый смысл руководства Аэрофлота — на то, что хотя бы к моменту выхода газеты груз уже будет доставлен в Москву. Хочется надеяться также на то, что во время намечающихся на октябрь гастролей оркестра в Сингапуре советским артистам достанется лишь чистый мед...

Р. ЧЕРНЫЙ.
(Спец. корр. «Советской культуры»).
ЛОНДОН — МОСКВА.

ФЕСТИВАЛИ

Кому улыбнется раковина

38-й раз золотая раковина Международного кинофестиваля в испанском городе Сан-Себастьяне приоткрылась в ожидании счастливца, которому она преподнесет жемчужину главного приза. 17 фильмов из 15 стран претендуют на роль победителя. Критики считают, что по крайней мере шесть из них заслуживают почетного звания лауреата. Цифра достойная, если учесть то особое положение, в котором находится Сан-Себастьянский фестиваль: ему трудно. Очень трудно. Ведь к моменту его начала уже прошли кинофорумы в Канне, Венеции, Нью-Йорке, отобрав все лучшее, что было снято за последнее время.

Советский Союз на официальном конкурсе представлен фильмом Ю. Мамина «Бакенбарды». Ю. Мамин не новичок в этом фестивале. В прошлом году его фильм «Фонтан» уже демонстрировался здесь. Впервые в качестве члена международного жюри в Сан-Себастьяне и другой советский режиссер Виктор Прохоров, который до окончания фестиваля хранит поистине гробовое молчание и отказывается отвечать на любые вопросы, касающиеся качества конкурсных фильмов. В конкурсе молодых режиссеров «Открытая зона» участвует фильм Валерия Огородникова «Бумажные глаза Пришвина». И как в прошлом году, когда золотую раковину получил Андрей Кончаловский за фильм «Гомер и Эдди» производства США, на этот раз Соединенные Штаты представляет «инки» Михаля Беликов фильмом «Распад», посвященным чернобыльской трагедии.

Вообще надо сказать, что советская делегация пользуется здесь большим успехом. Фестивальный журнал так отозвался о наших соотечественниках: «На фоне остальных участников фестиваля советские выделяются своим воспитанием. Они — воплощенная галантность и демонстрируют, казалось бы, утраченные остальным миром манеры: уступают дорогу, открывают двери, целуют руки дамам. Они единственные помнят, что точность — это вежливость королей». Будем надеяться, что столь же лестные эпитеты произнесут кинокритики, жюри и публика по отношению к работам этих «самых галантных» участников фестиваля.

К. СЕГУРА.
(Спец. корр. «Советской культуры»).
САН-СЕБАСТЬЯН.

Десять вопросов для диалога

Открытое письмо советским реформаторам

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-КЛУБ
INTERNATIONAL PRESS CLUB
OPEN SOCIETY

Друзья мои!

Мне нужна ваша помощь в проекте, над которым я сейчас работаю.

Смысл его в том, чтобы попытаться убедить Запад стать гарантом необратимости перестройки. Или по крайней мере расшевелить, раззадорить западную (в первую очередь близкую мне американскую) интеллигенцию, заставить ее устыдиться своей затянувшейся интеллектуальной спячки, не оставить у нее ни малейшего сомнения, что ее собственное будущее зависит от исхода перестройки в той же степени, что и ваше.

ДО НЕДАВНЕГО времени многие по обе стороны океана были во власти иллюзии, что для включения Запада в перестройку достаточно радикально переменить советскую внешнюю и внутреннюю политику, искренне отречься от изоляционистского прошлого и декларировать свое принципиальное родство с европейской семьей народов. Переменили. Отреклись. Декларировали. Не скажу, что это не принесло никаких результатов. Из настороженного противника Запад перевоплотился в доброжелательного зрителя советской политической драмы.

Но тот ли это результат, которого ждали? Ведь между комфортабельной позицией зрителя и ролью действующего лица перестройки, готового идти ради нее на риск, — дистанция огромного размера.

Пора расстаться с иллюзией: Советское правительство бессильно убедить Запад переступить решающий порог между благожелательностью и активным партнерством. Бесполезны оказались здесь и спонтанные разрозненные усилия отдельных бизнесменов, ученых и людей доброй воли. Что же делать?

Если бы удалось опубликовать в Америке книгу, которую просвещенный западный интеллигент не мог не заметить, книгу-шок, книгу-сенсацию, способную властно приковать к себе его внимание и заставить задуматься о судьбе перестройки как о своей собственной, она, быть может, изменила бы картину радикально.

В этом и состоит мой проект.

В принципе он лишь часть более широкого эксперимента, краткое описание которого вы можете найти в «Советской культуре» за 18 августа («Прорыв и кризис: о двух парадоксах»). Проект, собственно, и задуман в качестве катализатора этого эксперимента.

Вкратце заключается он в том, чтобы не я один, а группа абсолютно независимых и безупречно авторитетных как в США, так и в СССР людей — одиннадцать с американской и одиннадцать с советской стороны — обратились к западному общественному мнению с одним и тем же мощным и недвусмысленным посланием.

Здесь не обойдешься, разумеется, открытым письмом. Слишком сложна и неоднозначна для этого наша проблема. В ней десятки головоломных исторических и политических аспектов. Она идет наперекор вековым стереотипам геополитики и здравого смысла. Она требует скрупулезного анализа и принципиально новых интуиций. Короче, это действительно должна быть книга — только состоящая в основном из диалогов, книга-послание. Глубинный ее смысл сводился бы, конечно, к двум фундаментальным идеям.

Во-первых, из нее должно быть понятно, что если перестройку действительно постигнет, не дай бог, судьба Веймарской республики, то Запад неизбежно окажется втянутым в ее трагедию в той же степени, в какой оказался он в конечном счете втянутым в трагедию Веймара. На самом деле, поскольку мы живем в ядерном веке, в гораздо большей. А во-вторых, что новой глобальной катастрофы можно избежать лишь одним способом: включив в перестройку все свои интеллектуальные и отчасти экономические ресурсы, восприняв советских реформаторов как союзников, как солдат, сражающихся на передовой линии фронта в битве, от исхода которой зависит судьба цивилизации.

СЛОЖНОСТЬ дела заключается, однако, не в дерзких декларациях. Она в том, чтобы ответить на множество коварных вопросов, которые тотчас же придут в голову просвещенному западному интеллигенту.

Например, эти непривычные декларации в принципе противоречат общепринятым здесь постулатам доктрины «политического реализма», то есть по сути геополитики. Если мы не сможем доказать, что постулаты эти категорически неверны, если мы не сможем предложить альтернативную доктрину международных отношений, грош цена будет всем нашим декларациям. Можем ли мы это сделать?

Или другой вопрос: как объяснить поразительное поведение советских правых, будь то партийных, или беспартийных, или даже антипартийных, которые вовсе не прячутся по щелям, как их единомышленники в Восточной Европе, а, напротив, агрессивно демонстрируют свою оппозицию западнической перестройке? Как связано это различие в советской и восточноевропейских перестройках с историей российских реформ и контрреформ? Иначе говоря, реформируема ли Россия в принципе?

Подобных вопросов, на которые западному интеллигенту нужен ясный и четкий ответ прежде, нежели он согласится радикально изменить свое отношение к перестройке, много. Я приведу их примерный перечень, как я его себе представляю, в конце этого письма. Здесь позвольте мне объяснить техническую сторону дела и принципы выбора авторитетных в обеих странах людей, которых я предпочел бы видеть своими партнерами по диалогу. (Покуда я провел лишь один диалог в Америке — с профессором Артуром Шлезингером, знаменитым историком и близким сотрудником президента Кеннеди. Я также веду переговоры о диалоге с президентом Картером. В принципе ICIS — Интернациональный Центр Интеграционных идей — согласился быть спонсором и организатором американских диалогов).

Вот как я представляю себе работу над этим проектом. Первым делом, конечно, я пишу вводные главы (технически целесообразнее оказалось написать их по-английски и перевести на русский). Главное, о чем в них идет речь:

теоретическое определение перестройки как всемирно-исторического явления (без чего, как вы поймете, нам не сдвинуться с места);

путеводитель по ее политической сцене, включающий краткое описание всех восьми ее основных политических актеров (и потенциального девятого, то есть Запада. Книга так и будет называться: «Девятый актер: Запад и перестройка);

определение того, что я считаю ахиллесовой пятой перестройки (и называю парадоксом переходного периода);

определение политического ключа к ее успеху или провалу;

ответ на вопрос, почему, с моей точки зрения, сегодняшняя западная дискуссия о перестройке неадекватна своему предмету;

описание практического эксперимента, посредством которого Запад может быть, я надеюсь, включен в перестройку в качестве ее действующего лица.

Естественно, мои будущие партнеры по диалогу могут не согласиться с любым из этих предложений, определений и описаний. Только в этом случае им, наверное, придется аргументированно их оспорить и предложить свои собственные.

Все диалоги, естественно, будут встроены в книгу так, чтобы в конечном счете она и явилась тем коллективным посланием, ради которого этот проект и задуман.

А ТЕПЕРЬ о критериях отбора обеих команд. В американском случае критерий прост — все участники проекта должны быть хорошо известны в Советском Союзе (и, естественно, авторитетны в своей стране), одарены неординарным воображением и согласны с главной идеей этого проекта. В советском случае все куда сложнее. Тут я предлагаю следующую систему критериев.

Все участники должны пользоваться общенациональной известностью.

Они должны быть уважаемы всеми тремя «актерами» потенциальной реформистской коалиции, то есть как Центром, так и умеренной и радикальной Левой.

Они не должны быть вовлечены во фракционные дрязги между участниками потенциальной левоцентристской коалиции.

Они должны быть бесспорными авторитетами в своих областях.

Их репутация должна быть безупречна.

Было бы, вероятно, слишком самонадеянно с моей стороны обнародовать списки обеих команд, как сложились они у меня в голове, даже не испросив предварительно согласия потенциальных партнеров по диалогу. Скажу лишь, что в американскую команду, по моему замыслу, должны войти такие люди, как президент Картер, как Роберт Макнамара и Джордж Сорос, как Алвин Тофлер и Артур Шлезингер, Рей Брэдбери и Стивен Коэн.

Может статься, что кто-то из советских потенциальных партнеров по каким-то причинам, принципиальным или техническим, на согласится (или не сможет) принять участие в проекте. Оттого и пишу я это письмо как открытое: о проекте должен знать максимально широкий круг читателей. Вполне возможно в конце концов, что они посоветуют мне еще более авторитетный состав советских участников, нежели я мог представить себе в Нью-Йорке.

НАКОНЕЦ, о перечне вопросов, которые я предлагаю для обсуждения. Я нисколько не скрываю, что перечень этот отражает мой собственный подход к феномену перестройки, продиктованный моей специальностью, то есть теорией политического изменения в России и в СССР. Думаю, однако, что он предпочтительнее и с точки зрения дела.

Подавляющее большинство западных экспертов убеждены, что проблема перестройки сводится к преодолению командной экономики, однопартийного правления и коммунистической идеологии. Отсюда — их зацикленность на экономико-идеологическом аспекте перестройки, то есть на том, что отделяет ее от Запада. Отсюда также логическое заключение, что никому не под силу тащить 300-миллионный народ из болота экономической депрессии. Отсюда, наконец, убеждение, что Западу бессмысленно включаться в перестройку прежде, чем Советы сами наведут у себя порядок.

Перед нами, если угодно, стройная **идеология невмешательства**. Покуда не опровергнута эта идеология, Запад просто не может стать союзником перестройки **в переходном периоде**, то есть именно тогда, когда она особенно уязвима и балансирует на грани провала.

Исторический подход, который я здесь предлагаю, отнюдь не сводит перестройку к разрушению командной экономики. В подходе этом она рассматривается как одна из многих великих европейских драм запоздалого перехода к политической модернизации в XX столетии. Как политическая драма, в которой преодоление командной экономики и однопартийного правления выступает лишь частным случаем такого перехода.

В самом деле, Веймарская Германия не знала ни того, ни другого. И разве помешало это ее реформаторам потерпеть сокрушительное поражение? И не то же ли самое произошло в конституционной России 1905 — 1917 гг.? В первом случае попытка прорваться к политической модернизации собственными силами, то есть без решающей поддержки Запада, окончилась фашизмом, во втором — всеобщим хаосом, гражданской войной и жесточайшей диктатурой.

Как видим, в контексте такой политической драмы преодоление командной экономики действительно оказывается лишь поверхностным срезом нашей дилеммы. Корни ее уходят глубоко в историю — в фундаментальный раскол национальной политической культуры. В российском случае уходят они в вековое противостояние ее либерально-эйкуменической и византийско-изоляционистской традиций. Именно недооценка этого рокового противостояния и погубила все без исключения предшествующие попытки России прорваться к политической модернизации — и в Московском, и в Петербургском, и в Советском ее периодах.

Короче, опыт двадцати поколений российской политики не оставляет сомнений, что такой прорыв в принципе невозможен, покуда изоляционистской традиции не нанесено решающее политическое поражение. А вот этого как раз и нельзя достичь без помощи извне. Для того и нужен союз с Западом именно в переходном периоде, когда решается судьба перестройки.

Вот в чем принципиальная порочность идеологии невмешательства, основанной на стереотипном подходе западных экспертов. И вот почему проект наш по сути обречен, если не сумеет предложить просвещенному западному интеллигенту иной, альтернативный подход, способный продемонстрировать нерасторжимую связь между судьбами Запада и перестройки.

ПОЖАЛУЙСТА, поймите меня правильно. Проблема не в том, что делать. Она в том, **как** осуществить прорыв в политическую модернизацию в стране, где клокочущая магма контрреформы всегда опасно близка к поверхности.

Один вполне практический пример. Мировая практика словно бы неопровержимо свидетельствует, что выход из тяжкого финансового кризиса неизменно связан с ухудшением жизненных стандартов народа. Нет сомнения, что СССР в тяжелейшей депрессии — под угрозой экономического коллапса и всеобщего хаоса. И все-таки, если реформаторы хотят удержаться у власти, выход из кризиса возможен лишь вопреки постулатам мировой практики — на фоне очевидного улучшения жизненных стандартов масс. Иначе слишком велика вероятность, что страна не выдержит социального напряжения, народ окажется окончательно отчужден от реформаторов, изоляционистская альтернатива обретет критическую массу, и дело закончится голодно и кроваво. По крайней мере именно так выходила Россия из своих системных кризисов и в XVI столетии, и в XVIII и в XX.

Естественно, что, когда в январе 1990-го я вернулся на родину после пятнадцати лет изгнания, первое, что я почувствовал,— ужас. И вовсе не только от пустых полок и бесконечных очередей. Ужаснулся я тому, что сверстники мои — и в правительстве, и вне его — не видят самого простого и очевидного выхода из кризиса, который буквально бросался в глаза любому свежему, не одураченному стереотипами экономико-идеологического подхода человеку.

Вот с этой точки зрения я и предложил немедленно поднять жизненные стандарты населения — за счет собственных наличных ресурсов (заложив финансовые активы и недвижимость за рубежом и избавившись от так называемых стратегических резервов на случай длительной

НА ПРОВОДЕ — БЕРЛИН

ВОТ И ВСЕ, ЧТО БЫЛО...

Трудно поверить: в полночь со 2 на 3 октября остановится «сердце» Германской Демократической Республики! В результате своеобразной политической «трансплантации» социалистическое немецкое государство станет неделимой частью капиталистической Германии.

Когда-нибудь ученые-германисты напишут подробную, объективную историю ГДР, непредвзято, без идеологической заданности исследуют каждый из 15 тысяч отведенных ей судьбой дней. Наверное, тогда для всех станет очевидной неизбежность такого финала. А сегодня многим он представляется трагическим и нелепым. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, 4 процента населения ГДР — примерно полмиллиона человек — убеждены, что совершается серьезная, если даже не роковая историческая ошибка.

По результатам последних социологических исследований, оценивая социалистическое прошлое своей страны, 78 процентов опрошенных (а они подбирались по принципу случайности во всех округах ГДР) остановились на такой формулировке: «За 40 лет существования ГДР созданы определенные социальные ценности, которые я нахожу хорошими и хотел бы сохранить в будущей единой Германии». Примерно 5 процентов и вовсе убеждены, что, несмотря на допущенные ошибки, социалистический выбор был правильным. И только 16 процентов считают: «40 последних лет прошли впустую. Нужно как можно быстрее переделать все по образу и подобию Западной Германии...»

Сегодня жители Берлина, Лейпцига, Дрездена, других городов и поселков ГДР имеют практически такой же выбор продовольственных и промышленных товаров, что и жители Мюнхена, Гамбурга, Кельна... Но до фактического равенства с ними, ой, как еще далеко! Зарплата в 2,5—3 раза ниже — вместо 3.600 около 1.200 марок в месяц. И это неудивительно. Две трети промышленных предприятий страны не в силах конкурировать с оснащенными по последнему слову науки многоопытными западногерманскими фирмами.

Уже сегодня количество безработных в ГДР достигло 1,5 миллиона человек. Часть из них, правда, еще числится в штате, но их рабочая неделя составляет ноль часов. И надежды на то, что загрузка производства увеличится, нет практически никакой. А это значит, что приходится перестраивать домашний бюджет в расчете на 500 марок пособия по безработице, что существенно ниже прожиточного минимума. По наиболее мрачным прогнозам, так называемые «голубые письма» — извещения об увольнении могут получить до 4 миллионов человек, или почти 40 процентов трудоспособного населения...

Когда перед парламентскими выборами ХДС выложил на стол искусно запрятанную им до поры до времени козырную карту аншлюса к ФРГ, она действительно произвела на всех гипнотизирующее воздействие. Казалось, чего проще: стоит лишь убрать границу, проголосовать за немецкое единство — и молочные реки с кисельными берегами, изменив русла, сразу потекут на восток. Примерно так представлялось будущее в предвыборных программах консервативных партий. В жизни все оказалось иначе. Хоть и богат западный «родственник», да не спешит без прямой выгоды расставаться со своими марками. Тянет до последнего, а случается, и вовсе обманывает. Так случилось, например, с обещанным повышением пенсий.

В социалистической ГДР важной подпоркой к семейному бюджету были выплаты из общественных фондов — государственные дотации на товары первой необходимости, на школы, детские сады и ясли, жилье и транспорт, медицинское обслуживание и отдых. Сейчас система социальной защищенности, об эффективности которой не раз писала и западная пресса, постепенно демонтируется. Не возьмусь утверждать, что в ФРГ все малоимущие брошены на произвол судьбы. Но там люди живут в совершенно другой, иной системе «социальных координат» — приспособиться к ней нужно время. А пока многие жители ГДР чувствуют себя, словно рыбы, выброшенные на берег.

«Не сомневайтесь: ни один житель страны не будет жить в единой Германии хуже!» — заверял соотечественников премьер-министр ГДР Лотар де Мэзьер, выступая на церемонии подписания договора о валютном, экономическом и социальном союзе с ФРГ. Сегодня эти слова вызывают лишь горькую иронию.

...Стремясь к экономическому изобилию, жители ГДР хотели сохранить социальную стабильность...

Убегая от всевидящего ока «ШТАЗИ», рассчитывали, что никто и никогда больше не будет сковывать их сознание идеологическими догмами, навязывать политические взгляды. Но, как сообщает печать, 80 учителей в берлинском районе Марцан, среди них многие известные педагоги, уволены только за то, что преподавали при Хонеккере в Высшей партийной школе и Институте марксизма-ленинизма...

Мечталось о полноценной свободе мнений, взглядов, поступков. Но ее обрели и неофашисты. Избитый ими ни за что ни про что житель Берлина А. Виннельман, обратившись за помощью в уголовную полицию, услышал: «Скоро будет еще хуже!»...

Хотелось «не выщипанной» цензурой литературы. Но вместе с ней на полки магазинов, в залы видеотек хлынул и поток эротики, близкой к порнографии...

Словом, у «розы единства», которую преподнесли народу ГДР политики, оказалось очень много шипов.

...3 октября Германская Демократическая Республика перестанет существовать. Вместе с ней уйдет в прошлое и целая эпоха в отношениях наших стран. В Бонне и Берлине клянутся, что только теперь и появится возможность для налаживания подлинно взаимовыгодного сотрудничества. Может быть, и так. Но вряд ли будет согрето оно прежним духовным теплом, которое присуще только близким друзьям.

...Прощай, ГДР!

Игорь ОСИНСКИЙ.
(Корр. ТАСС — специально для «Советской культуры»).

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ПРЕССА НЕ МОЖЕТ БЕЗ СВОБОДЫ

Наш собеседник — новый редактор «Нового времени»

После того как Виталий Игнатенко был назначен помощником Президента, руководителем его пресс-службы, коллектив журнала «Новое время» избрал главным редактором Александра Пумпянского. Этот 49-летний профессиональный журналист (15 лет в «Комсомолке», 8 лет в «Московских новостях», 4 года в «Новом времени») не может пожаловаться на невнимание к себе. 15 лет назад его с немалым шумом отозвали из Нью-Йорка, где он, казалось, удачно приступил к работе собственным корреспондентом «Комсомолки». Это случилось после публичного разноса, устроенного секретарем ЦК КПСС, а комсомольские и комсоправданские лидеры той поры постарались лишить его «права переписки» с читателями. Два года назад он был удостоен премии имени Воровского — высшей у нас премии в области международной журналистики (которую, впрочем, до сих пор забыли вручить). А недавно агентство Интерпресс сервис и Международный институт прессы вручили ему свою премию года в том же Нью-Йорке, в ООН. Как журналист он пишет о советско-американских отношениях, об американской литературе и политике, а в последнее время — и на самые острые внутриполитические темы.

— Журналист и редактор — разные профессии. Вы журналист или редактор? Кем вы считаете себя в первую очередь?

— Это точное разделение, хотя и не без оговорок. Это было абсолютно правильно в былые годы, когда в журналисте ценилось умение сказать новое слово, а в редакторе — способность его безошибочно вычеркнуть, ибо новое слово, безусловно, крамольно. Впрочем, это ведь тоже условно. Всегда были смелые редакторы — в «Комсомолке» моей юности, к примеру, Аджубей, Воронов, Панкин, потом наступил провал... Тем более радует новый взлет с Владиславом Фронкиным. Без смелых редакторов и смелым журналистам негде было бы печатать свои смелые мысли. Другое дело, в каких условиях работают люди прессы. Общество всегда нуждалось в честном анализе, в том, чтобы называть вещи своими именами. Общество! Но не власть, которая явно требовала от прессы иного. То, что нужно было власти, называлось почему-то «социальным заказом». И те, кто усердней всего обслуживал этот заказ, считались лучшими редакторами и «первыми перьями». Так считали власти, но не читатели, не общество. Сейчас, когда пресса вырвалась на простор свободы, ситуация меняется. Хотя, я думаю, любому профессиональному журналисту, кому за двадцать пять, предстоит тяжкая работа — выдавливать из себя цензора. Ты можешь считать себя конформистом и в своей работе посягать на идеологические табу, но само ощущение табу, которые, повторяю, ты отвергаешь, делает тебя несвободным.

Знаете, в чем последняя трагедия Эзопа? В возможности говорить неэзоповским языком. Есть свобода по убеждению, новые поколения будут свободны от рождения.

— Чей орган «Новое время»?

— Ничей. Кстати, он таким был уже до принятия нынешнего Закона о печати, что привело в недоумение некоторых наших читателей. Нашу публику действительно приучили к тому, что свободных голосов нет и не может быть, каждый орган печати чей-то, передает (не более того) чьи-то мысли. Хотите маленькую историческую реминисценцию?

В одном из последних номеров журнала мы привели строчки из письма Чехова во время его поездки на Сахалин: «Никогда в жизни не видывал... такой ужасной, запущенной дороги. Буду писать о ее безобразиях в «Новом времени». Это был, конечно, другой журнал. А предтечу современного издания создал во время войны Сталин. Тогда журнал назывался «Война и рабочий класс», и это было подчеркнуто неправительственное издание. Когда нужно было покритиковать союзников за медлительность или интриги, в ход шли страницы «Нового времени». Черчилль даже как-то пожаловался Сталину на задевшую его статью в «НВ», на что Сталин возразил в том духе, что, мол, независимой прессе он не указ. После Победы Сталин лично одобрил новое и, безусловно, удачное название — «Новое время» и совершенно непонятную формулу: издание газеты «Труд», хотя на самом деле газета «Труд» ни малейшего отношения к изданию журнала не имела. Но это давало возможность печатать в «Новом времени» то, что было неудобно печатать в открыто официальных органах. Скажем, в 60-е годы — статьи по еврокоммунизму. Естественно, критические. Естественно, инспирированные в соответствующих отделах ЦК. Официально ведь КПСС была выше полемики с «братскими партиями».

К чему я привожу эти исторические курьезы, над которыми в пору то ли смеяться, то ли плакать? Да к тому, что это парадоксальным способом доказывает простую мысль: пресса не может без свободы. Это по-своему — в своей изощренной византийской манере понимал даже Иосиф Виссарионович. Другое дело, что тоталитарная, авторитарная власть безраздельно присваивает эту свободу, выдавая ее по крохе по собственному усмотрению.

— Я так понимаю, что вы не самый большой поклонник принципа партийного руководства печатью!

— Это вы тонко подметили. Партии, безусловно, имеют право на свою печать. Но если это крепостное право, то в конечном счете расплачиваться за это придется и самим партиям — потерей чувства реального, перерождением. Для общества же в целом, институт свободной прессы — жизненная необходимость. Современное демократическое государство строится на равновесии трех властей — законодательной, исполнительной, судебной. Но все они нуждаются в одной маленькой самоценной вещи — в правде. Прессу называют четвертой властью, но это не власть людей или институтов, это власть правды. И это гарантия для гражданина, что государство не закабалит его.

— В интервью «Известиям» на днях вы сказали, что видите свой журнал элитным или элитарным изданием...

— И это вас смутило? А вы что спрашиваете в магазине: что попроще или что получше? Впрочем, в магазине мы уже ничего не спрашиваем, берем, что дают. Но на газетно-журнальном рынке, к счастью, есть выбор. Мы не хотели бы завлекать читателя кроссвордами и хит-парадами при всей симпатии к тем, кто любит кроссворды и хит-парады. Мы предлагаем читателю качественную политическую журналистику. А политика — это ведь безумно интересно. И меньше всего сегодня это застегнутая на все пуговицы дипломатия. Это и права человека, и отношение к смертной казни, и национальные проблемы, и миграция, и экология — да все, что нас окружает, пронизано политикой.

Принято считать, что общество наше до крайности политизировалось. Если судить по тому, как все вокруг напропалую честят правительство, то дальше просто некуда. Но ведь и правительство надо ругать с умом, за реальные его грехи, а не просто потому, что мне плохо и я должен сорвать на ком-то гнев, или потому, что я раньше не мог рта раскрыть. Но если «людей с улицы» можно понять, то сколько за последнее время прошло и проходит высоких форумов с таким низким уровнем дискуссии, что в пору усомниться: да понимают ли эти люди, в каком мире и в каком веке мы живем? Ну хорошо, они сами безнадежно отстали от поезда, но зачем же это историческое отставание превращать в платформу? И при этом еще бодро призывают: нам некогда предаваться интеллигентским раздумьям, покаянию, время действовать. Впрочем, судя по всему, эти люди действительно не могут одновременно думать и действовать — что-нибудь одно...

Элита — не зарплата. И не власть. И не принадлежность к номенклатуре. Нет, совсем иное: интеллект, совесть, сострадание... Люди, которые обладают этими бесценными чертами, и есть элита. С ними только и можно связывать надежды на возрождение нашего общества. Но для этого нужно, чтобы как можно больше людей были по-настоящему информированы обо всем происходящем на белом свете, освободились от хлама пропагандистских прописей, от власти авторитетной чепухи, на самом деле увидели многомерность мира. Политизация — это не тогда, когда люди доведены до белого каления, а когда они в состоянии обо всем судить непредвзято и глубоко.

Журнал в сегодняшнем виде — это самые разные рубрики: «Дневник социолога» Леонида Ионина и «Женская логика» Татьяны Ивановой, «Младший мир» Симона Соловейчика и «Рукописи не горят» — своеобразная антология политической мысли XX века, от которой мы так долго были отрезаны: Бердяев, Троцкий, Мережковский, Алданов, Джилас, Струве — список бесконечен... Но я позволю себе сказать, что сверхзадачей журнала является приобщение читателя к интеллектуальной свободе и политическому плюрализму. Если хотите, это шаг к «элитарности», которая не заказана никому.

— Я понимаю, к чему вы клоните, и давайте закончу вместо вас: ...и самый демократичный способ добиться этого — подписаться на «Новое время».

Беседовал
А. БУДЕННЫЙ.

Имена барона и баронессы фон Тиссен хорошо известны в кругах любителей живописи и творческой интеллигенции во всех уголках мира благодаря тому, что эта супружеская пара постоянно демонстрирует в разных странах принадлежащие ей полотна выдающихся мастеров кисти. Последняя выставка коллекции четы Тиссен состоялась в швейцарском городе Лугано под названием «Импрессионизм и постимпрессионизм».

На снимке: баронесса фон Тиссен представляет одну из картин, принадлежащих перу великого Ван Гога.

Фото Кейстон — ТАСС.

«Карнеги-холл»: столетний юбилей

Известный концертный зал Соединенных Штатов — «Карнеги-холл» в Нью-Йорке начал сотый сезон. Как и предыдущие, он будет очень напряженным: состоятся 300 выступлений музыкантов и исполнителей со всего мира.

За вековую историю «Карнеги-холл» принимал наиболее известных музыкантов современности. Здесь дирижировали А. Дворжак в 1893 году и Р. Штраус в 1904 году. Под его сводами звучали голоса Марии Каллас и Э. Карузо. История зала тесно связана с именами русских и советских музыкантов и исполнителей. На его открытии 5 мая 1891 года оркестром дирижировал Петр Ильич Чайковский. В последующие годы на сцене зала звучал голос Ф. Шаляпина. Здесь выступали С. Рахманинов и В. Горовиц, композитор И. Стравинский. В разные годы пели Г. Вишневская, Е. Образцова и П. Бурчуладзе. А совсем недавно состоялись выступления молодого советского пианиста А. Султанова.

«В последние годы, — сказал в интервью корр. ТАСС член совета директоров «Карнеги-холл» Д. Дриндж, — у нас все чаще выступают советские музыканты. Примут они участие и в программе юбилейного года. Мы ждем в октябре оркестр Ленинградской филармонии. С 26 апреля по 5 мая состоится юбилейный фестиваль, в котором примут участие многие известные музыканты. Среди них будут М. Ростропович, В. Клиберн и многие другие».

НЬЮ-ЙОРК.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

Трудные времена Лувра

Один из крупнейших музеев мира — парижский Лувр переживает трудный период: в его зданиях ведутся самые масштабные за всю его историю реставрационные работы.

От здания бывшего министерства финансов, в котором предполагается разместить новый выставочный комплекс музея, остались только наружные стены: крыша, межэтажные перекрытия и все перегородки демонтированы. Теперь на этой «внутренней» строительной площадке предстоит возвести выставочные залы общей площадью более 20 тысяч квадратных метров.

Предмет особой заботы городских властей — чтобы эти работы не помешали многочисленным туристам, притоком которых во французскую столицу не ослабевает в любое время года. Сделано все возможное, чтобы строительство и реставрация не бросались в глаза, все стройматериалы на площадку доставляются через центральную дворцовую площадь по специально смонтированной рельсовой дороге, практически невидимой для посетителей.

Помимо строительства новых выставочных залов и реставрационных работ, проект предусматривает сооружение подземного гаража и торгового комплекса для туристов. Общая стоимость работ, которые предполагается завершить к 1996 году, составляет 3,7 миллиарда франков.

ПАРИЖ.

Приз советскому режиссеру

Фильм советского режиссера Элема Климова «Иди и смотри» получил один из главных призов I Международного кинофестиваля, состоявшегося в столице Парагвая Асунсьоне. Жюри смотра назвало эту картину, рассказывающую о Великой Отечественной войне, лучшей лентой среди работ кинематографистов неиспаноязычных стран. Ее создателям вручен также приз за лучшее музыкальное оформление фильма.

Председатель оргкомитета фестиваля Уго Гамарра Этчеверри отметил, что этот смотр открыл новую эру в культурной жизни Парагвая. Впервые за многие годы парагвайцы получили возможность познакомиться с творчеством кинематографистов СССР, Кубы и других социалистических стран. Как известно, их произведения были запрещены в этой южноамериканской стране во время правления диктаторского режима Альфредо Стресснера, который был свергнут в феврале прошлого года.

Главный приз кинопросмотра в Асунсьоне присужден ленте испанского режиссера Педро Альдовара «Женщины на грани нервного срыва». Приз за лучшую женскую роль получила кубинская актриса Дайси Гранадос — исполнительница главной роли в картине «Портрет Тересы», снятой Кубинским институтом киноискусства и кинопромышленности.

БУЭНОС-АЙРЕС.

(ТАСС).

войны — какая к черту длительная война в ядерном веке!). За счет этого можно наводнить страну продовольствием и потребительскими товарами, закупленными на Западе, дав тем самым народу почувствовать, что перестройка — для него, а не только для интеллектуалов, журналистов и коммерсантов. Я предложил поручить всю эту гигантскую операцию кооперативам, тем самым превратив этот маргинальный, гонимый и сомнительный в глазах масс сектор в кормильца, в авторитетного и мощного конкурента государственных монополий.

В чем заключалась главная идея этого плана? Если бы массы убедились, что правительство готово рискнуть своими валютными резервами за рубежом, дабы кардинально облегчить им ежедневное существование и в то же время резко дернуть вперед перестройку, экономическая реформа оказалась бы сокрушительным политическим поражением изоляционистской оппозиции — как коммунистической, так и антикоммунистической. Решающий перелом в отношении к перестройке масс — да и Запада — был бы достигнут. Замаячил бы свет в конце многовекового туннеля.

Не могу пожаловаться, что мои предложения не выслушали. Напротив, приняли их на «ура». Зажглись на минуту энтузиазмом интеллигентские аудитории, где я выступал. Поволновались. И все. Уже к апрелю реакция выдохлась.

Означает ли это, что наш проект должен в конечном счете стать посланием не только к западной, но и к советской интеллигенции? Думаю, что да. Думаю, что книга должна быть направлена в два адреса. Миссия ее должна заключаться и в освобождении советской интеллигенции из жестких объятий экономико-идеологического подхода к перестройке. Для того и нужны мне американские партнеры по диалогу, хорошо известные в СССР.

ВСЕ это я говорю и тому, чтобы вас не удивило в моем перечне присутствие исторических вопросов.

Все зависит, однако, от того, о каком именно деле пойдет речь в наших диалогах. Заключайся оно лишь в немедленной финансовой стабилизации, в наведении экономического порядка, как, скажем, обстояло дело в послевоенной Западной Европе, то история, быть может, и впрямь ни при чем. Но если смысл нашего дела — в необратимом возвращении России в европейскую семью, если состоит оно в тектоническом сдвиге вековых культурных слоев, в том, что реформа ваша бросает вызов самому духу политического изоляционизма, в том, что стране предстоит еще создать свой средний класс и современную производственную структуру практически из ничего, то экономический фетишизм просто близорук и опасен. Ибо, кроме истории, нет другого путеводителя по минному полю, которым вы идете.

А история говорит, что валюта, например, была конвертируемой и в конституционной России, и в Веймарской республике. Но ни ту, ни другую это не уберегло от кровавой катастрофы контрреформы. Да и от угрозы немедленного экономического коллапса можно уходить очень разными способами. Для того и вернулся я здесь к судьбе своих январских предложений, чтобы не осталось ни малейшего сомнения в том, какую роль играет история в самых практических планах выхода из кризиса. Я глубоко убежден, что в перестройке имеем мы дело не только со случаем великой депрессии в одной, отдельно взятой сверхдержаве и даже не только с тяжелейшим социальным и культурным кризисом, но и с одной из самых трагических загадок мировой истории, требующей немедленного решения.

А теперь наконец вопросы.

1. Отчего, вы думаете, так запоздала сегодняшняя попытка России прорваться к политической модернизации? Отчего страна, которой случалось быть пионером в европейской политике (скажем, в деле церковной Реформации или в провозглашении конституционной монархии), оказалась в арьергарде европейского политического прогресса? Почему все ее реформы, среди которых были и великие, неизменно терпели поражение, ведя в конечном счете лишь к брутальным контрреформам, каждый раз отбрасывая страну далеко назад, в пустыню автократического варварства? Какую роль, полагаете вы, могло играть в этом парадоксе нестандартное соотношение между европейской (либеральной) и консервативной (имперско-изоляционистской) традициями в русской политической культуре?

2. Имея в виду этот трагический опыт, каковы, по-вашему, шансы советских европейцев собственными силами, то есть без решающей поддержки Запада, совершить тот самый прорыв, который никогда в русской истории не удавался их предшественникам?

3. Если действительная их проблема коренится в гипертрофии имперско-изоляционистской традиции, а не только в командной экономике или в коммунизме, какова должна быть роль Запада в сегодняшней конфронтации русского европеизма и русского византизма? Каким способом, кроме включения в перестройку интеллектуальных ресурсов, политической экспертизы и технологического know-how цивилизованного мира, может быть преодолен этот традиционный тупик?

4. Считаете ли вы здравой и серьезной идею М. С. Горбачева, что лишь общенациональное примирение и коалиция всех политических сил страны — от западников до изоляционистов и от евреев до антисемитов — может спасти перестройку? Если вы не согласны с этой идеей, то как, на ваш взгляд, можно убедить Центр советского политического спектра, который представляет Горбачев, отказаться от нее в пользу левоцентристской западнической коалиции? Кто и при помощи каких аргументов способен вызвать в Кремле такой фундаментальный политический сдвиг, имея в виду, что радикальная Левая демонстрирует неприкрытую враждебность к Горбачеву?

5. Кто и при помощи каких аргументов сумел бы убедить антинистеблишментарную Левую отказаться от братоубийственной вражды?

6. Если вакуум авторитета действительно является ахиллесовой пятой перестройки, каким образом, полагаете вы, можно его заполнить?

7. Если ключ к успеху или провалу перестройки действительно в том, какая из двух потенциальных политических коалиций — левоцентристская или правая — сумеет консолидироваться первой, может ли Запад способствовать позитивному, с точки зрения его интересов, политическому развитию в СССР не превратившись в девятого актера?

8. Имея в виду традиционный раскол русской политической культуры, можно ли в процессе реформы обойтись без «затягивания поясов» при переходе к рынку, отрезав тем самым изоляционистскую Правую от массовой поддержки в случае политического кризиса? И если да, то кто способен убедить Советское правительство, что с голодным и несчастным народом ничего в России не перестроишь?

9. Есть ли среди могущественных экономических локомотивов современного мира хотя бы один, в чьих интересах было бы исполнить для СССР и его бывшей империи, то есть востоке Европы, ту самую функцию, которую исполнили Соединенные Штаты после второй мировой войны для ее запада? Существует ли, иначе говоря, в сегодняшнем мире потенциальный спонсор реформы, чьи интересы в мировой политике совпали бы с необходимостью возглавить перевоплощение Запада в девятого актера советской политической драмы? Если да, как привести этот локомотив в действие? И кто способен это сделать?

10. Как включить в перестройку интеллектуальные ресурсы и политическую экспертизу Запада, не ускорив при этом консолидацию контрреформистской коалиции? Другими словами, как предотвратить массовый крестовый поход против новой «оккупации России», на почве которого могли бы сплотиться изоляционисты всех фракций — от твердокаменных марксистов до черносотенной «Памяти», не помешав, в то же время, метаморфозе Запада в девятого актера?

ТЕПЕРЬ вы понимаете, друзья мои, почему мне и впрямь не обойтись без вашей помощи. Хочу лишь заметить в заключение, что я и мои единомышленники в Америке рассматриваем этот проект как самое неотложное из всех неотложных сегодня дел. Кто-то же должен объяснить миру, почему участие Запада в перестройке — императив мировой политики конца второго христианского тысячелетия. И почему третье может не наступить, если советская и западная интеллигенция не осознают наконец коренного единства своих интересов.

Я уверен, что вы разделяете это чувство. По крайней мере те из вас, с кем мы согласны в главном.

Преданный вам
Александр ЯНОВ.

НЬЮ-ЙОРК.

СНОВА ВМЕСТЕ

Фильм «Девять с половиной недель» американского режиссера Эдриана Лайна западные кинокритики ставят где-то между «Последним танго в Париже» Бертолуччи и «Мужчиной и женщиной» Лелюша. Но где бы ни располагали картину критики, зрители, и особенно зрительницы, отнеслись к ней с огромной симпатией. Не в малой степени благодаря великолепной игре актеров — исполнителей главных ролей — Ким Бэсинджер и Микки Рурка.

С не меньшим энтузиазмом поэтому было встречено известие о том, что те же актеры снимаются в новой ленте, содержание и название которой перекликается с предыдущим фильмом: «Четыре дня в феврале».

— Мы познакомились в первый день съемок и никогда не виделись за пределами съемочной площадки, — заявила журналистам Ким Бэсинджер. — Работа была очень сложной для обоих, и мы решили, что так будет лучше. О Микки я почти ничего не знаю, но рада, что мы снова будем играть вместе. Как актер Микки великолепен, а это единственное, что имеет для меня значение в жизни.

Микки Рурк — неоднозначная фигура в американском кино. Не многие актеры отваживались воплощать на экране образы людей, столь агрессивных, жестоких, эгоистичных, а иногда и просто откровенных садистов. К героям Микки Рурка все эти эпитеты можно отнести в полной мере. «Год дракона», «Сердце ангела», «Дикая орхидея» — вот лишь немногие из обширного списка фильмов, в которых он сыграл.

— Я родился в стане отверженных, — рассказывает Микки Рурк, — вырос в «плохой компании». Боксировать научился, по-моему, даже раньше, чем ходить. Моя агрессивность — это не более чем защитный механизм, выработанный временем. Что же касается Ким Бэсинджер, то я считаю ее великолепной актрисой...

Итак, Ким Бэсинджер и Микки Рурк снова вместе.

К. ЧЕРНОЛУЦКАЯ.

● *Ким Бэсинджер.*
● *Микки Рурк.*
Фото из журнала «Семана».

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОЙ ОПЕРЫ

Зигфрид на сцене и в жизни

Что мы знаем о вагнеровских певцах, о тех, чьи голоса каждым летом доносит до тысячи любителей музыки во всем мире трансляция фестиваля из немецкого «города на зеленом холме», как часто называют Байрейт! Имена Лучано Паваротти, Пласидо Доминго, Монсеррат Кабалье буквально не сходят со страниц печати, их лица знакомы даже тем, кто далек от музыки. У вагнеровского фестиваля в Байрейте свои кумиры — легендарные певцы Леонн Ризанек, Гвинет Джонс... Есть и такие, кто сравнительно недавно вошел в плеяду «звезд» мировой оперы и занял место в ряду признанных исполнителей опер Рихарда Вагнера. Один из них — немецкий тенор Зигфрид Иерусалем.

В репертуаре певца — «Фиделио», «Волшебная флейта», «Сказки Гофмана»... Но, пожалуй, самой большой творческой удачей его за последнее время стало исполнение роли Зигфрида в «Кольце Нибелунга». На недавно закончившемся Байрейтском фестивале он снова спел эту партию в двух частях музыкальной драмы Рихарда Вагнера — «Зигфриде» и «Гибели богов», подтвердив свое высочайшее мастерство, единодушно отмеченное ведущими музыкальными критиками как пример счастливого сочетания вокального и драматического рисунка роли. Газета «Зюддойче цайтунг» писала об артисте: «Он оказался тем светящимся героем-победителем, который является центром и кульминацией всей тетралогии».

Наша встреча с Иерусалемом состоялась далеко от Байрейта — в Болонье, где в одном из лучших оперных театров Италии — «Театро Комунале» шли репетиции «Зигфрида» в постановке Пьера Аппи. Потом были премьера и восторженные отзывы об исполнителе главной роли, в котором и публика, и зрители сразу «узнали» любимого вагнеровского героя.

Но все это было потом, а тогда, до премьеры, служебный вход в театр выглядел как нельзя более далеким от преддверия вагнеровского «священнодействия»: бурно обсуждался футбольный матч «Милан» — «Наполи», выходящие с репетиции люди напевали модную «ламбаду»... В этот день погода в жаркой, почти летней Болонье вдруг испортилась, и неожиданно пошел снег, но, вопреки общепринятым представлениям об изнеженных «звездах», певец, довольно легко одетый, горла не кутал, и, несмотря на очень напряженный ритм работы — 8 часов репетиций ежедневно,— не было заметно у него никаких признаков усталости. Разговор наш лишь подтвердил ранее сложившееся впечатление: «Зигфрид Иерусалем бесконечно любит музыку, и его приход в оперу не случаен».

— Вся ваша жизнь связана с музыкой: карьере оперного певца предшествовали долгие годы работы в Штутгартском оркестре радио и телевидения. Музыка — это семейная традиция?

— Нет, в моей семье не было профессиональных музыкантов, хотя отец, инженер-электрик, музыку очень любил и хотел приобщить к ней детей. Он даже продал дорогой приемник (это было вскоре после войны), чтобы купить рояль, на котором начала учиться музыке сначала старшая сестра, а потом и я. Наши друзья, а среди них была и певица, часто устраивали у нас домашние концерты, и, может быть, с тех пор у меня и возникла любовь к музыке, особенно к пению.

— Вы начали карьеру оперного певца довольно поздно. Что побудило вас обратиться к вокалу и поверить в себя?

— Я учился играть на рояле и на скрипке, затем стал заниматься в музыкальной школе по классу фагота. Пение долго было лишь моим хобби. Я уже играл на фаготе в Штутгартском оркестре радио и телевидения, когда судьба свела меня с педагогом по вокалу Гертой Кальхнер. Мы начали с ней заниматься, и буквально через две недели оказалось, что у меня есть все задатки для того, чтобы стать оперным певцом, осуществить свою давнюю мечту. А потом случилось чудо: я спел в музыкальной программе Штутгартского телевидения, заменив одного из исполнителей, и окончательно пришел к мысли, что пение — это моя судьба.

— Важное место в вашем творчестве занимает исполнение ведущих партий в операх Вагнера. Вы неоднократно пели на Байрейтском фестивале вагнеровской музыки. Что означает для вас участие в этом важнейшем для музыканта событии?

— Я еще работал в оркестре, когда первый раз выступил в Байрейте. Сначала исполнил маленькую партию в «Тристане», затем спел в «Золоте Рейна». Тогда я еще не очень хорошо представлял себе свое будущее как певца, и если бы мое выступление оказалось неудачным, то вернулся бы в оркестр. В тот момент я не ощутил полностью всей важности события: спеть в Байрейте, затем в Мюнхене, в «Метрополитен-Опера», в «Ла Скала»—для меня это было в порядке вещей. Только теперь я осознал, сколь необычными были мои первые шаги — ведь я дебютировал в самых знаменитых театрах мира. А если бы я начинал в небольших и не столь известных театрах да еще в моем возрасте... Думаю, мне долго пришлось бы ожидать признания. Кроме чудесных воспоминаний о первых шагах, Байрейт означал и означает для меня чудесную возможность работать с великолепными дирижерами, исполнителями, режиссерами.

— Вы считаете себя интерпретатором по преимуществу немецкой музыки?

— Нет, я всегда был и считал себя музыкантом и певцом широкого репертуара. По-моему, так и должно быть.

— Вас никогда не привлекал русский репертуар?

— Я спел пока только партию Ленского, но, к сожалению, по-немецки.

— Мир Байрейта поистине интернационален, однако советских певцов там нет. Многие из них прекрасно владеют итальянским репертуаром, поют в «Ла Скала» и на других оперных сценах мира. Вагнер же остается для них, к сожалению, не слишком доступным. Что бы вы посоветовали советским исполнителям в этом смысле?

— Байрейтский фестиваль — в большой степени сложившийся ансамбль, и хотя состав исполнителей меняется, все-таки выступают там в основном одни и те же. Я думаю, что ваших певцов там нет не потому, что их «не пускают» в уже сформированный коллектив, а по той причине, что они не владеют вагнеровским репертуаром. Во всяком случае мне так кажется. Главная трудность — это, конечно, язык. Партию надо учить и готовить по-немецки и обязательно с помощью носителя языка. Точно так же, как мне, скажем, предстоит готовить партию Германа с русским педагогом.

— Как вы относитесь к критике? Считаете ли вы, что критики бывают к вам несправедливы?

— А найдется ли кто-нибудь, кто посчитает критические замечания в его адрес заслуженными? Тем не менее есть несколько хороших критиков в нашем мире. Надо все же всегда иметь в виду, что речь идет лишь об одном мнении из многих. Нередко полагают, что все высказанное критиком является высшей правдой, в то время как это лишь субъективное мнение. А вообще, лучше всего не читать критику.

— Как вы относитесь к тому, что некоторые знаменитые оперные певцы занимаются рекламой различных товаров?

— Лично я этим не занимаюсь. Хотя у нас реклама проникает повсюду, певцы, к счастью, еще не появляются на сцене с рекламой «Кока-Колы» на груди. Я думаю, что помогать певцам должны были бы организации, занимающиеся вопросами культуры, а не рекламодатели.

— Вы много разъезжаете. Как это отражается на вашей жизни? Чему вы посвящаете свое свободное время, если, конечно, оно у вас есть?

— Частые поездки дают возможность многое увидеть, узнать чудесные города, новые страны, и, если есть желание, всегда можно найти свободное время для посещения музеев, исторических мест. Любаю снимать видеокамерой — это мое хобби.

— Собираетесь ли вы в Советский Союз?

— С удовольствием приеду в СССР, у меня есть приглашение дать там сольный концерт. Хотел бы осуществить эту поездку в течение ближайших двух лет. Надо только будет найти для этого время.

Наталья ПАППЕ.

Болонья.

ЗА КУЛИСАМИ ШОУ-БИЗНЕСА

Перчатка, брошенная «Диснейлэнду»

Сегодня в рубрике мы представляем новую страну чудес, открытую коллегами из журнала «Тайм» на юге США. Там, в жаркой Флориде, неподалеку от города Орландо, возник гигантский парк развлечений. Его гостей ждут увлекательные аттракционы, зрелища, встречи. В том числе, как утверждает Ричард Корлисс, автор корреспонденции, которую мы перепечатываем, и с самой Мэрилин Монро...

Стивен Спилберг хочет быть Уолтом Диснеем. Джэй Стейн хочет свести счеты с «Уолт Дисней компани». Таким образом, режиссер, создавший за прошедшее десятилетие модную индустрию семейных фильмов в старых добрых традициях Диснея, и предприниматель в области индустрии развлечений, считающий, что его идея создания специального парка-киностудии была украдена десять лет тому назад председателем «Дисней компани» Майклом Эйснером, оказались парнями, построившими студию «Юниверсал студиоз Флорида» близ города Орландо, всего в шестнадцати километрах от дороги, ведущей во всемогущий мир Уолта Диснея.

«Если вы построите это, они придут». Этот многоголосый клич из популярного фильма «Юниверсал студиоз» «Поле мечтаний» вызывает чувство, которое вдохновило Стейна и Спилберга превратить 180 гектаров кишащих змеями болот в крупнейший в США — за пределами Голливуда — кинопромышленный комплекс и прекрасный центр досуга, превосходящий по своим размерам приблизительно в два раза своего конкурента — студию Диснея. Вложив в дело 640 миллионов долларов совместно с британской «Рэнк организэйшн», они подготовились к тому, чтобы бросить серьезный вызов Диснею и привлечь к себе сердца и деньги тринадцати миллионов туристов, ежегодно посещающих центральную Флориду.

Когда «Юниверсал студиоз Флорида» наконец-то открылась (а произошло это недавно, всего три месяца назад.— Прим. ред.), люди действительно пришли, но на поле мечтаний еще нельзя было играть. Самые привлекательные аттракционы парка — две карусели с героями из «Кинг Конга» и «Челюстей», обошедшиеся в 40 миллионов долларов,— время от времени выходили из строя. Хорошо, что в последнее мгновение их удавалось починить с помощью компьютерных систем. Когда аттракцион «Землетрясение» закрылся на ремонт, стоявшие в очереди сердито потребовали хором: «Верните деньги!» И получили их. Другие люди, простояв в ожидании около двух часов, насладились все-таки прелестями одного из двух работавших аттракционов.

Эти задержки стали еще одним препятствием на сизифовом пути Стейна к осуществлению его мечты — созданию парка. Впервые он предложил эту идею два десятилетия тому назад компании «Парамаунт», председателем которой до перехода в «Дисней компани» был Эйснер (Эйснер утверждает, что он не присутствовал на той встрече). Последний в прошлом году нарушил предварительную договоренность и отказался стать одним из спонсоров Стейна «Синеплекс одеон». И все-таки Стейн стоял на своем, как акула из «Челюстей», выслеживающая новую жертву. За несколько недель до открытия парка он продемонстрировал не законченные еще к тому времени аттракционы десяткам журналистов. Своим рекламированием Стейн до такой степени ввел в заблуждение некоторых репортеров, что они передали свои ощущения, услужливо написав, что аттракционы полностью готовы и парк ждет посетителей.

Итак, что вы хотите за 30 долларов 74 цента? И что в конце концов вы получите? Как и в парке Диснея, в «Юниверсал студиоз Флорида» по улицам бродят известные герои, однако вместо Минни и Минни здесь можно встретить Франкенштейна или Мэрилин Монро. Как и в парке Диснея, вы приобретете самую разнообразную пищу, только в «Юниверсал» она будет ароматнее, вкуснее и утонченнее.

Спилберг называет аттракционы «жутко забавными». У простодушных туристов, находящихся на переполненной до отказа карусели-лодке, захватывает дух, когда акула щелкает зубами и описывает смертельные полукруги вокруг судна. Рядом с другой каруселью громадная обезьяна, отвратительно кривляясь, заманивает посетителей в вагончики подвесной железной дороги; они выглядят превосходно, однако им бы не помешало двигаться чуть-чуть быстрее.

«Юниверсал» вовсе не хочет, чтобы вы (а также кинематографисты из Голливуда) забывали о том, что парк — это действующая киностудия, где на любой улице посетители могут повернуть за угол и увидеть, как снимается настоящий фильм. Такие зрелища учат непрофессионалов кинематографии и истории кино. В павильоне Альфреда Хичкока посетители могут взглянуть в бинокль на искусно выполненную модель внутреннего дворика замка, вид на который открывался Джеймсу Стюарту в «Заднем окне».

Противопоставлять «Дисней компани» и «Юниверсал студиоз»—значит сравнивать яблоки в сахаре и пластмассовые апельсины. Те и другие стоят денег. Спилберг называет свое предприятие «работой, которая продолжается». Предпочитая глядеть в будущее с надеждой, он создает новые аттракционы — «Захватывающий приключенческий фильм» и «Назад в будущее». «Пройдут годы,— предсказывает он,— и никто не вспомнит, что это чудесное место испытывало адские муки, когда у него прорезывались зубы». Возможно, Спилберг упомянул также о казусах — закрытых на замок решетках у ворот аттракционов и готовых вобутоваться посетителях,— которые омрачили в 1955 году дебют маленького калифорнийского парка, получившего название «Диснейлэнд».

● *Веселые встречи в стране чудес.*

Фото из журнала «Тайм».

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: НОВАЯ ВОЛНА

Взрослый человек, случайно попавший на концерт «Ласкового мая», если он наблюдателен и смотрит не на сцену, а в зал, переживает настоящий шок. Реакция обезумевших подростков, особенно девочек, ошеломляет: вот разбитная на вид девчонка лет тринадцати вскочила на стул и изо всех сил размахивает над головой курткой. Другая, совсем еще малышка, сидит, прижавшись к бабушке. Ее взгляд, ничего не выражающий и пустой, не отрывается от скачущего по сцене мальчика, а из глаз текут слезы. Зал в экстазе. Средний возраст зрителей лет 15—16. Неужели они сами выбрали своих кумиров? Неужели кумиры сами добились такого ошеломляющего успеха? О том, «как это делается в Америке», нам рассказывает журнал «Тайм», статью из которого мы сегодня перепечатываем. Наш родной шоу-бизнес пока, несомненно, не достиг такой отточенности в своей деятельности, но, думается, работа идет именно в этом направлении.

Поближе к сердцу и кошельку

«Вырастая в Бостоне и танцуя на его улицах, видишь много интересного»,— говорит Дэнни Вуд. Однако такого не увидишь даже в Бостоне.

Сцена будто превращается в риф среди Саргассова моря бушующих подростковых гормонов. Вуд со своими четырьмя приятелями, известными как «Нью кидз он зе блок» («Новенькие в квартале»), танцуют и поют, исполняя брейк-данс и рэп, а в это время тысячи подростков бьются о собственный экстаз. Зрители кричат. Визжат. Рвут на груди фирменные футболки с надписью «Нью кидз» (двадцать долларов штука). Бренчат фирменными значками «Нью кидз» (восемь долларов за три). Наконец, расходятся — охрипшие, вспотевшие, довольные и с полегчавшими кошельками. Эта группа современных поп-идолов выбрала отличное место — поближе к сердцу и кошельку.

«Милли-ванилли». Мадонна. Пола Абдул. В наши дни нельзя быть поп-звездой, не умея танцевать. И на пуантах тебя держат не хореограф с тренером, а возвышающая сила будущих доходов, размер которых зависит не от исполнения, а от рейтинга исполнителя. Шоу-бизнес—это новейшее американское спортивное зрелище. Количество недель, в течение которых песня удерживается на первом месте, имеет решающее значение для любого, кто хочет остаться в игре.

Такого рода показателями вполне могут похвастаться «Нью кидз». К сегодняшнему дню только в США распродано 17 миллионов копий их альбомов; пять «синглов» группы входило в пятерку лучших, а трем из них удавалось подняться до первого места. Уже на второй неделе после выпуска их новый альбом — «Шаг за шагом» — вышел в лидеры. По тому же пути идет и новый «сингл» «Сегодня вечером». Три сборника видеоклипов «Нью кидз» разошлись миллионными тиражами, побив рекорд Майкла Джексона.

Рынок, товар всегда играли значительную роль в жизни, однако никогда они не занимали столь видного места, как сегодня, и никогда так тесно не соотносились с личностью певца. Ведется спор о том, поют ли «Нью кидз» на концертах «живую» или под фонограмму, а также гораздо более жаркие дискуссии по поводу того, как аккуратненько «Нью кидз» были упакованы и проданы. Финансовый феномен «Новеньких» составляет часть творческого опыта группы. Джордан Найт, его 20-летний брат Джонатан, Дэнни Вуд (ровесник Джонатана), 20-летний Донни Уолберг и 17-летний Джозеф Макинтайр — такие же блестящие легкие и стильные, как пара кроссовок «Эйр Джордан». Аудитория (в большинстве своем представленная белой частью женского населения) собирается, чтобы насладиться их движениями и музыкой. Но их концертные шоу, не лишенные, впрочем, очарования и живости, превращаются в неприкрытую коммерческую рекламу того, как добиться в жизни больших денег.

Рекламные калькуляции играют для поп-звезды решающую роль в процессе выживания и утверждения собственного «я». Мадонна меняет сценические образы, словно сбрасывает змеиную кожу: непослушная девочка-игрушка для мальчиков; дерзкая феминистка; томная секс-бомба; Мэрилин Монро, возродившаяся, как джинн, из пузырька с пероксидом. На данный момент она хитрее и одареннее любого другого, играющего в эту игру, но все ее «индивидуальности» имеют одну общую черту: они надоедливо, откровенно искусственны. Их основа — трезвый расчет. Они упиваются им и побуждают зрителей делать то же самое.

Действительно, «Нью кидз» — это пример того, как умение продавать и добиваться успеха вновь выходит на первый план в поп-культуре. По некоторым расчетам, их выступления в этом году принесут 400 миллионов долларов — включая сумму, вырученную во время концертов за продажу товаров с символикой группы. Гигантские экраны развлекают толпу в перерывах, когда проводятся «мини-конкурсы» на тему «Нью кидз» (вопрос: кто любимый певец Джордана? — ответ: Фрэнк Синатра), и неоднократно упоминается «Макдоналдс» — спонсор группы в турне по США. «Это замечательная, любимая всеми американцами группа, обладающая такого же рода семейными ценностями, как и «Макдоналдс», — объясняет Дэвид Грин, старший вице-президент компании по маркетингу.

В отличие от старшего поколения музыкантов «Нью кидз» вовсе не боятся оказаться в корпоративном совладении. Эти ребята смотрят на спонсорство просто — как на еще один признак внезапно нахлынувшего на них успеха. «Поклонницы бегают за мной, «Макдоналдс» предлагает нам поддержку — по мне, так это успех,— говорит Уолберг, негласный лидер группы.— Раньше у меня не было ничего, кроме талонов на бесплатное питание. Так что я не скажу: да ну его, этот «Макдоналдс»! Я говорю: хотите со мной работать?»

На концерте «Нью кидз» работают все. Ребята поют (да, иногда и под фонограмму), скользят и кружатся по сцене, демонстрируя конгениальную смесь аккуратной хореографии в старом стиле «Моутаун» и суперсовременных движений из уличного танца. Хотя при случае они и вращают тазом, эти движения, как и все остальные, выполняются с высокой скоростью и в меру сдержанно.

Без всех этих старых атрибутов рок-н-ролла «Нью кидз» предстают перед публикой такими, какие они, в общем-то, есть на самом деле: бодренькие, кипящие энергией поп-удальцы, которым ударил в голову собственный успех. Если они продукт поп-культуры, то должны давать хорошую прибыль. «Невозможно создавать крупные исполнительские образы, если за ними изначально нет чего-то большого»,— замечает Джефф Голд из «Уорнер бразерз».

«Большой» человек, стоящий за образом «Нью кидз»,— это Морис Старр, 36-летний продюсер, автор песен и ловец талантов из Бостона с солидным послужным списком. Он собрал «Нью кидз» вместе в 1984 году и до сих пор является автором и соавтором большинства песен группы, а также крепко держит руку и на штурвале, и на кассе. Старр действовал проницательно, по проверенному методу. Он рыскал по улицам Бостона в поисках группы талантливых ребят. Затем подобрал звучание в свободном стиле, смешав негритянский ритм и чистый «поп», отрепетировал с музыкантами несколько лет и увидел, что... ничего не получается.

«Поначалу было много осечек»,—признается Джонатан Найт. Первый альбом, записанный в 1986 году, «застрял». Второй, «Крутая тусовка» (1988), разошелся по всему миру в 11 миллионах экземпляров, но, по мнению менеджера Дика Скотта, «он не только долго раскачивался, но и вообще чуть не умер». Если у Старра и Скотта и была какая-то формула для «Нью кидз», то она не работала. «Катализатором» стал диск-жокей из Тампы, штат Флорида, который начал вовсю крутить песню «Пожалуйста, не уходи, девочка». Тогда «Нью кидз» отправились в дорогу и стали выступать в качестве «разминочной» группы перед концертами кумира подростков того времени Тиффани. «Я думаю, все эти молоденькие белые девочки, увидев нас, просто влюбились», — смеется Найт. Анализ Скотта: «Сначала «Коламбиа рекордз» попыталась сделать из «Кидз» черную группу, что и провалило все дело. Успех пришел,—говорит он,—только тогда, когда дело в свои руки взяли поп-дельцы и «Нью кидз» смогли стать тем, что они есть сегодня — «идеальной группой для средних американцев».

Публикацию подготовил

П. ЧЕРНЫШЕВ.

● *Группа «Нью кидз».*

● *Восторженные поклонники.*

Фото из журнала «Тайм».

1 октября Китайская Народная Республика отмечает свой национальный праздник — День провозглашения республики, а 3 октября — день, знаменательный уже для обоих наших народов и государств, ибо именно тогда, в 1949 году, Китай установил дипломатические отношения с СССР.
По-разному складывались отношения наших стран за прошедшие десятилетия. Но какие бы политические ветры ни овевали их, мы никогда не переставали восхищаться великой и древней культурой китайского народа, его глубокой и мудрой философией, изумительным искусством — всем тем, что стало достоянием мировой сокровищницы духовных ценностей.
К числу выдающихся представителей современного китайского искусства, несомненно, относится и лауреат Международной премии мира, художник Ци Байши, в творчестве которого так органично сплелись традиции и древней, и современной живописи, выраженные в чрезвычайно индивидуальной манере. Сегодня, когда перед народами наших стран вновь открываются широкие горизонты дружбы, согласия, взаимного обмена, мы с благодарностью и восхищением вспоминаем творчество великого китайца.

МЕЖДУ СХОДСТВОМ И НЕСХОДСТВОМ

Ци Байши, человек и художник

ТВОРЧЕСТВО Ци Байши, чье подлинное имя — Ци Хуан (Байши — псевдоним, взятый им в пору, когда уделом его стала широкая известность), долго не было широко известным. Он родился в крестьянской семье более чем среднего достатка в провинции Хунань. Но о раннем периоде жизни будущего великого китайского художника, лауреата Международной премии мира, мало что достоверно известно. Достоверно, пожалуй, лишь то, что мальчик А-ци (так ласкательно его называли в детстве) был физически очень слабо развит, и приспособить его к тяжкой крестьянской работе было трудно. Поэтому родители решили поощрять его тягу к ремеслу: в том числе и к художеству разного рода, склонность к которому мальчик проявлял с самого раннего детства.

Это было не просто мудрое, а подлинно счастливое решение. Вряд ли крестьяне-труженики, родители маленького А-ци, предполагали, что ему суждено стать величайшим художником великой страны, мудрым «старцем трехсот каменных печатей», живописцем, оставившим нам десятки тысяч своих тончайших лирических произведений и целый ряд глубочайших высказываний о возможностях и сути искусства живописи, о его философском смысле и назначении.

Как у каждого китайского интеллигента, тем более у художника с его природной склонностью к максимально обобщенным, начисто лишенным потребностей и назойливых детализаций (помните: «отсеки все лишнее...»), у Ци Байши было ярко выраженное стремление к лаконичным, метким и острым, как удар стрелы, афористичным высказываниям, излагавшим философскую суть явления вполне определенно. К преклонному возрасту Ци оставил нам несколько таких коротких высказываний, которыми он исчерпывающе точно обрисовал круг своих представлений о целях и задачах живописи, о специфических особенностях национальной китайской школы в изобразительном искусстве. Строго говоря, эти высказывания характеризуют вообще китайскую манеру мыслить и выражать.

По-китайски избранный Ци Байши стиль обозначается: «се и».

Буквально это означает «писать идею», «выражать смысл». Способу «се и», однако, есть конкурентный выбор: способ «гун би», что означает «щедрая кисть» или «тщательная прорисовка». Соответственно «се и» стремится выразить главное в изображаемом, его сути, а «гун би» сосредоточивается на максимально подробном описании свойств предмета.

Выбор между «се и» и «гун би» — дело, конечно же, пристрастий того или иного художника, дело, бесспорно, добровольное. Для Ци Байши вопроса тут не было. А вот собственное высказывание художника на эту тему: «В живописи секрет мастерства находится между сходством и несходством... Излишнее сходство — заигрывание с обывателем, несходство — обман. Чересчур похоже — это передразнивание природы, а недостаток похожести свидетельствует об отсутствии уважения к ней»...

Философичность этого высказывания — тоже в традициях китайского искусства, уходящего корнями в глубь веков. Но, чтобы понять творчество такого живописца, как Ци Байши, полезно заглянуть в традиции веков предшествующих.

> **«В живописи секрет мастерства находится между сходством и несходством... Излишнее сходство — заигрывание с обывателем, несходство — обман...»**

ПРИНЦИПЫ живописного мастерства в Китае оформились еще к V веку нашей эры. Главным в этом своеобразии было преобладание пейзажной живописи с изображением «главных героев» пейзажа — вод и гор.

И хотя живопись Китая развивалась преимущественно в среде феодальной знати, но в ее самобытности с большой силой выразились народные представления о прекрасном, свойственное китайцам чувство поэтизации и одухотворения природы. А — с другой стороны — реалистическое стремление к выражению в искусстве вполне конкретных явлений повседневной жизни.

Повествовательность, свойственная китайской живописи, внутренняя динамика, характеризующая ход отраженных в его произведениях событий, властно продиктовали форму этих произведений, возвели ее в канон своего рода. Отсюда пристрастие к использованию длинных свитков для фиксации постепенно развивающихся этапов состояния людей и предметов, участвующих в событии. Создается впечатление своего рода многокадрового «мультипликационного» решения, подробно описывающего то или иное событие, — чисто бытовое, жизненное или имеющее немалое общественное звучание. Относительная простота решения компенсировалась тщательной и мастерской прорисовкой всех деталей, часто являвших пример живых наблюдений за жизнью, характерным проявлением человеческих характеров и точно подмеченных повадок животных.

Эти особенности национальной живописи и художественные приемы, разработанные в VIII—XIII веках, досконально изучил Ци Байши, ставший одним из видных последователей стиля национальной живописи «го хуа». Мастера «го хуа» предпочитали живопись акварелью или цветной и черной тушью, работая по бумаге особого сорта или по шелку. Любимая тематика тысяч созданных им картин — родная природа, растения и цветы родной Хунани, птицы и насекомые, увиденные художником в лесах и лугах родной провинции.

Из анализа крайне сжатых, философски лаконичных высказываний Ци Байши можно заключить об исключительной серьезности подхода художника к своим задачам, о глубине чувствований человека, наделенного тонким вкусом и незаурядной работоспособностью, а главное — умением читать открытую книгу природы, понимать ее скрытый от «непосвященных» язык.

В свое время китайские искусствоведы — специалисты по традиционной живописи — считали Ци отошедшим от священных традиций еретиком, нарушителем живописных табу. На самом деле Ци Байши чрезвычайно ценил и уважал своих предшественников и не раз повторял, что принцип его работы — «пользуясь древним, раскрывать современное». И еще — «я самобытен во всем, если бы предшественники могли видеть мои работы, они выразили бы одобрение...»

Работая в полном соответствии с этими высказываниями, художник поднялся в своем творчестве до значительнейших высот, и, даже изображая традиционные для китайского искусства ситуации и мотивы, он находил особенные, открывшиеся ему в современности черты, соединяя день вчерашний, хорошо знакомые людям мотивы с живой, не останавливающейся на полпути жизнью. Так его «персонажи» — богомолы, лягушата, креветки, забавные цыплята — обретали вдруг, ничуть не теряя в своей хорошо знакомой традиционной природной многовековой изящности, известные народу черты завзятого бюрократа-чиновника, шумливых проказников - школьников, драчунов и пустобрехов.

Ци Байши мастерски воплощал в повадках своих постоянных «героев»-персонажей извечную человеческую комедию, ничуть не нарушая естественность их поведения, не изображая «маски», а находя в животных, птицах и насекомых человеческое, попутно утверждая всеобщность и единство жизни.

Больше всего старый, девяностолетний Ци Байши опасался попыток копирования жизненных проявлений, равно как и подражания старым мастерам. Если стремиться исключительно к парадоксальному копированию внешности объекта, то даже реалистическое произведение не вызовет ничего, кроме скуки, — учил он. «Маленькие открытия», которые он делал ежедневно, наблюдая жизнь и изучая повадки живых существ, позволяли живописцу подмечать такие детали в поведении своих «персонажей», которые оставались незамеченными десятками других, не менее талантливых, но, видимо, не таких наблюдательных художников.

Об исключительной способности Ци Байши, наблюдая, открывать, а, открывая, подмечать тонкую поэтичность жизни, говорят чудесные стихотворные строчки, которыми старый мастер часто сопровождал свои картины. Вот, скажем, надпись на свитке «Курица, бабочка и цветок»:

В маленьком зале нет
пыли мирской,
тихи шаги людей.
У кущи цветов
лазоревый источник.
Чего это испугалась курица?
Лишь тень бабочки в косых
лучах солнца...

А вот другая надпись на картине «Ловля на леску мелких рыбешек»:

Ветер подует, и оживают
ивы вокруг.
Нет волн, и можно
сосчитать чешуйки
на рыбах в пруду.
Это вот как раз и делает
радостной жизнь человека,
Вечернее солнце; силу
улыбнись беззаботным
взором в марево заката».

В музыку этих стихотворных строк надо вслушаться. Она в буквальном смысле слова эквивалентна деяниям кисти замечательного художника-лирика, обнаруживая его удивительную искренность, — рисовал ли он нежных головастиков, резвящихся в пруду, или писал стихи...

МЫ не поймем суть оставленного нам наследия Ци Байши, если не обратим свой мысленный взор на многочисленные «свидетельские показания» — его собственные и его современников, прилежно изучавших опыт гениального художника, его манеру письма, его предпочтения и то, что он исключал из поля своего внимания, считая не заслуживающим внимания.

Невнимательному, нелюбопытному человеку это может показаться незначительным, не так уж важным. Но это не так. Когда речь идет о китайском искусстве, такое пренебрежительное отношение к так называемым «пустякам», к самым неявным «тонкостям» предметов и настроений оборачивается утратой способности чувствовать, сопереживать и, соответственно, изображать. Ибо в основе всякого реального, правдивого изображения лежит чувство, человеческое чувство, открытое и отзывчивое прекрасному.

Здесь приходится поневоле вернуться к сомнительному постулату о вреде поисков секрета мастерства настоящего живописца — именно между кажущимся сходством и явным несходством. Пространство, вместившее это противопоставление, не слишком велико. Но философский его смысл принципиален и красноречив.

Правда, человеку, к которому обращается художник, необходимо, проявив некоторое понимание условности, войти в эту эстетическую систему, где недоговоренностям отводится столь же значительное место, что и внешним признакам избранного образа, и порой эти «недоговоренности» говорят зрителю куда больше, чем все перечисленные формальные признаки. Ведь художественное произведение становится художественным именно тогда, когда, отбросив указанные формальные, внешние признаки, сосредоточивает внимание лишь на нескольких, или даже на одном доминирующем признаке, обыгрывая самое главное, что предположил автор-художник, — не конкретный предмет, не какой-либо из его признаков, а именно жизнь, со всеми ее атрибутами или в крайнем случае хотя бы некоторое проявление жизни.

Вот что больше всего ценится в китайской живописи, вот что составляет ее суть, ее истинный предмет, главную тайну ее очарования. И пробиться к этой тайне очень непросто. Иногда для этого не хватает пространства всей жизни.

«Между сходством и несходством...» — эта наиболее емкая и содержательнейшая формула Ци Байши, к которой он не раз возвращался в своих непрерывных поисках нового, в непосредственном и тонком восприятии реальной действительности, заслуживает более углубленного анализа. Но прежде чем приступить к этому, следует заметить, что Ци Байши всегда стремился к передаче основной мысли, главного в образе, он выступал против бездумного создания бессодержательных пустячков, против чисто формалистических изысков и ухищрений. Никогда не забывал он, что основная задача художника — воспевать великую неисчерпаемую и глубоко волнующую человека природу.

> **«...Пришедшие через столетия будут иметь обо мне свое справедливое мнение».**

В СВОИХ мыслях и мечтаниях он уносился далеко, к берегам полноводной Янцзы, к суровым красотам озера Дунтин, к субтропическим пейзажам Хайнаня. Он верил в прекрасный мир, полный жизни и света. Восходы солнца стали его любимой темой в пейзажах. Достаточно посмотреть его листы знаменитой серии «Виды горы Цзе», свиток «Восход солнца», «Одинокий парус на озере Дунтин», чтобы убедиться в этом. Водная гладь в пейзажах Ци Байши почти никогда не бывает спокойной: вздымаются утесами волны, между ними промелькнет робкий луч солнца или неверный отсвет луны...

Образы пейзажей, их композиции навеяны впечатлениями детских лет, неизбывной жаждой простой, безыскусственной жизни, среди стад и лесов, на лоне природы, когда обычный дождь воспринимается как великий дар жизни. На одном из свитков Ци Байши поместил стихи:

...Я рисовал, и дети мои
не знали голода.
Соломенная крыша
не протекала и пахло
ароматом цветущих
абрикосов.
Это жизнь. Невыдуманная,
не играющая изысками
«высокого стиля».
Простая и достоверная.

Григорий ОГАНОВ.

● *Кисти, тушечница и орхидеи (верхний рисунок).*

● *Зимородок.*

● *«Старик — падать не привык».*

● *Цыплята.*

● *Одинокий парус.*

К 95-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«...С ЛЮБОВЬЮ И ВЕРОЙ В ЕГО ПОБЕДУ»

В 1975 году в августовском номере журнала «Молодая гвардия» среди других были опубликованы и такие дарственные надписи С. Есенина:

«Милому Всеволоду с любовью и верой в его победу. С. Есенин. 1921».

«Милому Всеволоду всегда любящий Есенин».

Публикатор без всяких объяснений, как само собой разумеющееся, адресовал эти надписи писателю Всеволоду Иванову и датировал их декабрем 1921 г. В частности, писал: «Новые (здесь публикуемые) экспромты поэта Вс. Иванову относятся к декабрю 1921 года и свидетельствуют о том, что Есенин подружился с писателем сразу же после первого знакомства с ним (можно даже предположить, что эти надписи сделаны поэтом в день первой встречи с Вс. Ивановым)».

На основании каких данных эти надписи отнесены к Вс. Иванову, для читателя остается загадкой, равно как и определение даты их написания — декабрь.

Между тем трудно поверить, чтобы надпись «всегда любящий» могла быть сделана Есениным в первый день знакомства с человеком, который, как пишет Вл. Базанов, «лишь незадолго до этого приехал из Сибири учиться писательскому ремеслу».

При ближайшем рассмотрении оказывается, что надписи эти обращены к Вс. Э. Мейерхольду, с которым С. Есенина связывала большая творческая дружба, и дарственные надписи на «Пугачеве» — еще одно тому подтверждение. Но изложим все по порядку.

9 сентября 1919 года в письме к своей знакомой О. В. Сафоновой Вс. Э. Мейерхольд сообщает: «задумал написать две драмы «Улыбка Афанасия», посвящаемая Вам, друзья — романтическая трагедия о Димитрии убиенном и иноке Григории. В последней пьесе я сотворю лишь сценарий, стихи даст друг мой Борис Алперс». Ставший впоследствии известным историком театра и театральным критиком Б. Алперс стихи по разработанному Вс. Э. Мейерхольду сценарию не написал.

«Потом, — вспоминал Мейерхольд, — я предлагал разработанный мною сюжет Сергею Есенину и Марине Цветаевой... Марина Цветаева отказалась от сотрудничества с Мейерхольдом, о чем публично заявила в прессе. Есенин предложение принял.

В 1936 году на репетициях пушкинского «Бориса Годунова» Вс. Мейерхольд, объясняя сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», вспоминал, что когда в 1919 году он был арестован деникинской контрразведкой и «сидел в тюрьме в Новороссийске», то в руках у него оказался томик Пушкина с примечаниями историка Поливанова. «И в том, — говорил Мейерхольд, — сочинил сценарий, который потом предложил Есенину. Я сказал ему, что дам ему сценарий, и чтобы он на основании этого сценария написал драму в стихах».

В дошедших до нашего времени наметках репертуарных планов «Театра РСФСР-Первого» упоминается пьеса Вс. Мейерхольда, В. М. Бабутова и С. А. Есенина «Григорий и Димитрий» — несомненное свидетельство того, что предложение Мейерхольда было принято Есениным.

Вс. Мейерхольд заведовал в тот период художественной частью этого театра, а В. Бабутов — постановочной и был фактически его заместителем.

Есенин, приняв предложение Вс. Мейерхольда, приступил к его осуществлению. Иван Грузинов в воспоминаниях о Есенине рассказывает, что летом 1920 г. Есенин читал ему драматический отрывок, действующими лицами которого были «Иван IV, митрополит Филипп, монахи, и кажется опричники». Зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа была, по свидетельству мемуариста, «близка к характеристике, сделанной Карамзиным в его «Истории государства Российского». «Иван IV и Филипп, если мне не изменяет память, — продолжает мемуарист, — говорят пятистопным ямбом. Два других действующих лица, кажется, монахи, в диалогах описывают тихую лунную ночь. Их речи полны тончайшего лиризма... Не знаю, сохранился ли этот драматический опыт Есенина». Драматический отрывок, упоминаемый И. Грузиновым, до сих пор не найден. Не располагая его подлинным текстом, нельзя говорить о его идейной направленности и тем более о его художественных достоинствах, но если верно свидетельство мемуариста, что зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа «близка к характеристике, сделанной Карамзиным», то симпатии Есенина были на стороне Грозного.

Обращение Есенина к героическим страницам борьбы русского народа за свою независимость в начале XVII века — несомненное свидетельство интереса поэта к сложным периодам отечественной истории, в которых решающую роль играли народные массы...

Пьеса не была написана. Может быть, Есенин, не желая следовать сценарию, разработанному Мейерхольдом, охладел к этому замыслу. «(...) поэты — люди гордые и любят выдумывать сами», — скажет позднее Мейерхольд о неудаче с созданием этой пьесы.

Однако эта неудача не убавила интереса режиссера к поэзии и драматургии поэта. И он решил дать сценическую жизнь его драматической поэме «Пугачев».

После закрытия «Театра РСФСР-Первого» 14 января 1922 года Вс. Мейерхольд обратился в Коллегию Наркомпроса и Главполитпросвет с официальным письмом, в котором, сообщая об организации театра Главполитпросвета, писал, что составленная им труппа среди других пьес «предполагает осуществить на большой сцене постановку «Пугачева» — сочинение Сергея Есенина.

О намерении Вс. Мейерхольда дать сценическую жизнь есенинскому «Пугачеву» свидетельствуют многие современники. Среди них Игорь Ильинский: «...Маяковский был «футуристом», Есенин — «имажинистом». Общим у них был бунтарский дух, желание утверждать в жизни новый, свой, неповторимый поэтический стиль. Они хотели вынести свои стихи и читать их на площадях и бульварах... Немудрено, что Мейерхольд обратился к Маяковскому и Есенину как к первым своим драматургам. И они с радостью откликнулись, стремясь помочь становлению нового театра...»

По свидетельству И. Грузинова, Есенин заявлял себя сторонником театра Мейерхольда, который полагал, что главная роль в театре должна быть отведена слову, что, безусловно, было близко Есенину.

Но это была только одна сторона дела. Есенину, несомненно, импонировало в Мейерхольде не только отношение к поэтическому слову, но и его гражданская позиция. Есенин увидел в Мейерхольде человека близких идейно-творческих устремлений.

26 июня 1922 года решением художественного подотдела МОНО Театр революционной сатиры был преобразован в Театр революции, которым первые два сезона руководил Мейерхольд. И вновь есенинский «Пугачев» в планах этого театра. Он был утвержден к постановке в сезон 1923/24 года.

Есенина и Мейерхольда связывала большая личная дружба. Мейерхольд проявлял по отношению к нему редкостное внимание, заботу и предупредительность, не оставляя своего друга и в экстремальных ситуациях. М. Старцев, близко знавший Есенина, вспоминал:

«Успокоить взбудораженного вином Есенина было нелегко и редко кому удавалось. Умел только ладить с Есениным в такие моменты Мейерхольд. Как сейчас помню такую картину: после масленичных блинов, сдернутая Есениным на пол скатерть и посуда, разбежавшиеся по другим комнатам гости, в углу на кровати лежит Есенин, рядом с ним, обхватив его голову, нежно поглаживая по волосам, успокаивает его Мейерхольд. Через несколько минут Есенин приходит в себя, плачется — его все беспокоят, ему все надоедают, заставляют жить у всех на виду, — затем, обращаясь к Мейерхольду:

— Ты, Всеволод, гениальный, замечательный! Ты на меня не сердись. Это я так. Пройдет».

В феврале 1923 г. собираясь в заграничную поездку, Вс. Мейерхольд хотел повидаться там с Есениным. В письме к Ирме Дункан (приемной дочери Айседоры Дункан) он писал 9 февраля 1923 года:

«Уважаемая мисс Ирма Дункан, прошу вас сообщить адрес мадам Айседоры Дункан и Сергея Александровича Есенина.

Говорят, они уже в Берлине. Мне необходимо застать их еще там, так как имею кое-какие поручения С. А. Есенину по делам литературным.

С приветом Вс. Мейерхольд».

Зная, что в те дни Мейерхольд был занят планами постановки есенинского «Пугачева», нетрудно догадаться, о каких литературных делах он намеревался говорить с Есениным.

После всего этого становятся понятны и надписи Есенина на «Пугачеве», и деталь, показавшаяся Вл. Базанову всего лишь «любопытной», почему С. Есенин сделал одному и тому же лицу две надписи на одной книге, и почему этой книгой оказалась драматическая поэма «Пугачев».

Виталий ВДОВИН.

программа передач

С 1 ПО 7 ОКТЯБРЯ

ПОНЕДЕЛЬНИК — 1 октября

БОЛЬШОЙ ТЕННИС — В МОСКВЕ

— 2 пр., 20.55.

В течение всей недели в это время ЦТ будет вести трансляции, которые наверняка соберут перед телеэкранами всех поклонников тенниса. Речь идет о женском профессиональном турнире, организованном могущественной компанией «Крафт Дженерал Фудс» из США. Это всего лишь второе событие такого ранга в Москве. Призовой фонд турнира — 100 тысяч долларов, в борьбу собираются вступить от 40 до 50 участниц, и среди них — немало знаменитостей.

Эти крупные соревнования станут в то же время репетицией перед первым в Москве мужским профессиональным теннисным турниром «Кубок Кремля». Он состоится с 4 по 11 ноября этого года. Ожидается, что среди его участников будут по крайней мере пятеро из первой мировой десятки.

ГДЕ ЖЕ ГЕРОЙ?

— 1 пр., 23.50.

Передача о конфликте, случившемся еще весной этого года в Московском театре имени М. Н. Ермоловой, названа «Разговор в отсутствие героя». В ней не участвует Валерий Фокин, тогдашний художественный руководитель и главный режиссер театра. А жаль. Стараясь понять конфликт, всегда лучше выслушать обе стороны. Большинству актеров показалась неприемлемой идея В. Фокина на месте здания Театра им. Ермоловой построить СП «Театр. Центр» с отелем «Ермолова», барами и магазинами и лишь маленькой сценой и небольшим зрительным залом. Были разногласия и по многим другим, в том числе и репертуарным вопросам. В результате в тот момент, когда была готова эта передача, и ее почему-то несколько раз снимали с эфира, труппа оказалась без главного режиссера. Сейчас, правда, эта проблема уже решена. Коллектив возглавил Владимир Андреев. Но играют лишь на Малой сцене и выездные спектакли. Основная сцена закрыта.

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Мультфильм. 8.50 — «Большая перемена». Тел. худ. фильм. 1-я с. 9.55 — Футб. обозр. 10.25 — «Тропинка, которая ведет к храму». Тел. док. фильм. 11.00 — Песни Поморья. 11.25 — Очевидное — невероятное. 12.30. 15.30. 18.30. 21.00. 0.05 — ТСН. 15.45 — Приметы фестиваля. 16.15 — Тел. док. фильм. 16.50 — Концерт. 17.25 — Детский час. 19.00 — Движение без опасности. 19.45 — Актуальное интервью. 19.55 — Тел. худ. фильм «Большая перемена». 1-я с. 21.40 — Коллаж. 21.45 — Умберто Джордано — «Андре Шенье». Фильм-опера. 23.50 — «Разговор в отсутствие героя».

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.15 — Науч.-поп. фильм. 8.35 и 9.35 — Литература. 9-я класс. 9.05 — Итальянский язык. 10.05 — «Андрей Рублев». Науч.-поп. фильм. 10.35 и 11.35 — История. 6-я класс. 11.05 — «ТелеЭКО». 12.05 — «Сергей Яковлевич Лемешев». Тел. док. фильм 13.20 — О павлово-посадских платках. 13.50 — Сеанс повторн. телефильма. «Веселые холостяки». 15.10 — Док. фильмы 17.00 — Гостелерадио Марийской АССР. 17.30 — «Запретный город». Науч.-поп. фильм. 1-я и 2-я с. 18.30 — Время. 19.00 — Тел. муз. абонемент. А. Шнитке. 19.55 — Коллаж. 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — «Пресс-клуб» представляет...» 20.55 — Теннис. 21.40 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.40 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.40 — «С вечера до полудня». Тел. худ. фильм. 1-я с.

ВТОРНИК — 2 октября

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

— 1 пр., 22.10.

...«Теоретнее наше положение я воспринимаю, как возвращение на Родину. Босые, с побитыми ногами, измученные, голодные, мы возвращаемся. А Родина, поруганная, истоптанная, вся разграбленная... С чего начать восстановление? Конечно, с покаяния, со слез. Надо вымаливать прощение у своей земли, чтобы не потерять ее вообще»,— так выдержкой из последнего перед смертью интервью замечательного актера Г. Буркова начнется очередная литературно-художественная программа «Слово».

Тема покаяния — и в сюжете, посвященном 95-летию С. Есенина, и в рассказе о возрождаемом в слободе Варница под Ростовом, где родился Сергий Радонежский, старинного монастыря. Причем все это добровольно делается руками четырех монахов.

Наверняка заинтересует зрителей и беседа с болгарским врачом-экологом, кандидатом философских наук Т. Дичевым о том, какую угрозу всем нам представляют последствия деятельности экстрасенсов.

У ВАС В ГОСТЯХ

— 1 пр., 19.25.

На этот раз в цикле «Недипломатические беседы» политобозреватель ЦТ В. С. Зорин принимает лауреата Нобелевской премии мира Генри Киссинджера, в прошлом — помощника президента США по безопасности, а затем Госсекретаря США, ныне же — профессора Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне и руководителя собственной международной консалтинговой фирмы. Интересно, покажется ли Г. Киссинджеру достаточно дипломатичным вопрос ведущего о том, как он сам относится к версии, что именно его политика погубила карьеру президента Никсона? Записана беседа была во время поездки В. С. Зорина в Соединенные Штаты.

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.30 — Мультфильм. 8.45 — «Большая перемена». 2-я с. 9.55 — И. Л. Андюшенков — «Воспоминания о большом зале». 11.25 — Детский час. 12.25 — Коллаж. 12.30. 15.30. 21.00. 0.10 — ТСН. 13.00 — «Это было... было...» 15.45 — «ТелеЭКО». 16.15 — Тел. док. фильм. 17.15 — Выступ. участников цирковой студии Воронежа. 17.30 — Конгресс детских хоров. 18.00 — Политическое диалог. 19.10 — Э. Элгар — Интродукция и аллегро для квартета и камерного оркестра. 19.25 — Недипломатические беседы. «Большая перемена». 2-я с. 21.40 — Муз. прогр. 22.10 — «Слово».

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.15 — «Помните, у Пришвина...» Науч.-поп. фильм 8.35 и 9.35 — Окружающий нас мир. 1-я класс. 8.55 — Науч.-поп. фильм. 9.05 и 10.05 — Франц. язык. 1-я и 2-я год обуч. 9.55 — «Миг из глубины веков». Науч.-поп. фильм. 10.35 и 11.35 — Музыка. 6-я класс. 11.05 — Наш сад. 12.05 — «С вечера до полудня». Тел. худ. фильм. 1-я с. 13.10 — Ритм. гимнаст. 13.40 — Сеанс повторн. телефильма. «Личное счастье». 1-я и 2-я с. 17.00 — Гостелерадио Удмуртской АССР. 17.25 — «Запретный город» 3-я и 4-я с. 18.30 — Время. 19.00 — Гостелерадио Дагестанской АССР. 19.15 — Хоккей. Чемпионат СССР. «Динамо» (Москва) — «Химик». 2-я и 3-я периоды. 20.45 — Теннис. 21.35 — Коллаж. 21.40 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.40 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.40 — «С вечера до полудня». 2-я с.

СРЕДА — 3 октября

О ВЕРЕ МУХИНОЙ

— 2 пр., 8.15.

...Мало кто знает, что она была удивительно многогранна. Она очень много работала в театре, была блистательным рисовальщиком, великолепно чувствовала цвет. Ее эскизы театральных костюмов — это прекрасные графические работы. Начатое еще до войны и ставшее в конце 40-х годов чуть ли не основным ее делом — это стекло.

Все вещи доставались ей тяжело. Умерла она от болезни, которую называют «лежачее сердце»,— это профессиональная болезнь грузчиков (из воспоминаний внучки Мухиной, художницы М. Замковой).

«ОСТРОВ СОКРОВИЩ»

— 1 пр., 15.45.

Повезет тем из ребят, кто окажется в среду днем дома. Они смогут посмотреть увлекательнейший «Остров сокровищ», снятый по роману Стивенсона. Тем более что в этой картине студии «Ленфильм» играют прекрасные актеры: Л. Марков, В. Стржельчик, О. Борисов, Н. Караченцов и др.

● *В. Мухина. Эскиз костюма к трагедии Софокла «Электра». 1944 г.*

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Конгресс детских хоров. 9.05 — «Слово». 11.05 — Играет Л. Тимофеева (фортеп.). 11.25 — Клуб путешественников. 12.30. 15.30. 18.30. 21.00 и 0.40 — ТСН. 15.45 — Фильм — детям. «Остров сокровищ». 1-я с. 16.50 — Музыкальная сокровищница. Л. Бетховен. 17.30 — Детский час. 19.00 — Футбол. «Спартак» — (Москва) — «Спарта» (Прага). 21.40 — Коллаж. 21.45 — Футбол. «Динамо» (Киев) — «Куопион Палloсеура» (Финляндия). 23.25 — «Ступени».

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.15 — «Завещание Веры Мухиной». Док. фильм. 8.35. 9.35 — Литература. 5-я класс. 9.05. 10.05 — Немецкий язык. 1-я и 2-я год обуч. 10.35. 11.35 — Общая биология. 10-я класс. 11.05 — «Бурда моден» предлагает...» 12.05 — «С вечера до полудня». 2-я с. 13.10 — «Хроники Святослава Рихтера». Тел. док. фильм. 14.25 — «Личное счастье». 3-я с. 17.00 — Телестудии городов РСФСР. 17.30 — К.-М. Вебер — Увертюра к опере «Оберон». 17.40 — «Запретный город». Науч.-поп. фильм. 5-я и 6-я с. 18.30 — Время. 19.00 — Телестудии городов РСФСР. 19.25 — Т. Доронина читает стихи С. Есенина. 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — «Пресс-клуб» представляет...» 20.50 — Коллаж. 20.55 — Теннис. 21.40 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.10 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.10 — «Братья Рико». Тел. худ. фильм. 1-я с. 0.15 — «О запретном».

ЧЕТВЕРГ — 4 октября

НАСЛЕДИЕ

— 2 пр., 20.15.

«...Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми,— но настолько ж она больней и острей у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей». — Из статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

На этот раз в цикле «Наследие» мы увидим передачу, снятую в Пятигорске, родном городе А. И. Солженицына. В ней примут участие сестра писателя К. В. Солженицына и библиотекарь Е. А. Логунова.

— 2 пр., 11.05.

М. ВОЛКОНСКАЯ. «Я летаю на собственных крыльях» — картина студии «Киевнаучфильм» посвящена судьбе этой замечательной русской женщины.

● *М. Н. Волконская.*

● *А. Солженицын.*

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

После войны...

Телегид, я человек немолодой, и с удовольствием вспоминаю шедшие на экранах наших кинотеатров сразу же после войны так называемые трофейные немецкие фильмы: «Тигр Ангар», «Трансваль в огне», «Восстание в пустыне», «Охотники за каучуком» и многие другие. Сейчас они исчезли бесследно. Понимаю, видимо, дело в каких-то особых условиях их проката в кинотеатрах. Но, может быть, можно их показать хотя бы по телевидению.

В. САМОЙЛОВ.
ЛЕНИНГРАД.

Телегид: Кстати, замечательный вопрос, я бы сам с удовольствием задал его руководителям «Госфильмофонда». Ведь мне в отличие от нашего читателя видеть эти картины после войны не довелось.

Интервью с Главным?

Телегид, как ты думаешь, чем руководствуются руководители различных редакций Гостелерадио и ведущие программ, приглашая к разговору сейчас, когда в разгаре подписная кампания, главных редакторов только некоторых изданий. Причем порой этот выбор достаточно тенденциозен. Мне кажется, более справедливым было бы выделить в передачах специальные рубрики, в которых предоставлялось бы слово представителям любой прошедшей регистрацию газеты или журнала.

А. ИВАНОВ.
ВОРОНЕЖ.

Телегид: Абсолютно с вами согласен, уважаемый Александр Павлович. Мы тоже были бы рады увидеть, скажем, в программе «Время» интервью с главным редактором «Советской культуры» А. Беляевым или услышать разговор с редактором нашего приложения «Экран и сцена» А. Авдеенко.

Повторенье — мать ученья

Телегид, иногда мне кажется, что детская редакция ЦТ взялась воспитать в наших детях стойкое терпение, неделями, а то и месяцами показывая один и те же выпуски «Детского часа». Мы и так нередко сетуем, что дети проводят слишком много времени перед телевизором, а уж когда вдобавок им приходится смотреть одно и то же — совсем обидно.

Многодетная мать.
ИВАНОВО.

Телегид: Думаю, с многодетной мамой трудно не согласиться. Может, сотрудники детской редакции решили руководствоваться старым, испытанным принципом: «Повторенье — мать ученья»?

Была ли книга?

После первого показа телевизионного фильма «Рабыня Изаура» я решил прочитать книгу, по которой он поставлен, но в библиотеках не нашел. А мой друг утверждает, что когда-то читал ее. Телегид, рассуди нас, ответь, кто прав.

Т. КОВАНОВ.
АРХАНГЕЛЬСК.

Телегид: Сначала в поисках ответа на вопрос моего читателя я отправился в районную библиотеку — но там такого романа тоже не оказалось, тогда пришлось обратиться туда, где об изданных книгах знают все,— во Всесоюзную книжную палату. И ее сотрудники ответили мне, что роман бразильского писателя прошлого века Бернарда Жоакима да Сильва Гимаразиса «Рабыня Изаура» в нашей стране не издавался. Но ваш друг может выиграть спор — если он в совершенстве владеет португальским языком.

Запретные фильмы

Телегид! У меня вопрос серьезный. Я испытал истинное наслаждение, когда смотрел такие великолепнейшие сериалы, как «Прикосновения растений» (Франция) и «Запретный город» (Китай). Однако чего я никак не могу понять: почему наше родное ТВ упорно показывает познавательные фильмы ночью, когда те, кто просто обязан их видеть, крепко спят!

А. ЛЕТЕНКО.
МОСКВА.

Телегид: Логику работников ТВ, составляющих программу, иногда очень трудно понять. Вот и на новой неделе для полюбившегося вам фильма «Запретный город» выбрано довольно странное время — 17.30. У ребят, которые учатся во вторую смену, еще в разгаре уроки, а взрослые, скорее всего, на работе. Интересно, кто будет смотреть «Запретный город» на этот раз?

Куклы и звезды

Дорогой Телегид! Хотя мой возраст юным уже давно не назовешь, по-прежнему люблю кукольный театр. Поэтому фильм «Мир кукольного театра», который показывали не так давно по ЦТ, был для меня праздником души. Может, ТВ повторит его или порадует чем-нибудь новеньким!

Т. ФЕДОТОВА.
СМОЛЕНСК.

Телегид: Насколько я знаю, ваш любимый фильм телевидение повторяло совсем недавно. А вот в воскресенье, 7 октября, готовьтесь к новому празднику души. Специально для вас, а также для всех любителей кукол, музыки, юмора — премьера двенадцатисерийного английского кукольного фильма-концерта «Маппет-шоу». Вы познакомитесь и, надеюсь, подружитесь с находчивым лягушонком Кермитом, очаровательной свинкой мисс Пигги, забавным медвежонком Фоззи и, кроме того, встретитесь со всемирно известными звездами театра, эстрады и кино. Назову лишь несколько имен: Шарль Азнавур, Элтон Джон, Сильвестр Сталлоне, Джулия Эндрюс... Если вы уже заинтригованы — включайте первую программу в 22.00.

В мой адрес поступили...

Уважаемый Телегид! Приветствую ваше возвращение на страницы газеты!

Я всегда с удовольствием читала ваш разговор с читателями, хотя сама никогда не писала в газету. Но, как все хорошее, вы исчезли из газеты, и я подумала, что изменить ничего нельзя. Но когда узнала, что вы возвращаетесь и вам нужна наша поддержка, я решила подать голос за ваше окончательное возвращение. А каким вас представляю в 1991 году! Да будьте такими, как были, и достаточно!

До скорого свидания.
Тихий благодарный читатель

В. ПОПОВА.
ХАРЬКОВ.

Здравствуйте, дорогой Телегид!

Какому богу молиться, воздавая благодарность за то, что вы наконец-то вернулись к нам!! Я испытываю непередаваемую радость! С нетерпением жду интересного разговора с вами! Программу составьте сами. Сразу приму. Работайте, Телегид, работайте!

С глубочайшим уважением

А. ТЕТЕРИНА.
Ферганская область.

Телегид! Очень рады твоему возвращению, очень тебя не хватало. Собрались было уже оформить подписку на будущий год, да неожиданно призадумались. А вдруг ты возник только на время подписной кампании и с ее окончанием снова галантно извинишься и исчезнешь вместе со всей телеполосой. А!

Семья ГОВОРОВЫХ.
ОДЕССА.

Телегид: Что мне остается сказать после всех этих приятных слов? Поблагодарить, заверить — в новом году непременно буду еженедельно встречаться со всеми подписчиками «СК» и, скромно опустив глаза, сделаю вид, что к комплиментам совершенно равнодушен. Читайте. Пишите. Подписывайтесь на «СК». Всегда ваш

Телегид.

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Мультфильм. 8.45 — «Большая перемена». 3-я с. 9.50 — Футбол. 11.30 — Детский час. 12.30. 15.30. 18.30. 21.00 и 23.55 — ТСН. 13.00 — Коллаж. 13.05 — «Ступени». 15.45 — «Остров сокровищ». 2-я с. 16.50 — Тел. очерк. 17.15 — «Две любящих души». О творчестве М. и А. Цветаевых. 18.00 — Актуальная камера. 19.10 — «До шестнадцати и старше». 19.55 — «Большая перемена». 3-я с. 21.40 — Музыка в эфире. 22.40 — По сводкам МВД. 22.55 — Музыка в эфире.

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.15 — Тел. док. фильм. 8.35 и 9.35 — Природоведение. 4-я класс. 9.05 и 10.05 — Испанский язык. 1-й и 2-й год обуч. 10.35 и 11.35 — Литература. 10-я класс. 11.05 — Науч.-поп. фильм. 12.05 — «Братья Рико». Тел. худ. фильм. 1-я с. 13.10 — Ритм. гимнаст. 13.40 — Концерт. 14.25 — «Личное счастье». 4-я с. 16.50 — Телестудии городов РСФСР. 17.20 — «Запретный город». 7-я и 8-я с. 18.30 — Время. 19.00 — Ритм. гимнаст. 19.30 — Кинопублицистика союзных республик. 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — Телестудии городов РСФСР. 21.00 — Теннис. 21.40 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.10 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.10 — «Братья Рико». 2-я с.

ПЯТНИЦА — 5 октября

«АРЕНА»

— 2 пр., 19.00.

«Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Белая ладья» — еще недавно мы умилялись, перечисляя названия этих детских спортивных клубов. А сколько восторга вызывали 12-14-летние девочки, занимающие первые места на мировых гимнастических первенствах. Но на самом деле процессы эти совсем не безобидные, а иногда даже и страшные. Проблемам детского спорта в СССР посвящен очередной выпуск передачи «Арена».

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.30 — Мультфильм. 8.40 — «Большая перемена». 4-я с. 9.45 — Музыка в эфире. 11.45 — «...До шестнадцати и старше». 12.30. 15.30. 18.30. 21.00 и 1.25 — ТСН. 15.45 — «Остров сокровищ». 3-я с. 16.50 — Мультфильм. 17.00 — «50 × 50». 19.00 — Прогресс. Информация. Реклама. 19.30 — Играет К. Яблонский (фортеп.). 19.50 — «Большая перемена». 4-я с. 21.40 — Коллаж. 21.45 — В Правительстве СССР. 21.55 — «Это было... было...» 22.25 — «ВиД».

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.15 — «Страсти по Харису». Науч.-поп. фильм. 8.35 и 9.35 — Природоведение. 3-я класс. 9.05 и 10.05 — Английский язык. 1-й и 2-й год обуч. 10.35 и 11.35 — Литература. 6-я класс. 11.05 — «Великобритания — сегодня». 12.05 — «Братья Рико» 2-я с. 13.10 — «Рыцарь музыки Георг Отс». Тел. док. фильм. 14.10 — Док. фильм «Пока гром не грянет...» 14.30 — «Личное счастье». 5-я с. 17.00 — Телестудии городов РСФСР. 17.25 — Народные мелодии. 17.35 — «Запретный город». 9-я и 10-я с. 18.30 — Время. 19.00 — Арена. 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — «Кто последний?.. или Потребитель бросает вызов». 20.45 — Коллаж. 20.50 — Теннис. 21.40 — Спорт для всех. 21.55 — На сессии Верховного Совета СССР. 22.25 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 23.25 — «Единственный мужчина». Тел. худ. фильм. 1-я и 2-я с.

СУББОТА — 6 октября

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ — КВН

— 1 пр., 19.10.

Мы станем свидетелями первого полуфинала сезона. «Скрестят оружие», то есть продемонстрируют свое веселье и находчивость команды Днепропетровского государственного университета и Донецкого политехнического института.

ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО

— 1 пр., 21.40.

На этот раз «самое телевизионное» субботнее время отдано детективу — премьера телевизионного художественного фильма «Мускал», снятого на студии «Туркменфильм».

Стоит ли пересказывать сюжет детектива? Не уверен. Но снята картина по законам жанра: неожиданное убийство, наркотики, местная мафия, бандиты и прокуратура — полный детективный набор.

Первая программа. 6.30 — 120 минут. 8.35 — Наш сад. 9.05 — Человек. Земля. Вселенная. 10.05 — Партнер. Коммерч. вестник. 10.35 — «Судьба поэта». «Таджикфильм». 12.30 — В мире животных. 13.30 — Прогноз. 14.00 — Движение без опасности. 14.30 — Встреча в Концертной студии Останкино с В. Захарченко. 16.05 — Семейный экран «На исходе лета». 17.40 — Мультфильм. 18.00 — Международная панорама. 18.45 — Концерт. 19.10 — КВН-90. 21.00 и 0.00 — ТСН. 21.40 — Премьера тел. худ. фильма «Мускал». 1-я и 2-я с. 0.15 — Концерт Мадонны (США).

Вторая программа. 8.00 — Утр. гимнаст. 8.20 — Ногайские узоры. 8.45 — Мультфильм. 8.55 — «Семья». 9.55 — О межреспубликанском фестивале театров Украины и Молдовы. 11.25 — Союз учителей СССР. 11.55 — Концерт Д. Питерс (скрипка). 12.35 — Прогресс. Информация. Реклама. 13.05 — «Фотографии на стене». Худ. телефильм. 1-я серия. 14.30 — «Советская Россия». 17.20 — Концерт. 18.45 — Коллаж. 18.50 — Фильмы режиссера Ю. Велянкина. «Дмитрий Шостакович». 20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» 20.15 — Теннис. 21.00 — Время. 21.40 — Дневник сессии Верховного Совета РСФСР. 22.40 — Фильм-концерт. 23.45 — Мультфильмы. 0.05 — «Лицо на мишени». Худ. телефильм. 1-я и 2-я с.

Образовательная программа. 8.00 — Разминка для эрудитов. 8.50 — Испанский язык. 1-й год обуч. 9.25 — Служба 01. 9.45 — Здоровье. 10.30 — Профессия — коммерсант. 11.00 — Все грани прекрасного. 12.00 — Немецкий язык. 1-й год обуч. 12.35 — Вокруг света. 13.35 — Детский час. 14.35 — Все грани прекрасного. 15.35 — Французский язык. 1-й год обуч. 16.10 — Педагогика для всех. 17.10 — Русская речь. 17.40 — Англ. язык. 1-й год обуч. 18.15 — Все грани прекрасного. 19.00 — «В объективе — Германия». Передача для владеющих немецким языком. 20.00 — Научный вестник. 20.45 — Итальянский язык. 21.15 — Испанский язык. 1-й год обучения. 21.45 — Премьера художественного фильма на французском языке. «Мадам Бовари» (Франция).

Ленинградская программа. 15.40 — «Захудалое королевство». Телеспектакль. 17.40 — «Диалог со сценой». Муз. телефильм. 18.45 — ТТЦ «Лира». 20.00 — Реклама. Объявления. 20.10 — Телестанция «Фанта». 20.30 — «Большой фестиваль». 20.45 — «Экспресс-кино». 21.00 — Время. 21.40 — «Музыкальный телефон». 21.55 — «Мой ласковый и нежный зверь». Худ. фильм. 23.40 — «Топ-секрет». 0.15 — «Телекурьер».

ВОСКРЕСЕНЬЕ — 7 октября

Первая программа. 8.00 — Спорт для всех. 8.15 — Ритм. гимнаст. 8.45 — «Спортлото». 9.00 — С утра пораньше! 10.00 — На службе Отечеству. 11.00 — Утр. развл. программа. 11.30 — Вокруг света. 12.30 — Музык. экспл. 13.00 — Здоровье. 13.45 — Цирк на воде. 14.35 — «Арбатский мотив». Худ. телефильм. Фильм 1-й — «Старый дом». 15.50 — Сельский час. 17.05 — Прогр., посв. 30-летию радиопередачи «С добрым утром!» 19.40 — «Арбатский мотив». Фильм 2-й — «Наследство». 21.00 — ТСН. 21.40 — О простом и вечном. 21.55 — Фотоконкурс. 22.00 — Тел. кукольный фильм-концерт «Маппет-шоу». 1-я и 2-я с. (Великобритания). 22.45 — Футб. обозр. 23.15 — Танцы, танцы, танцы.

Вторая программа. 8.00 — На зарядку становись! 8.20 — «Здравствуй, сабантуй!» 9.00 — Док. телефильм. 9.40 — В. Комаров. Концерт для виолончели с оркестром. 10.00 — «Человек из страны Грин». Телеспектакль для детей. Части 1-я и 2-я. 12.10 — Док. телефильм. 13.00 — «Фотографии на стене». Худ. телефильм. 2-я с. 14.30 — «Советская Россия». 17.00 — Планета. 18.00 — Теннис. 19.00 — Футбол. Чемпионат СССР. «Динамо» (Киев) — ЦСКА. 20.55 — Коллаж. 21.00 — Время. 21.40 — «Не забудь оглянуться». Худ. телефильм.

Образовательная программа. 8.00 — Разминка для эрудитов. 8.50 — Испанский язык. 2-й год обуч. 9.55 — «Вивлиофика». 10.25 — Все грани прекрасного. 11.25 — Немецкий язык. 2-й год обуч. 12.00 — Детский час. 13.00 — В мире животных. 14.00 — Все грани прекрасного. 15.00 — Франц. язык. 2-й год обуч. 15.35 — Педагогика для всех. 16.20 — Человек. Земля. Вселенная. 17.20 — Все грани прекрасного. 18.50 — Англ. язык. 2-й год обуч. 19.25 — Диалог с компьютером. 20.10 — Все грани прекрасного. 21.10 — Итальянский язык. 21.40 — Испанский язык. 2-й год обуч. 22.10 — «Семья».

Ленинградская программа. 15.20 — «Телекурьер». 16.05 — «Кузины сказки». 16.20 — Сказка за сказкой. «Волшебное кольцо». 17.00 — Сегодня и ежедневно. 17.30 — «Северные звоны». Док. телефильм. 18.00 — «Вам и не снилось». Худ. фильм. 19.30 — «Зебра». 21.00 — Время. 21.40 — Монитор. 22.40 — Музыкальная телеигра «Да».

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

— 2 пр., 12.10.

«Хрустальное окно Шалвы-учителя» — так поэтично авторы назвали передачу, посвященную творчеству Ш. Амонашвили, академика АПН СССР, педагога-новатора. Тесное духовное сотрудничество учителя и ученика — в этом кредо Амонашвили.

Главный редактор А. Беляев.

Редакционная коллегия: А. Авдеенко (зам. главного редактора), Б. Берман, Г. Дубасов, О. Иванов (первый зам. главного редактора), А. Каменев, Г. Кондратенко (зам. главного редактора), Т. Кузнецов (зам. главного редактора), Т. Меньшикова, П. Михалев (отв. секретарь), С. Разгонов, Ю. Соломонов, Г. Терехова.

НАШ АДРЕС: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73
Телефоны: для справок — 285-78-02, отдел писем — 214-61-22.

Газета выходит по субботам

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 50126.
Тираж 735000.
Тип. № 11579.